

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

МОНГОЛ СУДЛАЛ

MONGOLIAN STUDIES

ЭЛИСТА
2016

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Выпуск 9

Элиста
2016

УДК 94(47)+811.512.37
ББК 81+83+82+63.3 (2 Рос=Калм)+63.5+60.5
М 77

Научное издание

Печатается по Решению Ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Редакционная коллегия:

канд. фил. наук *В. В. Куканова* (отв. редактор),
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева*,
д-р ист. наук *С. А. Арутюнов*, д-р ист. наук *К.Н. Максимов*,
д-р ист. наук *И.Ф. Попова*, д-р фил. наук *Т. Б. Басангова*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*,
канд. фил. наук *Д. Н. Музраева*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,
д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, д-р фил. наук *В. Н. Мушаев*,
д-р фил. наук *В. И. Рассадин*, д-р фил. наук *С. М. Трофимова*,
д-р ист. наук *К. В. Орлова*, канд. фил. наук *И. С. Надбитова*,
д-р ист. наук *А. Н. Команджаев*, канд. соц. наук *С. Э. Лиджи-Горяева*,
д-р ист. наук *С. П. Тухтенева*

Монголоведение: сборник научных трудов. Вып. 9 /
М 77 отв. ред. В. В. Куканова, сост. И. С. Надбитова. – Элиста:
КалмНЦ РАН, 2016. – 228 с.

В сборник освещаются актуальные проблемы истории и филологии
монгольских народов.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, аспирантов,
студентов, а также для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-906881-09-0 (вып. 9)
ISBN 978-5-903833-35-1
ISSN 2500-1523

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр
Российской академии наук», 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бадмаева Е. Н. Некоторые вопросы управленческой политики в советской России в 1920–1930-е гг. (на примере Калмыкии)	5
Очиров У. Б. Книги Памяти Ростовской области как источник по истории участия калмыков в Великой Отечественной войне . . .	17
Бакаева Э. П. О символике воротника в традиционной одежде ойратских народов	26
Батыров В. В. Хозяйственный быт калмыков на рыболовных промыслах во второй половине XIX в.	39
Шараева Т. И. Локализация предметов с сакральным значением в жилище у калмыков	47
Батырева С. Г., Батырева К. П. «Культурный номадизм» в изобразительном искусстве Калмыкии 1980–1990-х гг.	56

ФИЛОЛОГИЯ

Бачаева С. Е., Мулаева Н. М. Синтагматика имен прилагательных <i>өндр</i> ‘высокий’ и <i>гун</i> ‘глубокий’	70
Бачаева С. Е. Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: дефиниции названий небесных светил	78
Баянова А. Т. Калмыцкие реалии на фоне немецких эквивалентов (на материале записей сказок Г. Й. Рамстедта)	89
Бичеев Б. А. О списках рукописей и устной версии «Истории Унекер Торелкиту хана»	103
Бичеев Б. А., Бембеев Е. В. О текстах буддийских молитв покаяний	111
Горяева Б. Б. Современное бытование калмыцкого языка сквозь призму фольклорной традиции (на материале записей Т. С. Тягиновой)	120
Корнеев Г. Б. Эпитеты Будды (на материале сутры «Царь благих пожеланий»)	128
Куканова В. В. Чанкинг именной группы в свете разработки синтаксического подкорпуса Национального корпуса калмыцкого языка (предварительные замечания)	136
Баянова А. Т., Куканова В. В. Научно-информационный портал «Материалы и исследования по монгольским языкам»: структура и контент	148

Меняев Б. В. Ойратские ксилографы, хранящиеся в частных коллекциях Синьцзяна КНР	155
Музраева Д. Н. К проблематике исторического изучения оригинальных и переводных сочинений калмыцких буддийских священнослужителей	163
Мулаева Н. М. Тематическая группа «пища» в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»	172
Мулаева Н. М., Бачаева С. Е. Синтагматика имен прилагательных, обозначающих геометрическую форму объекта (на материале Национального корпуса калмыцкого языка)	186
Селеева Ц. Б. Функциональные особенности сравнений в калмыцких богатырских сказках	196
Манджиева Б. Б. О создании базы данных аутентичных текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар»	211
Кичикова Б. А. «...И друг степей калмык»: из материалов к комментарию	218

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.5

Некоторые вопросы управленческой политики в советской России в 1920–1930-е гг. (на примере Калмыкии)

On Some Aspects of the Administration Policies
in the Soviet Russia in the 1920–1930s
(evidence from Kalmykia)

*Е. Н. Бадмаева (E. Badmaeva)*¹

¹ доктор исторических наук, заведующий отделом истории, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Ph.D. in History (Doctor of Historical Sciences), Head of Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Аннотация. В данной работе рассмотрен процесс формирования органов управления народным хозяйством Калмыцкой автономной области в 1920–1930-е гг. Изучено влияние номенклатурного принципа управления на подбор кадрового, в особенности руководящего, состава. Научная новизна исследования заключается в использовании впервые введенных в научный оборот архивных источников по изучению проблем государственного управления в Калмыцкой автономной области в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова. Управленческая политика, кадры, органы власти, Калмыцкая автономная область.

Abstract. The paper examines the process of formation of governing bodies in the Kalmyk Autonomous Oblast' in the 1920–1930s. The influence of the nomenclature management principle on selection of personnel and especially of the leading officials has been studied. The formation of managerial human resources in the Kalmyk Autonomous Oblast' in the 1920–1930s was conducted within the framework of the Russian statehood and is characterized by the specific features and methods for introduction of modernization processes. One of the peculiarities of the management policy in the KAO was exact promptness of the local authorities and strict obedience to the directions of the central authorities which was determined by the Buddhist factor, traditional

customary norms, deeply rooted communal traditions, priority of the communal over the individual. The scientific novelty of the research is that a number of archival sources related to the issue of studies of the state administration in the Kalmyk Autonomous Oblast' in the 1920–30s have been used and, thus, introduced into scientific discourse.

Keywords: administration policies, personnel, authorities, Kalmyk Autonomous Oblast'.

На современном этапе исторический опыт государственного управления в 1920–1930-е гг. приобретает особое значение и привлекает внимание современной российской власти, отечественных и зарубежных исследователей. Послереволюционная управленческая администрация в советском государстве структурно состояла из иерархически выстроенных, строго подчиненных по вертикали, центральных, региональных и местных органов власти. В первые послереволюционные годы строительство и формирование новой власти шло ускоренными темпами в процессе решения текущих задач социалистического строительства. Высший уровень власти в Центре, где главную роль играло набравшее силу Оргбюро (Политбюро) РКП (б), подбирал для назначения руководящие партийные и советские кадры для регионального уровня; далее процесс подбора и расстановки руководящих кадров шел по цепочке вниз — вышестоящие органы власти решали кадровые вопросы с назначениями или избраниями в нижестоящих. Региональные власти согласовывали назначение министров с профильными министерствами в Центре, но в свою очередь кандидатуры руководителей низовых органов власти и управленческих подразделений проходили процедуру согласования с ними. Однако каждый уровень власти имел известную самостоятельность в вопросе подбора и расстановки кадров в аппарате управления. В этом отношении изучение механизмов становления и развития управленческих кадров в советский период в Калмыцкой автономной области, в особенности в 1920–1930-е гг. — в период трансформации политического и социально-экономического укладов общества, исследование специфики и особенностей формирования кадрового состава органов управления народным хозяйством территории, является, на наш взгляд, весьма интересным и актуальным.

В калмыцкой историографии практически нет работ, посвященных исследованию кадрового состава органов управления народным хозяйством на региональном уровне, хотя имеется обширный пласт литературы, посвященный экономическим реформам [Убушаев 1979; Максимов 1981; Оглаев 1987]. Только работа проф. К. Н. Максимова была специально посвящена органам государственного управления, но она представляла собой небольшую по объему брошюру справочного характера [Максимов 1970]. Указанное обстоятельство и актуальность проблемы, как нам представляется, вызывают необходимость комплексного изучения истории управленческих кадров в Калмыцкой автономной области в 1920–1930-е гг.

Установление советской власти привело к необходимости реформирования структуры органов управления в советской России. Старые управленческие кадры по классовому принципу не принимались в органы управления, новых подготовленных специалистов с пролетарским происхождением в этот период еще не было. Государство испытывало дефицит компетентных и квалифицированных специалистов партийно-государственного и хозяйственного аппаратов, тем более, способных решать обширные по своему охвату и глубинные мероприятия новой экономической политики, переход к которой состоялся по решению X съезда РКП (б) в марте 1921 г. Страна не могла проводить кардинальные модернизационные преобразования в области экономики без сильной государственной власти и жесткой бюрократической машины, грамотного и эффективного менеджмента. Необходима была хорошо скоординированная и управляемая государственная советская служба, о колоссальном значении которой в решении общегосударственных задач, говорил В. И. Ленин: «Разверстка и „аппарат“. Без „аппарата“ мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма» [Ленин 1970: 381].

В законодательстве начала 1920-х гг. отмечалось, что вопросы, касающиеся функционирования органов государственной власти в советской России, в том числе и государственной службы, должны быть урегулированы соответствующими нормативными

правовыми актами [СУ РСФСР 1921: Ст. 1]. Декрет СНК РСФСР от 21 декабря 1922 г. «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях» [СУ РСФСР 1923: Ст. 8; 1924. Ст. 2, 550; 1928. Ст. 825] регулировал порядок поступления на работу и продвижения по службе, права и обязанности работников государственного аппарата, вопросы, связанные с их материальным обеспечением и социальными гарантиями. Руководство проведением новой административной политики подчинялось Центральной контрольной комиссии (ЦКК) РКП (б) и Народному комиссариату Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ). Координация всей работы осуществлялась Политбюро ЦК РКП (б). Непосредственными исполнителями административной реформы являлись работники государственного аппарата. Если на первом этапе административной реформы подбор и расстановку управленческих кадров проводили сами государственные органы, то в дальнейшем данный процесс стал исключительно прерогативой коммунистической партии. В этот период еще, наверное, нельзя сказать, что произошло сращивание партийного и государственного аппарата, скорее всего, появились первые ростки быстро набирающего процесса присваивания партийным аппаратом государственных функций в деле формирования аппарата управления. XII съезд РКП (б) (17–25 апреля 1923 г.) обозначил ведущую роль партийной власти над государственной и хозяйственной бюрократией: «партия направляет и должна направлять деятельность всех хозяйственных органов республики...» [КПСС в резолюциях 1984: 53]. Данная резолюция съезда была принята под нажимом набравшего в это время политический вес партийного генсека Сталина, считавшего, что партия должна непосредственно участвовать в кадровом подборе на руководящие должности «лиц, всецело ей преданных и беспрекословно исполняющих „генеральную линию“ партии» [Сталин 1947: 73]. Результатом принятых партийных решений стало введение с конца 1923 г. номенклатурного принципа подбора кадров, суть которого заключалась в назначении, перемещении и увольнении управленцев разного уровня по воле «партийных верхов». Номенклатурный принцип подбора кадров на руководящие должности стал неотъемлемым элементом советской бюрократи-

ческой организации, однако предусмотренные для номенклатуры социальные гарантии и оплата труда и т. п. фактически нигде законодательно закреплены не были. Данные отношения во многом регулировались корпоративными актами и властными императивами, исходившими от партии.

Работа советских органов в Калмыцкой автономной области с самых первых лет установления новой власти проходила под вниманием большевистской партии. В 1923–1925 гг. назначения, перемещения и увольнения должностных лиц в государственном аппарате и в хозяйственных органах проводились с согласия или по рекомендации соответствующего партийного комитета. Областная власть строго следовала указаниям еще дооктябрьского периода руководителя большевистской партии В.И. Ленина, решениям IX, X, XI и XII партийных съездов о важности партийного руководства в подборе кадров. Для обеспечения управленческой верхушки новыми кадрами, как подчеркивалось в резолюции съезда партии, «необходимо организовывать выдвижение передовых рабочих и крестьян на руководящую работу в государственный, хозяйственный, кооперативный, профсоюзный и прочие аппараты [КПСС в резолюциях 1970].

«Выдвиженчество» партии явилось основным источником формирования руководящего состава на всех уровнях в КАО. Партийные комитеты осуществляли подбор и назначение на руководящие должности, во-первых, с учетом социального происхождения претендента, во-вторых, его партийного членства, в-третьих, — на основе родства, личного знакомства и землячества. Профессиональные, деловые и моральные качества выдвигаемого на должность были на втором плане. Кадровый костяк высшего и среднего звена на областном, улусном (районном) уровне 1920-х гг. являлся выдвиженцами сверху. Он состоял, как правило, из выдвиженцев из рабоче-крестьянской среды, членов большевистской партии. В Зюневском аймаке Багацохуровского улуса (района) председателем АИКа, как свидетельствуют архивные материалы, был «Мукабен Дорджиев, 46 лет, назначенец, партийный, из местных крестьян. Образование низшее. Организационных способностей не имеет». Его заместитель — «член АИКа Горяев М. Б., 41 год, кан-

дидат в партию, из местных крестьян, образование не имеет, малограмотен. С работой справляется слабо» [НА РК. Ф. Р.-3. Оп. 2. Д. 727. Л. 180об.]. Как видим, в условиях партийного диктата, на первый план в управлении в Калмыцкой автономной области выходили малограмотные и некомпетентные люди, не имеющие ни профессиональных навыков, ни организационных способностей, тем самым, подрывавшие авторитет населения к органам власти и управления. Многие из тех, кто был выдвинут по протекции, из-за некомпетентности в своей профессии, оказывались не способными выполнять управленческие функции, что приводило к провалу работы на вверенном им участке.

Проверка Поволжской колонизационно-мелиоративной экспедиции в лице инспектора М. И. Кофанова и И. Г. Корнилова зафиксировала, что непосредственные руководители улуса — Председатель улусного исполкома Багацохуровского улуса Шаваев и член Президиума М. Ильдинеев являются выходцами из бедняцких семей, выпускниками Багацохуровской улусной школы, членами партии с 1923 г. Однако ни пролетарское происхождение, ни членство в партии не способствовали решению этими руководителями конкретных задач социально-экономического характера улуса. Ознакомившись с состоянием дел на месте, Комиссия охарактеризовала Шаваева и Ильдинеева как руководителей, «не имеющих ни опыта административно-организационной работы, ни практического стажа. М. Ильдинеев оказался слабым и безынициативным, в разговоре, касающемся его профессиональной деятельности, у него проскальзывала полная детская беспомощность. И как приговор — к выполнению возложенных на него обязанностей не пригоден [НА РК. Ф. Р.-3. Оп. 2. Д. 727. Л. 143–143об.].

Комиссия проверила работу заведующего улусным земельным управлением, члена Президиума, кандидата в члены ВКП (б) с 1925 г. Хулхачи Басангова и отметила его некомпетентность в вопросах разрешения земельных споров, возникающих по землеустройству улуса, и дала отрицательную оценку ему как руководителю: «полное непонимание возложенных на него обязанностей, а потому как руководитель совершенно непригоден, к тому не инициативен» [НА РК. Ф. Р.-3. Оп. 2. Д. 727. Л. 149об.]. Формулиров-

ка о профессиональной непригодности дополнялась личностной характеристикой: «крайне апатичен и отсутствие сознания ответственности за выполняемую работу [НА РК. Ф. Р.-3. Оп. 2. Д. 727. Л. 143об.]».

Начальники подобного типа, каковых в номенклатурной обойме того времени было много, всячески цеплялись за свои места и практически никогда добровольно не отказывалась от занимаемых должностей. В их сознании они как бы навечно оставались руководящими работниками с определенными привилегиями номенклатурных работников.

Отрицательную роль в процессе управления в Калмыцкой автономной области играла постоянная кадровая чехарда, снимавшая ответственность с руководителя. Так, например, 24 октября 1923 г. Постановлением I сессии пленума ЦИК Калмыцкой автономной области руководителем областного земельного управления был назначен Маслов с совместительством должности военкома области. Этим же постановлением его заместителем утвержден Хаглышев. Но уже 2 мая 1924 г. Постановлением высшего органа власти КАО Маслов назначается председателем Калмыцкого ЦИКа, начальником Облзу — член Президиума ЦИКа, коммунист Очиров. С 1 июля Хаглышев понижается в должности — до уполномоченного ЦИКа по руководству организацией посева в Большедербетовском улусе, а его место занимает Макаров [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 574. Л. 128]. Все эти должностные рокировки производились по рекомендации партийных комитетов, выступавших в роли своеобразных кукловодов, расставлявших марионеток в виде нужных фигур на управленческом поле.

В последующие годы (1927–1931) процесс формирования, укрепления и дальнейшего расширения группы выдвиненцев находился под вниманием и контролем партийного руководства в центре и на местах — ЦК и Политбюро ВКП (б), первых секретарей ЦК республик, краевых, областных, районных комитетов. Но, как и в прежние годы, решающим оставалась классовая и партийная принадлежность. С закреплением власти большевиков все тщательнее и подробнее расписывались должностные обязанности того или иного управленца, выстраивалась новая иерархия

должностей. В 1930 г. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции СССР издал документ «Номенклатура и характеристики должностей служащих госорганов СССР», с перечнем должностей и должностных обязанностей. В перечне должностей и в номенклатуру попало 404 должности с определением квалификационных требований и должностных обязанностей.

Для управленцев Страны Советов по этому документу была создана целая сеть закрытых распределительных столовых и им выдавались спецпайки, товары повышенного спроса по заниженным ценам, открывался доступ к определенной группе товаров, который определялся должностями. Однако нельзя сказать, что это было нововведение, скорее — корректировка и расширение прежних установлений советской власти, действовавших в начале 1920-х гг. Т. Кондратьева пишет, что даже когда «... в конце 1922 г. бесплатные пайки и натуральная заработная плата были отменены, то продукты и вещи по заниженным ценам, а то и бесплатно продолжали распределяться» [Кондратьева 2006: 87]. Практика социального обеспечения номенклатурного работника, действовавшая в 1920-х гг., получила новое развитие и в 1930-е гг. Ответственный работник, занимавший какую-либо номенклатурную должность, при уходе с нее включался в резерв по прежней должности на срок до двух лет. Тем самым советская номенклатурная система гарантировала обеспечение кадрами аппарата управления. Кроме советских служащих, в перечень обслуживаемых по спецпайкам, входили и директора предприятий, председатели колхозов, даже ответственные торговые работники. Например, в Калмыцкий областной продовольственный комитет поступило письмо с просьбой «выдать заведующему магазином Кожотдела Г. Попову дополнительно за сентябрь 1921 г. дополнительный паек, т. к. он является ответственным работником и должен получать по литеру „Б“ на 2-х, а по ошибке включен в список на сентябрь и октябрь на один „Г“, поэтому просим выдать Г. Попову еще 2 пайка» [НА РК. Ф. Р.-23. Оп. 1. Д. 240. Л. 66].

Конечно, партаппарат совместно с госаппаратом уделял большое внимание не только собственному благополучию. В фокусе внимания партийных комитетов центрального и регионального уровней находились многие вопросы общественно-политической,

социальной и экономической жизни страны и отдельных местностей. В частности, парткомы основательно занимались подготовкой и выборами в местные советы, контролировали состав представительных органов власти. Калмыцкий обком партии оказывал влияние на состав исполкомов местных советов при помощи номенклатурных списков должностей. Все руководящие работники исполкомов были членами и кандидатами в члены ВКП (б). В сельских советах КАССР в 1939 г. партийная прослойка была выше на 20 %, чем в целом по РСФСР. Правда, уровень образования сельских депутатов в регионе оказался ниже, чем в среднем по РСФСР, это обусловлено низким уровнем образования в целом в автономной республике. Большинство депутатов областного, улусного, сельских советов по социальному положению были выходцами из рабочих и крестьян. Два указанных выше фактора — низкое образование и социальное положение — влияли на слабое качество работы местных органов власти, в частности, это выражалось в бесчисленных недочетах в делопроизводстве, неграмотном оформлении протоколов, грамматических, стилистических ошибках в их составлении и т. д.

Выдвиженчество женщин в органы власти было особым направлением работы партии, оно должно было продемонстрировать их растущую социальную активность в условиях «демократизации» общества. Женщины активно выдвигались в представительные органы, привлекались в управленческий аппарат. В составе 97 сельских и поселковых советов Калмыцкой области в 1928 г. было 478 женщин или 16,5 % от общего числа депутатов [Максимов 2002: 285]. В состав областного исполкома Калмыцкой автономной области, который избран был X областным съездом Советов и предварительный список которого был заранее утвержден обкомом партии, вошли 10 женщин. Представительство женщин-депутатов в сельских советах Калмыцкой АССР в 1939 г. было выше среднего по РСФСР. Женщины-выдвиженцы, согласно партийным директивам, должны были быть членами или кандидатами в члены ВКП (б). Постановление ЦК ВКП (б) от 7 марта 1927 г. «О задачах в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат» определяло, где конкретно должны выдвигаться женщины: «выдвижение

работниц и крестьянок еще шло главным образом лишь по линии народного образования, здравоохранения и совбеса, надо принять меры по выдвижению их и в других сферах деятельности (хозяйственной, кооперативной и т. п.)» [КПСС 1984: 159].

Эти указания ЦК партии неукоснительно исполнялись Калмыцким обкомом партии и низовыми партийными организациями. Начиная с середины 1930-х гг., процент женщин-выдвиженцев в советских органах значительно вырос по сравнению с первыми годами существования советской власти. По профессиональному составу он соответствовал установке партии, в аппарате управленческих структур, в представительных органах КАО появились женщины из числа колхозниц, продавцов, работниц промышленности и др.

С выдвижением в управленческий аппарат Калмыкии значительного количества рабочих и крестьян, в особенности женщин, весьма особенно остро встал вопрос об их специальной подготовке. Формы подготовки в области были различными: краткосрочные курсы, курсы инструкторов, улусных секретарей, курсы переподготовки работников аппаратов и т. п. Таким образом, государство проявляло особую заботу о советских управленцах, создавало условия для дальнейшего карьерного роста. В 1921 г. в Калмыцкой автономной области открылась областная совпартшкола, куда направлялись наиболее подготовленные граждане из числа местных партийцев, комсомольцев, женщин. Только в 1925 г. совпартшкола подготовила для работы в советских и партийных органах 232 человека, из них калмыки составляли около 70 %. Подготовка управленцев калмыцкой национальности проводилась в рамках политики коренизации, объявленной ЦК ВКП (б) и Президиумом ВЦИК. Основные усилия направлялись на перевод делопроизводства в учреждениях на коренные языки народов СССР. В Калмоласти ощущался острый недостаток квалифицированных специалистов-управленцев из числа лиц калмыцкой национальности. Количество представителей коренной национальности в советских учреждениях области в процентном отношении было значительно меньше количества управленцев русской и других национальностей. По состоянию на 1925 г., он уступал в ЦИКе Калмоласти —

в 2,5 раза, в облфинотделе — в 10, а в облвоенкомате — в 20 раз [Максимов 2002: 286].

В КАО первоначально эксперимент по внедрению калмыцкого языка в делопроизводство учреждений проводился во всех учреждениях Хошеутовского улуса и в трех аймаках других улусов. Улюмджи Очирович Даваев, 1922 г. р., уроженец с. Кануково Сарпинского улуса, год назад ушедший из жизни, рассказывал автору статьи о том, что его дядя Корнусов Кару, 1910 г. р., работавший писарем в колхозе, положительно отзывался об идее перевода делопроизводства на национальный язык, так как переписка на родном языке облегчала ему написанию писем в другие улусы и аймаки, в то же время она способствовала приобщению русского населения к языку коренного населения. К 1930 г. политика коренизации сама собой свернулась, и больше к этой идее никто не возвращался. Прогрессивная, по сути партийно-государственная акция, хотя и не была по ряду причин доведена до логического конца, она помогла общей подготовке национальных управленческих кадров, повышению образовательного уровня вчерашних кочевников и, что немаловажно, способствовала увеличению часов преподавания калмыцкого языка в школах области.

В 1932–1936 гг. в Калмобласти, как и по всей стране, происходила постепенная смена управленческих кадров. В Калмыкии основной разделяющей чертой процесса ухода старой и прихода новой национальной управленческой элиты стали годы Большого террора. К этому времени управленцы старой гвардии в большинстве своем были репрессированы, а на смену им, выдвиженцам из рабочей и крестьянской среды, стали приходиться представители новой партийной номенклатуры, получившие специальное образование, но также имевшие рабоче-крестьянское происхождение.

Процесс становления управленческих кадров в Калмобласти в 1920–1930-е гг. проходил в рамках российской государственности, он характеризуется специфическими чертами и методами проведения модернизационных процессов. К числу особенностей можно отнести неукоснительную исполнительность местной власти и строгое подчинение указаниям сверху центральной власти, обусловленные буддийским фактором, традиционными нормами

обычая, глубокими общинными традициями, приоритетом социального перед личным и т. п. Принятие правовых актов в сфере организации государственного аппарата и государственной службы на союзном и республиканском (РСФСР) уровнях стало основой формирования, становления и развития управленческого аппарата в Калмыцкой автономной области, позже Калмыцкой автономной советской социалистической республики, в 1920–1930-е гг.

Источники

- Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1921. №1. Ст. 1.
СУ РСФСР. 1923. № 1. Ст. 8.
СУ РСФСР. 1924. № 1. Ст. 2; № 56. Ст. 550.
СУ РСФСР. 1928. № 128. Ст. 825.

Sources

- The Collection of Laws and Regulations of the Workers' and Peasants' Government. 1921. No. 1. Article 1. (In Russ.)
The Collection of Laws and Regulations of the Workers' and Peasants' Government. 1923. No. 1. Article 8. (In Russ.)
The Collection of Laws and Regulations of the Workers' and Peasants' Government. 1924. No. 1. Article 2; No. 56. Article 550. (In Russ.)
The Collection of Laws and Regulations of the Workers' and Peasants' Government. 1928. No. 128. Article 825. (In Russ.)
The National Archive of the Republic of Kalmykia. (In Russ.)

Литература

- Кондратьева Т.* Кормить и править: О власти в России в XVI–XX вв. / пер. с фр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 228 с.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М.: Политиздат, 1984. 494 с.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. М.: Политиздат, 1970. 1200 с.
Ленин В. И. Полн. собр. соч. Март–июнь 1921 г. Т. 43. Изд. 5. М.: Политиздат, 1970. 561 с.
Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 523 с.
Максимов К. Н. Органы государственной власти и государственного управления Калмыцкой автономной области. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 57 с.
Максимов К. Н. Развитие советской национальной государственности (на материалах Калмыцкой АССР). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 192 с.
Оглаев Ю. О. Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 160 с.
Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. 142 с.
Убушаев В. Б. Советы Калмыкии в борьбе за построение социализма. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 191 с.

References

- Kondratieva T. To Feed and Rule: On Power in Russia in XVI–XX Centuries. (transl.). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPAN), 2006. 228 p. (In Russ.)
Lenin V. I. Complete Collection of Works. March–June 1921. Vol. 43. 5th ed. Moscow: Politisdat, 1970. 561 p. (In Russ.)
Maksimov K. N. Bodies of State Power and Administration of Kalmyk Autonomous Region. Elista: Kalm. Book Publ., 1970. 57 p. (In Russ.)
Maksimov K. N. Development of the Soviet National Statehood (on Materials of the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic). Elista: Kalm. Book Publ., 1981. 192 p. (In Russ.)
Maksimov K. N. Kalmykia in National Policy, System of Power and Management of Russia (17th–20th cc.). Moscow: Nauka, 2002. 523 p. (In Russ.)
Oglaev Yu. O. Implementation of the Leninist Cooperative Plan in Kalmykia (1917–1937). Elista: Kalm. Book Publ., 1987. 160 p. (In Russ.)
Stalin I. V. Works. Vol. 5. Moscow: OGIZ, Gospolitizdat, 1947. 142 p. (In Russ.)
The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 4. 1926–1929. Moscow: Politizdat, 1970. 1200 p. (In Russ.)
The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. Vol. 3. Moscow: Politizdat, 1984. 494 p. (In Russ.)
Ubushaev V. B. The Soviets of Kalmykia in the Struggle for Building Socialism. Elista: Kalm. Book Publ., 1979. 191 p. (In Russ.)

Книги памяти Ростовской области как источник по истории участия калмыков в Великой Отечественной войне

The Memorial Books of Rostov Oblast as a Historical Source on the Participation of Kalmyks in the Great Patriotic War

*У. Б. Очиров (U. Ochirov)*¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста). E-mail: ochirovub@kigiran.com.

Ph.D. in History (Doctor of Historical Sciences), Leading Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: ochirovub@kigiran.com.

Аннотация. Статья посвящена анализу Книг памяти ветеранов Великой Отечественной войны, призванных из Ростовской области, как источника по истории участия калмыков в войне 1941–1945 гг. К началу войны на территории Ростовской области проживало более 9 тыс. калмыков, в основном являвшихся потомками калмыков-казаков, издавна входивших в состав Донского войска и считавших военную службу почетной обязанностью. Большая часть из них проживала в Калмыцком районе.

К сожалению, работу составителей первых изданий — «Книги памяти павшим» Ростовской области — следует признать не очень удачной, а по донским калмыкам и вовсе не удовлетворительной. Жители Ростовской области сгруппированы по районам (вернее, районным военкоматам) по месту призыва, но никакой информации ни о месте рождения, ни о месте проживания призывника нет. Догадаться о том, что тот или иной ростовчанин являлся калмыком, можно лишь по фамилии, имени или отчеству, зачастую приведенным с неточностями и искажениями. При этом количество донских калмыков, упомянутых в этих Книгах памяти, исчисляется всего лишь несколькими сотнями.

Более успешными следует признать попытки составителей Книг памяти по Ростовской области более позднего периода, в том числе 1-й том Книги «Солдаты Победы». Кроме того, в некоторых районах региона успешно реализуется новый проект — районных Книг памяти, которые обладают большей информативностью и точностью, в том числе и по калмыцким именам собственным. Правда, работа по Зимовниковскому району, в которую включены призывники Калмыцкого района, подготовленная к печати, до сих пор не опубликована.

Исходя из этого, можно прийти к выводу, что задача мемориализации калмыков, проживавших в Ростовской области и участвовавших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., и по сей день остается до конца не решенной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ветераны, калмыки, Ростовская область, Книга памяти, Красная армия.

Abstract. The article analyses the memorial books of the Great Patriotic War veterans conscripted in Rostov Oblast' — as a source on the history of the participation of Kalmyks in the war of 1941–1945. By the beginning of the war, over 9 000 Kalmyks — most of them descendants of Kalmyk Cossacks who had long been part of the Don Host and viewed military service as an honorable duty — resided in the territory of Rostov Oblast'. Most of them resided in Kalmyk District.

Unfortunately, the work conducted by the compilers of the early books — “Memorial Books of the Fallen” (residents of Rostov Oblast') — should be characterized as quite unsuccessful and when it comes to the Don Kalmyks — totally incomplete. Residents of Rostov Oblast' are grouped by the districts (by their regional military commissariats, to be precise) they were conscripted from but there is no data about a draftee's places of birth and residence. One can guess that some certain resident of Rostov Oblast' was an ethnic Kalmyk only by his/her personal, patronymic or family name, often misspelled and thus distorted. Moreover, the mentioned memorial books list only a few hundred Don Kalmyks.

The later attempts made by compilers of Rostov Oblast' memorial books, including Volume 1 of the book series “Soldiers of Victory”, should be referred to as more successful. Besides, a new project is being successfully implemented in some districts of the region — compilation of district memorial books which are much more precise and informative, including the aspect of Kalmyk names. Still, the complete and print ready book of Zimovnikovsky District containing data about draftees of the former Kalmyk District — has not yet been published.

In view of the aforementioned, it can be concluded that the task of memorialization of the Kalmyks who resided in Rostov Oblast' and took part in the Great Patriotic War (1941–1945) has not been fully completed to date.

Keywords: Great Patriotic War, veterans, Kalmyks, Rostov Oblast', memorial book, Red Army.

Калмыки в составе Войска Донского проживали издавна: с конца XVII в., когда несколько групп калмыков перекочевали на его территорию из Калмыцкого или Джунгарского ханств (торгуют, зюнгаров, дербетов). Войсковое старшинство всегда с охотой принимало к себе на службу *«...добрых конников, храбростью отличных, к службе всегда готовых и ревностных и так необходимых для хозяев пастухов и коновалов, войску весьма полезных»* [Броневский 1834: 83]. Калмыкам, жившим кочевой жизнью и с детства обучавшимся воинскому делу, не требовалось много времени для того, чтобы привыкнуть к казачьему быту и условиям «государевой службы». К началу XIX в. на территорию Войска Донского были переселены калмыцкие группы, находившиеся в составе казачьих

войск Новороссии. Донским калмыкам, ранее кочевавшим по территории всего Войска, был выделен обширный земельный надел (будущий Сальский округ), на котором в разное время проживало 15 аймаков (сотен), два из которых вскоре влились в другие. Оставшиеся 13 сотен к началу XX в. получили статус станиц, большая часть которых называлась именами донских атаманов: Платовская (Ики-Бурульская или Намровская сотня), Батлаевская (Багутовская), Денисовская (Богшрахинская, Бултуковская), Иловайская (Рынцановская, Зюнгарская), Власовская (Бембдякинская, Ики-Чоносовская), Чунусовская (Бага-Чоносовская), Кутейниковская (Кевюдовская), Ново-Алексеевская (Геленгякинская), Бурульская (Бага-Бурульская), Граббевская (Харьковская, Цевднякинская), Беляевская, Потаповская (Балдырская), Эркетинская [Очиров 2009: 643, 650, 652].

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на Дону было 32 283 калмыка [Первая 1905: 104–107]. В Гражданской войне значительная часть донских калмыков, защищая казачьи привилегии, выступила на стороне белых, сформировав национальные части (3-й Калмыцкий и 80-й Зюнгарский полки) и подразделения [Очиров 2011: 105–107]. Ряд донских калмыков-казаков служил в РККА: Ока Городовиков (командир 4 и 6-й кавдивизий, командующий 2-й конной армией), Харту Кануков (командир 1-й Калмыцкой кавбригады, начальник Особого отдела 6-й кавдивизии), Василий Хомутников (командир 1-го Калмыцкого кавполка), Кирсан Илюмжинов (помощник начальника штаба 37-й стрелковой дивизии), Эренцен Кулишов (начальник разведотдела 6-й кавдивизии) и др. Несмотря на это, у малограмотной части красноармейцев Южного фронта сложилось мнение о тотальной контрреволюционности всех калмыков, что привело к многочисленным эксцессам по отношению к гражданским калмыкам, особенно донским (включая массовые убийства по расовому типу). Значительная часть калмыков-казаков погибла, несколько тысяч эмигрировало (большинство из них под влиянием «совнародов» вернулось). Численность донских калмыков в середине 1920 г. после прекращения боевых действий на этой территории оценивалась примерно в 15 тыс. человек [Очиров 2006: 356–358, 368].

В июле 1920 г. на I Общекалмыцком съезде Советов в Чилгире, провозгласившим объединение в единую автономию всех частей калмыцкого народа, ранее разделенного между различными регионами, было принято решение о присоединении донских калмыцких станиц к Калмыкии. Однако во время съезда произошел инцидент: был арестован один из лидеров донских калмыков Харты Кануков. Несмотря на многократные просьбы, до конца съезда его так и не освободили и не избрали в состав облисполкома, что заметно омрачило взаимоотношения между лидерами коммунистов Калмыкии и Сальского округа. В августе 1920 г. I съезд Советов калмыков Сальского округа принял решение: *«входить в административное управление Автономной Области Калмыцкого Народа мы не желаем»*, предложив желающим присоединиться к переселению в Калмыкию [Очиров 2006: 346, 353]. К 1924 г. до 7 тыс. донских калмыков переселилось на территорию автономии (большей частью в Большедеребетовский улус) [Борисенко, Убушиева 2000: 57].

Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала в Сальском округе Северо-Кавказского края 8 400 калмыков [Всесоюзная ... 1928: 75]. В 1928 г. ЦИК СССР принял решение о создании в составе указанного округа Калмыцкого национального района. 29 апреля 1929 г. это постановление было реализовано соответствующим решением президиума Северо-Кавказского крайкома. В состав Калмыцкого района вошла часть территории некоторых калмыцких станиц: Батлаевской, Ново-Николаевской, Кутейниковской, Стояновской, Власовской, Чунусовской, Эркетинской, Потаповской, Беляевской, при этом часть станиц была «понижена» до статуса хуторов. Центром Калмыцкого района первоначально был поселок Зимовники, находившийся за его пределами, а с 1932 г. — станица Кутейниковская. В последующем часть калмыцкого населения из восточной части района была переселена, ряд калмыцких хуторов упразднен, территория района урезана за счет передачи в соседние районы (в основном в Дубовский). К 1937 г. в составе района значилось всего 11 сельсоветов: Батлаевский, Граббевский, Денисовский, Иловайский, Ковалевский, Кутейниковский, Московский, Немецко-Потаповский, Ново-Николаевский, Стояновский, Труд-Крестьянский. После упразднения округов в

1930 г. район вошел непосредственно в Северо-Кавказский край, в 1934 г. — в Азово-Черноморский, в 1937 г. — в Ростовскую область. Всесоюзная перепись 1939 г. зафиксировала в Калмыцком районе 3 805 калмыков, а всего в Ростовской области тогда проживало 9 047 калмыков [Всесоюзная ... 1992: 64].

Для донских калмыков воинская служба продолжала оставаться почетной обязанностью. Не случаен тот факт, что большинство калмыков-офицеров, несших службу в РККА до начала Великой Отечественной войны, являлось выходцами из Сальского округа: инспектор кавалерии РККА генерал-полковник О. И. Городовиков, полковник В. А. Хомутников, майор Б. Б. Городовиков, капитаны Н. М. Джиджиков, И. А. Теврюков, А. К. Темиров, М. С. Шаратов и т. д. С началом войны значительное количество донских калмыков было призвано в РККА, причем имели место случаи, когда на фронт уходили 17-летние юноши (как правило, в 1943 г.). Поскольку военкомата в Калмыцком районе не было, мобилизация осуществлялась через военкомат соседнего Зимовниковского района. Донские калмыки сражались практически на всех фронтах от Балтики до Черного моря. По неполным подсчетам среди них было 2 генерала, 3 полковника, 11 подполковников, 7 майоров, не считая представителей среднего и младшего командного состава [Солдаты ... 2005: 5].

Летом 1942 г. Калмыцкий район, как и вся Ростовская область, был оккупирован фашистами, угнавшими при отступлении часть местного населения. Во время депортации калмыки Ростовской области также были высланы, а Калмыцкий район ликвидирован 9 марта 1944 г. По возвращении калмыков из депортации этот район не был восстановлен, а большая часть вернувшихся донских калмыков была вынуждена по разным причинам переселиться в Калмыцкую АССР. Если Всесоюзная перепись 1959 г. зафиксировала в Ростовской области 2 660 калмыков, то по Всесоюзной переписи 1970 г. в этом регионе был 861 калмык, по Всесоюзной переписи 1979 г. — 640, по Всесоюзной переписи 1989 г. — 529 (с учетом студентов, обучавшихся в вузах г. Ростов-на-Дону). Все это привело к тому, что когда в 1991 г. по Указу Президента СССР началась работа по составлению Книги Памяти всех регионов СССР, в том

числе и Ростовской области, значительная часть донских калмыков, погибших, умерших от ран и пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны, оказалась не выявлена.

К сожалению, первая серия Книг памяти Ростовской области [Книга 1995а; 1995б; 2000 и др.] оказалась не совсем удачной и не только по причине того, что какие-то категории населения оказались охвачены не полностью.

В этой «Книге памяти» составителями приводятся максимально усеченные данные: фамилия, имя, отчество, год рождения, воинское звание, дата гибели или пропажи без вести. Жители Ростовской области сгруппированы по районам по месту призыва, но никакой информации ни о месте рождения, ни о месте проживания нет. Догадаться о том, что тот или иной ростовчанин являлся калмыком, можно лишь по имени или фамилии, зачастую приведенных с неточностями и искажениями. При этом он может быть жителем не из Калмыцкого района, как, например, Бембетов Дорджи Санджиевич, призванный Ремонтненским РВК (в «Книге памяти» записан как Беметов Доржи Санджиевич) [Книга ... 1995б: 472], или Хихачев Эрдни, призванный Пролетарским РВК (в ОБД «Мемориал» из «Книги памяти» записан как Хохачев Эрдня) [Книга ... 1995б: 457]. Воинов-калмыков, имевших русские фамилии, имена и отчества, по такой «Книге памяти» найти невозможно.

Что касается воинов, имевших калмыцкие фамилии и/или имена, то их в этих книгах необычайно мало. Например, в Зимовниковском районе, в который были включены призывники из Калмыцкого района, в «Книге памяти» удалось найти: в 4-м томе — 31 калмыка [Книга ... 1995а: 405–534], в 15-м томе — 72 [Книга ... 2000: 366–460], при этом некоторые фамилии совпадают. Является ли это случайным совпадением или это один и тот же человек, догадаться можно только по дополнительной информации, которой, как уже упоминалось, в «Книге памяти» немного. Например, в 4-м томе указан Абдушанов Бадьма Санджиевич, 1914 г. р., лейтенант, пропавший без вести 01.09.1944 [Книга ... 1995: 405], а в 15-м — Абушанов Бодьма Сайдиевич, 1914 г. р., лейтенант, пропавший без вести 01.09.1944 [Книга ... 2000: 366]. В 4-м томе на одной и той же странице указаны Минаев Эрдне Батиминович, 1895 г. р.,

рядовой, пропавший без вести 26.10.1942, и Минаев Ерис Бадминович, рядовой, пропавший без вести 26.09.1942 [Книга ... 1995а: 471]. В последнем случае, очевидно, имеется в виду красноармеец 24-й саперной бригады Минаев Эрдне Бадминович, родившийся в 1895 г. в станице Денисовской и умерший в 1975 г. в Элисте [Солдаты ... 2005: 79]. В остальных районах калмыков было еще меньше, например, в Дубовском районе (по переписи 1939 г. — 655 калмыков) в 4-м томе «Книги памяти» удалось найти всего 10 калмыков [Книга ... 1995а: 11–70]. Предположить, что из 1,5–2 тыс. человек, которых можно было мобилизовать из 9 тыс. калмыков-казаков Ростовской области, на фронте погибло всего две сотни призывников, невозможно. Это опровергается и книгой «Солдаты Победы», т. 1 [Солдаты ... 2005], о которой речь пойдет ниже.

Недовольство усечением информации в Книге памяти Ростовской области многократно высказывалось и в самом регионе. Неудивительно, что с началом работы ОБД «Мемориал» появилась группа энтузиастов во главе с И. А. Шмыгалем, которая начала готовить новые Книги памяти, составленные по районам [см., напр., Помните ... 2015]. В своей работе они опирались не только на данные ОБД «Мемориал», но и на сведения местных архивов (подворные списки). В ряде районов эти новые Книги памяти были изданы, но, к сожалению, Книга памяти Зимовниковского района не вызвала интереса у районной администрации и местных спонсоров и до сих пор остается в рукописи [ЛАА: письмо И. А. Шмыгаля].

Определенное недовольство этим выражали и донские калмыки, проживающие в Калмыкии, в том числе ветераны Великой Отечественной войны. Они начали свою работу по составлению аннотированных списков земляков, участвовавших в войне с фашистами. Один такой список был опубликован в 4-м томе книги «Память. Санл» [Память ... 2010: 444–449].

Наибольший объем работы в этом направлении был осуществлен главным библиографом КИГИ РАН (ныне — КалмНЦ РАН) П. Э. Алексеевой. Она начала эту работу во время подготовки строительства Мемориала павшим воинам в станице Кутейниковской. Тогда было выявлено 788 имен калмыков, погибших или пропавших без вести в 1941–1945 гг., причем уже тогда было ясно, что список

далеко не полный [Солдаты ... 2005: 8]. Прасковья Эрдниевна продолжила работу по поиску своих земляков — участников Великой Отечественной. Она использовала архивные источники, в том числе из Информационного центра МВД Республики Калмыкия и Научного архива КалмНЦ РАН, опубликованные материалы (Книги «Память. Санл», «Широклаг. Широкстрой» и многие другие), осуществляла опрос ветеранов, их родственников. В течение нескольких лет ей удалось собрать сведения о почти 1,8 тыс. донских калмыков — участников Великой Отечественной войны (включая переселившихся в другие регионы и призванных оттуда): 991 вернувшегося с фронта и 787 погибших и пропавших без вести. Эти данные в виде аннотированных списков были изданы в 1-м томе Книги «Солдаты Победы», включенной во Всероссийскую Книгу Памяти и опубликованной к 60-летию Победы [Солдаты ... 2005].

П. Э. Алексеева на этом не остановилась и продолжила сбор материала. К проекту подключилась заведующая Научной библиотекой КалмНЦ РАН А. Т. Баянова. С открытием доступа к оцифрованным архивным документам Обобщенных банков данных «Мемориал» (содержащий в себе информацию о погибших, раненых, пропавших без вести, пленных), работа над созданием которого началась после выхода Указа Президента РФ от 22 января 2006 г. «Вопросы увековечивания памяти погибших при защите Отечества» [ОБД «Мемориал»], и «Подвиг народа» (содержащий в себе информацию о награжденных), работа над которым началась по инициативе Министерства обороны РФ в 2010 г. [ОБД «Подвиг народа»], у исследователей открылись новые возможности. В течение нескольких лет составители провели большой объем работы по поиску информации и ее сверке с имеющимися данными. Результатом их деятельности стала новая рукопись 1-го тома «Солдат Победы», в которой представлен аннотированный список на 2 355 донских калмыков — участников Великой Отечественной войны. К сожалению, и эта книга остается пока неизданной.

Таким образом, подводя итог анализу опубликованных Книг памяти, мы можем прийти к выводу, что задача мемориализации калмыков, проживавших в Ростовской области и участвовавших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., до сих пор остается до конца не решенной.

Источники

ЛАА – Личный архив автора.

ОБД «Мемориал» [электронный ресурс] // URL: <http://www.obd-memorial.ru> (дата обращения: 01.09.2016).

ОБД «Подвиг народа» [электронный ресурс] // URL: <http://podvignaroda.mil.ru> (дата обращения: 01.09.2016).

Sources

The author's personal archive. (In Russ.)

Consolidated Datapool "Memorial". Available at: <http://www.obd-memorial.ru> (accessed: 1 September 2016). (In Russ.)

Consolidated Datapool "The Feat of the People". Available at: <http://podvignaroda.mil.ru> (accessed: 1 September 2016). (In Russ.)

Литература

Борисенко И. В., Убушиева С. И. Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 – начало 90-х гг. XX в. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 168 с.

Бронеvский В. Б. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. В 4 ч. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1834. Ч. 3. 217 с.

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Вып. 4. XXIX + 138 [1] с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. 254 [2] с.

Книга 1995а – Книга памяти: Павшим в Великой Отечественной войне. Т. IV. Ростов-н/Д: Изд-во «Литера», 1995. 544 с.

Книга 1995б – Книга памяти: Павшим в Великой Отечественной войне. Т. IX. Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1995. 576 с.

Книга 2000 – Книга Памяти павшим в Великой Отечественной войне. Т. XV. Ростовская область. Ростов-н/Д: ЗАО «Книга», 2000. 560 с.

Очиpов У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. 448 с.

Очиpов У. Б. Калмыцкие этнические локальные группы на территории других регионов России // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т.1. Элиста: Герел, 2009. С. 624–691.

Очиpов У. Б. Национальные полки в составе Вооруженных сил на Юге России в период Гражданской войны // Альманах Мемориала «Донские казаки в борьбе с большевиками». №5 [Подольск, 2011]. С. 93–115.

Память. Санл. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Троицкого. Т. XII. Область Войска Донского. СПб.: Типография кн. В. П. Мещерского, 1905. XII + 239 с.

Помните нас поименно: книга памяти Дубовского района Ростовской области / [сост. Терехов А. В., Шмыгаль И. А.]. Ростов-н/Д.: Альтаир, 2015. 302 [1] с.

Солдаты Победы. Т. I. Поименный список участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уроженцев Калмыцкого района Ростовской области / сост. П. Э. Алексеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 203 с.

References

All-Union Population Census. 17 December 1926: brief summary. Moscow: Central Statistical Department of the USSR, 1928. Is. 4. XXIX + 138 [1] p. (In Russ.)

All-Union Population Census of 1939. The Main Results. Moscow: Nauka, 1992. 254 [2] p. (In Russ.)

Book of Memory: To Those Fallen in the Great Patriotic War. Vol. XV. Rostov Region. Rostov-on-Don: Kniga, 2000. 560 p. (In Russ.)

Book of Memory: To Those Fallen in the Great Patriotic War. Vol. IV. Rostov-on-Don: Litera, 1995. 544 p. (In Russ.)

Book of Memory: To Those Fallen in the Great Patriotic War. Vol. IX. Rostov-on-D: Rostov-on-Don University, 1995. 576 p. (In Russ.)

Borisenko I. V., Ubushieva S. I. Essays on Historical Geography of Kalmykia. 1917 – early 90s of the 20th c.. Elista: Dzhangar, 2000. 168 p. (In Russ.)

Bronevskiy V. B. History of the Don Army, Description of Don Land and Caucasian Mineral Waters. In 4 parts. St. Petersburg: Print. shop of Expeditions of preparation of state papers, 1834. Part 3. 217 p. (In Russ.)

First Universal Population Census of the Russian Empire in 1897. N. A. Troitskiy. Vol. XII. Area of the Don Army. St. Petersburg: Print. shop of Prince V. P. Meshcherskiy, 1905. XII + 239 p. (In Russ.)

Memory. Sanl. Vol. IV. Elista: Gerel, 2010. 492 p. (In Russ.)

Ochirov U. B. Kalmyk Ethnic Local Groups on the Territory of other Regions of Russia. In: History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day. In 3 vol. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. Pp. 624–691. (In Russ.)

Ochirov U. B. Kalmykia during the Civil War (1917–1920). Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)

Ochirov U. B. National Regiments in the Armed Forces in the South of Russia during the Civil War. In: Almanacs of the Memorial "Don Cossacks in the Fight against the Bolsheviks". No. 5. Podolsk, 2011. Pp. 93–115. (In Russ.)

Remember us by Name: Book of Memory of Dubov District, Rostov Region. Terekhov A. V., Shmygal I. A. (comp.). Rostov-on-Don: Altair, 2015. 302 [1] p. (In Russ.)

Soldiers of Victory. Vol. I. Name List of Participants in the Great Patriotic War of 1941–1945, Natives of Kalmyk District, Rostov Region. P. E. Alekseeva (comp.). Elista: Kalm. Book Publ., 2005. 203 p. (In Russ.)

О символике воротника в традиционной одежде ойратских народов

On the symbolism of the collar in the traditional dress of the Oirat peoples

*Э. П. Бакаева (E. Bakaeva)*¹

¹доктор исторических наук, главный научный сотрудник, отдел этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: bakaevaep@kigiran.com.
PhD in History (Doctor of Historical Sciences), Leading Research Associate, Department of Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: bakaevaep@kigiran.com

Аннотация: В статье на основе литературных и полевых источников освещается символика воротника в традиционной одежде ойратов. Значение воротника определено символической связью верхней части костюма с понятием верха в традиционной картине мира, а также представлениями о необходимости защиты части тела человека, которая представляется уязвимой, и традиционными воззрениями, согласно которым воротник символически может бытьместилищем «души» человека. Символика воротника-стойки, который характерен для мужского костюма западно-монгольских народов, связана с указанными представлениями. Символика большого белого воротника в женском костюме, имеющего специфический декор, связана с почитанием гор Алтая. Приводятся и другие сведения о символике воротника в культуре ойратов.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, традиционная одежда, воротник, традиционные представления, почитание Алтая.

Abstract: The article considers the collar symbolism in traditional dress of Oirats based on literature and field sources. The significance of the collar is defined by symbolic link of the upper part of the costume with the concept of the top in the traditional picture of the world, as well as perceptions of the necessity to protect the part of human body, that seems vulnerable, and traditional views, according to which the collar can be symbolically the seat of the “soul” of a man. The symbolism of a stand-up collar, which is typical for a man’s costume of the Western-Mongolian peoples, is linked with these ideas. The symbolism of a large white collar in female costume, having a specific decor, is associated with the worship of Altai. The author presented other information about the symbolism of the collar in the culture of Oirats.

Keywords: Oirats, Kalmyks, traditional clothing, collar, traditional ideas, worship of Altai.

Күн ахта, девл захта ‘У человека — старшие, у шубы — воротник’ — гласит популярная среди ойратских народов пословица, символически связывающая воротник как часть одежды с высоким социальным статусом человека. Как отмечают ученые, в костюмном комплексе целого ряда народов Центральной Азии «отображалась трехуровневая структура вселенной по вертикали. Деление на три уровня в одежде производилось за счет дополнительных элементов костюма, цвета и орнамента», при этом вертикальное членение одежды в целом представляется следующим: «*Верхний мир*: головной убор, украшения (серьги, бусы, наконечники подвески); *Средний мир*: платья, рубахи, кафтаны, шубы, безрукавки; *Нижний мир*: подол платья, обувь» [Дашковский, Карымова 2012: 136].

Семантическая связь традиционной одежды с мифологическим мировосприятием, космической символикой и картиной мира прослежена исследователями на материалах разных народов мира [Традиционное мировоззрение 1988; Кузнецов 1994; Сем 2007; Ефимова 2006; Алексеева 2011; Дашковский, Карымова 2012; Шигурова 2012; и др.]. Один из значимых для нашей темы выводов сформулирован И. В. Кузнецовым: «Знаки одежды произвольны и носят характер символов, составляя в совокупности текст. Как и ко всем другим, к тексту этого класса при анализе применим структурный метод с выделением бинарных оппозиций, связей между ними, их медиаций, инверсий с последующей декодировкой» [Кузнецов 1994: 233–234]. Анализ элементов традиционного костюма и в целом комплекса одежды представляет сложную задачу их исследования как текста и составляющих его знаков. В нашу задачу входит рассмотрение символики воротника в системе одежды ойратских народов.

В традиционной картине мира монгольских народов посредством универсального принципа бинарных оппозиций осмысливаются связи между частями целого. Среди таких бинарных оппозиций выделяются «верх — низ», «высокое — низкое», что семантически проявляется и в традиционных представлениях об одежде как комплексе, составляющем часть системы традиционной культуры. Фольклорные материалы показывают символическую взаимосвязь

верхней части костюма с понятием верха в картине мира: *Хойр кумн йовхла, негнь ах, нег кумн йовхла, махлань ах* 'Когда идут два человека — один из них старший, когда идет один, то шапка за старшего' [Пословицы ... 2007: 111]. Таким образом, если в костюмном комплексе «верх» связывается с головным убором, то в самом платье, как мужском, так и в женском, верхний уровень представлен воротником.

Термин *зах* многозначен. Согласно «Большому академическому монгольско-русскому словарю», он означает: I край, окраина; граница; II ворот; воротник; III рынок, базар; IV хуучир¹. штука (счетное слово в значении штука); рулон; V ах зах старший (по возрасту или по должности); главный; ах зах улс старшие; VI: эмх зах хорш². порядок» [БАМРС, 2 2001: 214]. Последовательность значений показывает семантическую связь обозначения края, границы и воротника на одежде; значение «рынок» образовано от основного значения «край», поскольку таковой располагался на границе поселения; наконец, словосочетания *ах зах* и *ах зах улс* определенно связаны с пониманием старшинства как категории, занимающей высшую (крайнюю) позицию в социальной иерархии.

На символическую сопряженность понятий «старшие» и «воротник» обращала внимание М. М. Содномпилова: «Позиции воротника, расположенного в самой верхней части одежды, соответствовала позиция старшего в социуме <...> Бытовали определенные правила и запреты, связанные с воротником <...> В прошлом у бурят, если существовала необходимость отдать одежду, отпарывали у нее воротник» [Содномпилова 2013: 154]. Исследователь приводит ряд данных по культуре хакасов (считалось, что рваный воротник — признак смерти, в такой одежде хоронили; по окончании срока использования одежды старую ткань использовали в хозяйстве, но прежде полагалось отпороть воротник «дабы освободить <...> „душу“» [одежды], при шитье же одежды воротник полагалось

---

¹ Хуучир. — обозначение в «Большом академическом монгольско-русском словаре» устаревшего значения слов.

² Хорш. — обозначение в «Большом академическом монгольско-русском словаре» парных слов.

пришить первым, оставив при этом недошитой полоску шва «для „притяжения“ души»¹) и приходит к выводу о том, что «местом локализации души в костюмном комплексе тюркских и монгольских народов был воротник» [Содномпилова 2013: 154–155].

Среди калмыков также сохраняется до настоящего времени обычай отпарывать воротник у старой одежды перед тем, как распороть ее для последующего использования ее ткани в хозяйстве. Считается, что необходимо отпарывать и пуговицы. Воротник, как и старый изношенный головной убор, можно сжечь, но ни в коем случае нельзя выбрасывать с мусором. Значение воротника прослеживается и в калмыцкой традиции развешивать для просушки белье воротником вверх: по мнению стариков, наплечную одежду полагается подвешивать за плечи, чтобы воротник находился вверх².

Одежда с воротником выступает в калмыцкой культуре как символ человека. Так, в отсутствие человека буддийские священнослужители и так называемые *медлч* ('знающие') разрешали для совершения обряда, направленного на его благополучие, использовать рубашку или платье с воротником, которые затем полагалось носить либо держать под подушкой. Одежду обычно не дарили, однако именно во время свадебного обряда, когда устанавливали отношения между двумя родами и происходил обмен брачующи-

¹ Примечательно, что подобные разрезы «длиной в четверть» хакасы оставляли на женской одежде в проекции подмышек и над обшлагами, их края скреплялись швом «через край» (т. е. специально отделявались). Такие разрезы, по свидетельству В. Я. Бутанаева, называли «хут сыынчан» или «место притяжения души человека», а после смерти такие разрезы зашивали [Бутанаев 1996: 71]. Само измерение разреза «в четверть» также свидетельствует об архаичности традиции. Четверть — около 18 см в современном измерении. Считается, что эта мера длины сменила существовавшую в Древней Руси (XI–XV вв.) единицу длины примерно такого размера, называвшуюся пядью и составлявшую расстояние между раздвинутыми большим и указательным пальцами. Такая мера длины, основанная на измерении расстояния рукой, бытовала у многих народов. У монгольских народов она называется *сөөм* (*сөм*) 'пядь'.

² Можно сказать, что в недавнем прошлом по способу развешивания белья можно было отличить, кому оно принадлежит, калмыкам или представителям других народов, проживающих по соседству. Однако в настоящее время данный обычай забывается.

мися, полагалось одаривать предметами одежды — непременно с воротником и длинными рукавами, либо тканью в количестве, достаточном для шитья «полного» платья. В середине XX в., когда в СССР популярными были рубашки-косоворотки, старшее поколение калмыков укоряло молодежь в ношении «неправильной» одежды [ПМА]. Как и у многих народов, у калмыков маленьким детям не шили специально одежду, при этом имеются сведения, что близкие родственники во время празднования *милэлһн* одаривали младенца рубашкой, которая отличалась укороченными рукавами, отсутствием застежек и имитацией воротника. «По данным информантов, ворот, вернее его имитация, воспроизводилась из треугольного выреза рубашки, отвернутого назад, либо пришитого, одежду с воротом на ребенка надевали по достижении им месячного возраста, так как до этого срока он считался еще не вполне оформившимся человеком күн болад уга. <...> Отсутствие воротника на младенческой одежде указывает на представления калмыков о промежуточном положении новорожденного <...> Ворот как полифункциональная часть традиционного костюма выполняет охранительную функцию <...> Одаривание одеждой с воротом на *милэлһн* символизировало покровительство членов рода на сакральном уровне» [Шараева 2011: 66–67]. Особое значение воротника также прослеживается в семейной обрядности народов Южной Сибири. У хакасов вдова специально отпарывала воротник и носила такую одежду в течение года, а впоследствии, если вновь вступала в брак, снова облачалась в одежду с воротником [Содномпилова 2013: 155]. У телеутов вдова в первые семь дней траура носила платье вывернутым наизнанку и в течение полугода не пришивала к нему воротник [Традиционное мировоззрение 1988: 155], что связывают с обозначением символической смерти женщины вместе с ее мужем «и маркером того, что она как бы выбывает из числа женщин, способных к деторождению» [Орлова 2016: 173]. У алтайцев также вдова до полугода или до нового брака носила платье без воротника, и М. В. Москвина этот факт считает свидетельством того, что одежда с воротником на Алтае выступала символом состоявшейся жизни женщины [Москвина 2013: 85].

У ойратских народов практически для всех видов одежды был характерен воротник-стойка. И. Лхагвасурэн отмечает, что алтайские урянхайцы «на зимних шубах делали круглый ворот, к нему пришивали меховой стоячий воротник *босоо зах*. Такой ворот характерен практически для всех видов мужской одежды монголов» [Лхагвасурэн 2013: 75]. На женской шубе, которая по фасону почти ничем не отличалась от мужской шубы, «делали круглый ворот, к нему пришивали меховой стоячий воротник мехом к шее и украшали вышивками, которые делались вручную» [Лхагвасурэн 2013: 77].

Алтайские урянхайцы в качестве зимней одежды использовали шубы из белой овчины. Отличительной чертой являлось то, что они изготавливали из выделанной овечьей или козьей шкуры круглый воротник, покрытый тканью синего цвета — это считалось знаком того, что над величавыми высокими горами возвышается синее небо. В одной из легенд объясняется причина появления обычая шить шубу с синим воротником: якобы однажды во время военных действий Чингис-хан был ранен стрелой в первый шейный позвонок, после чего был издан указ всем воинам во время сражений надевать кольчугу, которая должна была закрывать шею круглым воротником. Края воротника на белой шубе, как и края борта, обшивали черной каймой шириной в четыре пальца, и бытовало представление, что так словно бы символически обозначали границу кочевья урянхайцев: «*Энэхүү эмжээрийг цагаан дээлийн хөвөө хэмээгээд угтаа урианхайн нутгийн хил хязгаарыг илэрхийж буй зүйл гэдэг*» [Алтайн урианхайн угсаатны зүй 2014: 89].

Халха-монголы, как отмечают авторы первого тома «Этнографии монголов», воротник на одежде женского *дээл* изготавливали из синей парчи, а внутри отделяли серебряным позументом, таким образом, украшая ворот с двух сторон [БНМАУ-ын угсаатны зүй 1987: 148], воротник же на мужской одежде, как и края борта и подол, отделяли по кругу [БНМАУ-ын угсаатны зүй 1987: 149].

Для ойратского женского костюма характерным является наличие как воротника-стойки, так и накладного белого воротника, который шьют отдельно, надевают поверх платья и даже шубы и застегивают на пуговицу. Воротник шьется большим, покрывающим плечи, для утяжеления краев пришиваются бусины из минералов

или серебра. К примеру, захчины манжеты и воротник-стойку женской шубы обшивали тканью зеленого цвета, а поверх носили большой белый воротник [Амгалан 2008: 26]. По данным, приводимым Ц. Аюушем, дербетские женщины носили поверх платьев *тэрлэг* и *цэгдэг* белый воротник, причем по краю его обшивали цветными нитками узором из остроконечных треугольников, узор называли *сүйжин* ‘горный хрусталь’ и напоминал горные вершины [Аюуш 2012: 71].

О большом белом воротнике на женском платье алтайских урянхаек говорили, что он как бы отмечает отправление в «белую» (т. е. снежную) дорогу. Воротник также обшивали по краю зубчатым узором. У этого ойратского народа считалось, что на платье *тэрлэг* должны быть восемь пуговиц, которые располагали на груди, манжетах, плече и на воротнике [Алтайн урианхайн угсаатны зүй 2014: 92–93].

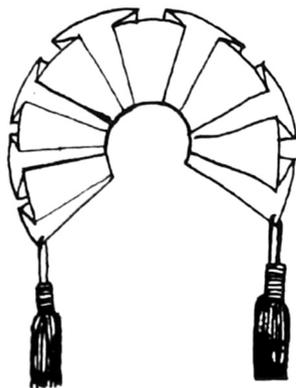
Баиты также воротник для национального женского костюма шили из белой хлопчатобумажной ткани. В среде этого народа зафиксированы уникальные сведения о том, что традиция ношения такого круглого белого воротника связана с почитанием вершин и их «хозяина» — *Алтайн таван богдын ноён* ‘Владыку пяти святынь Алтая’. Речь идет об *Алтайн таван богдо уул* — горном массиве на юго-востоке Алтая, где расположена гора *Куйтэн уул (Найрамдал)* — наивысшая точка Монголии. Эту горную гряду Таван богдо¹ почитают все монголы.

Бытует также легенда о том, что в белом платке из хлопчатобумажной ткани когда-то во время войны женщины несли своих детей вместе с колыбелью, и теперь женщины надевают поверх платья большой белый воротник в память о том, как они спасали своих детей. Еще один вариант символического значения белого женского воротника — он обозначает светлые помыслы и белое материнское молоко, а также в целом молоко как священную «белую пищу». Наконец, Г. Батнасан приводит и такой вариант происхождения этого воротника: у ойратов невестка не могла войти в дом родителей мужа, не скрыв лицо белой тканью — якобы от этого

¹ Алтайн Таван Богдо — ныне национальный природный парк в Монголии, расположен на территории Баян-Ульгийского аймака.

и произошел обычай ношения поверх женской безрукавки *цэгдэг* большого белого воротника [Батнасан 2012: 295].

Круглый воротник из белой ткани ойраты шили и продолжают шить, складывая ткань в складки (обычно бантовые). У баитов полагается делать 8 или 12 равномерных складок (количество складок не должно быть нечетным). Кроме того, у этого ойратского народа также бытовал обычай отделки по краю воротника зелеными и красными нитками [Батнасан 2012: 296]

Символика украшений, подвешиваемых к воротнику как детали одежды, который относится к верхнему уровню и одновременно закрывает место, нуждающееся в защите, анализировалась исследователями на материале алтайской культуры. В национальной телеутской женской одежде «кунёк», которую считают отражающей представления о трехчленном строении вселенной, по мнению ученых, верхний мир обозначен нашитыми на воротник «тяка» золотистыми и серебристыми бляшками «акча». «... элементы одежды, связанные в символическом отношении с верхом, обозначались не только голубым или синим цветом материала (чиймек и кисть на шапке), который ассоциировался с небом и, вероятно, должен был подчеркнуть чистоту невесты и призвать на неё благословение добрых божеств и духов, но и декоративной отделкой» [Орлова 2014: 88]. Телеутский воротник «тяка» имел форму воротника-стойки (красного, бордового или синего, зеленого цвета) высотой около

3 см, его шили из сукна и прокладывали между двумя слоями ткани подкладку из бересты или картона. Обережное и благопожелательное значение исследователи усматривают в том, что на воротник подвешивали «акча¹» из бересты, картона или бумаги в форме слегка вытянутого четырёхугольника, расшитые сплошь золотой или серебряной нитью, чтобы придать им сходство с металлическими монетами или украшениями [Орлова 2015: 147; 2016: 173], при этом золото и серебро в культуре алтайцев не только ассоциируются с верхним миром, но и символически связаны со способностью к деторождению, которая в традиционном обществе в значительной степени определяет судьбу женщины [Орлова 2016: 173]. Среди алтайцев зафиксирована пословица, имеющая сходство с общемонгольской: «Без ворота шубы не бывает, без зайсана (родового лидера) народ не существует» [Орлова 2014: 89].

Олёты Монголии называют белый воротник украшением *хээгуул*. Согласно описанию Т. Дисана, его изготавливают из белого шелка или чесучи, воротник должен быть двойным. Краю воротника придают округлую форму и к нему пришивают подвески из бирюзы или жемчуга [Дисан 2012: 137]. По данным же наших информантов-олётов, в декор большого белого воротника на женской одежде входят подвески из тринадцати кисточек, соответственно воротник так и называют *арван гурван цацгта зах* ‘воротник с 13 кистями’. Передняя часть воротника украшается шестью кисточками, со стороны спины пришивают семь кисточек, причем все они обычно выполняются из нитей красного цвета. По мнению Ж. Отгоон, тринадцать кисточек символизируют тринадцать вершин Алтая [ПМА: Отгоон]. Известно, что ойраты Монголии почитают горы Алтая, среди которых тринадцать представляются главными святынями, и потому даже на буддийских культовых объектах *обо* с четырех сторон от главного сооружения возводят небольшие насыпи из камней, чтобы общее число их было равно тринадцати — по числу наиболее почитаемых алтайских гор: Мён-гён уул, Алтан уул, Тёмёр уул, Шороон уул, Элсэн уул, Шүрэн уул, Маргад уул, Оюут уул, Зэсэн уул, Гантиг чулун уул, Боржин уул, Мёсён уул, Алаг чулун уул, считающихся местопребыванием лусов, сабдаков, сахиусанов, тэнгриев Алтайского нутука [Ганболд

¹ Известно значение слова *акча* ‘деньги’. Ср. монг. *агч* — клён.

2012: 37]. Таким образом, подвески — из красных нитей либо из бирюзы и жемчуга (здесь прослеживается символика синего и белого цветов) — символизируют Алтай и его тринадцать вершин, которым поклоняются ойраты. В этой связи необходимо отметить, что в ойратской загадке *Жин-жсин дуута, чикн сээр хоста, Алтаг бэргсн, алтн уурһан чиргсн* (*Зун, утцн, хурвчта юм уйх*) ‘Издаёт звук дзинь-дзинь, ушко в шагреновых сапожках, содержит весь Алтай, волоча свою золотую ургу (укрюк) (Иголка и нитки, шить иглой с наперстком)’ [Пословицы ... 2007: 679] отражены архаические представления западных монголов о символическом процессе сотворения мира мастерицами-вышивальщицами и глубинной семантике и символике орнамента — семантически процесс создания вещи в мифоритуальном сознании ойратов воспринимался как творение части как целого, элемента картины мира.

Как отмечалось выше, женские белые воротники ойраты обычно вышивали по краям цветными нитками (синими, красными, зелеными) узором из остроконечных треугольников. В контексте выявленной среди олётгов символики подвесок и зафиксированных среди байтов Монголии традиционных представлений о том, что ношение белого большого воротника связано с обычаем почитания *Алтайн таван богдын ноён* ‘Владыки пяти святынь Алтая’, можно сделать вывод: мотив остроконечных треугольников по краям данного элемента женской одежды символизирует горную гряду Алтая. Тем более, что здесь налицо также игра слов: среди значений слова *шовгор* (которое в описаниях узоров женского белого воротника сочетается со словом *гурвалжин* ‘треугольник’) — как «остроконечный, конусообразный», так и «пик горы; горная вершина» [БАМРС, 4 2002: 364].

Интересно сопоставить традицию ойратов Монголии, декорирующих воротник как знаковую часть одежды узорами, символизирующими горы Алтая, с традициями других народов, расселяющихся в южносибирском регионе в районе Саяно-Алтайского нагорья. В шорском национальном костюме характерным являлось нашивание на воротник-стойку «ушитых шерстяной нитью квадратиков», а также розеток из мелких пуговиц или расположенных в один или несколько рядов раковин каури [Миненко 2006: 103]. Некоторое сходство с олётской традицией пришивания подвесок к воротнику

у телеутов имеет упоминавшийся нами обычай нашивания вдоль воротника праздничного платья на одинаковом расстоянии друг от друга маленьких (1 см x 1 см) обшитых золотыми или серебряными нитками (в нечетном — 7 или 9 — количестве) квадратов акча из бересты (вероятно, поздняя замена — картон или бумага), располагаемых углами вниз (как ромбы): на повседневных платьях эти подвески обшивали цветными шелковыми нитками одного и того же цвета, а воротники имели отделку из черных и желтых ниток в форме зигзага [Миненко 2006: 98]. Однако у телеутов воротник «тяка» относится к типу воротников стоячего типа, и его шили, как и у ойратов, из тканей красного, синего или зеленого цвета. В культуре ойратов, как отмечалось выше, синие или зеленые воротники-стойки также символизируют «верх» одежды и синее небо. Белый же большой воротник ойратских женских костюмов символизирует, как можно заключить, белые снежные вершины Алтая.

Таким образом, в культуре ойратских народов воротник-стойка символически обозначает защиту жизненно важного органа тела и семантически предстает как «вместилище души». В фольклоре алтайских урянхайцев происхождение этого элемента традиционной одежды стало связываться с указом Чингис-хана. В культуре тюркских народов южной Сибири исследователи подобный воротник-стойку связывают также с символикой нахождения женщины в детородном возрасте и в браке.

Символика большого округлого белого воротника в женском костюме ойратских народов связывается прежде всего с белым, священным в культуре монгольских народов, цветом: «белые» чистые помыслы, материнское молоко, «белая» сакральная пища. Второе значение связывается с белым головным платком, который ранее носили ойратки, а также с обычаями избегания и табу, связанными с последними. Архаическая символика этого женского воротника «декодируется» во взаимосвязи с его местом в традиционной системе одежды, которая соотносится с картиной мира: большой белый воротник с треугольным орнаментом и подвесками обозначает Алтай как символ кочевий ойратов и является знаком почитания вершин Алтая и его духа-хозяина.

Полевые материалы автора

Информант Жандагийн Отгон. Олётка, овог — элзигид, 48 лет, сомон Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии.

The author's field materials

Zhandhagiyn Otgon (Informant). Olyotka, family name — elzhigid, 48 years old. Somon Erdeneburen. Kobdo aimag of Mongolia. (In Mong.)

Литература

Алексеева Т. П. Традиционный национальный костюм как модель мироздания // Культурное наследие Сибири. 2011. № 12. С. 5–23.

Алтайн урианхайн угсаатны зүй / ред. Г. Золбаяр, М. Ганболд. Улаанбаатар: «Китаб» ХХК, 2014. 256 х.

Амгалан М. Баруун Монголчуудын эдийн соёлын дурсгалт зүйлс. Улаанбаатар: Монсудар, 2008. 211 х.

Аюуш Ц. Дөрвөд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 27–106.

Батнасан Г. Баяд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 253–360.

Большой монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с.; Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с.; Т. 3. Ө–Ф. Academia, 2001. 440 с.; Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.

БНМАУ-ын угсаатны зүй. XIX–XX зууны зааг үе. I боть. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1987. 432 с.

Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. 222 с.

Ганболд М. Ойрад монголчуудын байгаль хамгаалах уламжлал. (Biblioteca Oiratica XVIII). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. 190 х.

Дашковский П. К., Карымова С. М. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. 252 с.

Дисан Т. Өөлд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 107–166.

Ефимова Е. М. Семантика картины мира якутов в традиционной одежде: дис. ... канд. культ. наук. Улан-Удэ, 2006. 143 с.

Кузнецов И. В. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М.: Вост. лит-ра, 1994. 294 с.

Лхагвасурэн И. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографическое исследование (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 176 с.

Миненко Л. В. Семантика орнаментов предметов вещной культуры коренных народов Западной Сибири // Актуальные проблемы социокультурных исследований. Кемерово: КемГУКИ, 2006. Вып. 2. С. 97–108.

Москвина М. В. Статусный символизм традиционных женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 83–86.

Орлова Е. А. Символика национального свадебного костюма женщин-телеуток // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (24–26 сентября 2014 г.). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2014. С. 88–90.

Орлова Е. А. Символика воротника-тыка в традиционной женской одежде телеутов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. Вып. № 2 (18). С. 146–148.

Орлова Е. А. Сакральные функции традиционной женской одежды телеутов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История. Филология. 2016. Т. 15. № 7. Археология и этнография. С. 169–177.

Сем Т. Ю. Символика и семантика обрядовой одежды тунгусов (к иконографии богов плодородия) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 4. С. 245–255

Содномпилова М. М. Традиционная одежда монгольских народов в ритуале и как инструмент социализации // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 2 (3). С. 152–165.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и перевод Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – нач. XXI в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.

Шигурова Т. А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы: дис. ... д-ра культурологических наук. Саранск, 2012. 420 с.

References

Alekseeva T. P. Traditional National Costume as a Model of the Universe. *Cultural Heritage of Siberia*. 2011. No. 12. Pp. 5–23. (In Russ.)

Amgalan M. Economic and Cultural Monuments of Western Mongolia. Ulaanbaatar: Monsudar, 2008. 211 p. (In Mong.)

Ayush Ts. Durvud. In: *Ethnography of Mongolia*. Vol. II. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 27–106. (In Mong.)

Batnasan G. Bayad. In: *Ethnography of Mongolia*. Vol. II. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 253–360. (In Mong.)

Butanaev V. Ya. Traditional Culture and Life of Khakasses. Abakan: Khakas. Book Publ., 1996. 222 p. (In Russ.)

Dashkovskiy P. K., Karymova S. M. The Thing in Traditional Culture of Central Asian Peoples: Philosophical and Cultural Research. Barnaul: Altai University Publ., 2012. 252 p. (In Russ.)

Dissan T. Uuld. In: *Ethnography of Mongolia*. Vol. II. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 107–166. (In Mong.)

Efimova E. M. Semantics of the Picture of the Yakut World in Traditional Clothes. Cand. Sc. thesis (culture study) abstract. Ulan-Ude, 2006. 143 p. (In Russ.)

Ethnography of Altai Uriankhai. G. Zolbayar, M. Ganbold. Ulaanbaatar: Kitab, 2014. 256 p. (In Mong.)

Ethnography of the People's Republic of Mongolia. The Turn of the 19th–20th cc. Vol. 1. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1987. 432 p. (In Mong.)

Ganbold M. Oirat Mongolian Environmental Tradition. (Biblioteca Oirat-ica XVIII). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2012. 190 p. (In Mong.)

Kuznetsov I. V. Clothes of Armenians of Pont. Semiotics of Material Culture. Moscow: Vost. lit., 1994. 294 p. (In Russ.)

Lhagvasuren I. Altai Uryankhais. Historical and Ethnographic Research (late 19th — early 20th cc.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the RAS Publ., 2013. 176 p. (In Russ.)

Minenko L. V. Semantics of Ornaments of Objects of Material Culture of West Siberian Indigenous Peoples. In: *Actual Problems of Sociocultural Research*. Kemerovo: Kemerovo State University of Culture, 2006. Is. 2. Pp. 97–108. (In Russ.)

Moskvina M. V. Status Symbolism of Traditional Female Ornaments of the Turkic Peoples of Sayan-Altai. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2013. No. 3. Pp. 83–86. (In Russ.)

Orlova E. A. Sacral Functions of Traditional Women's Clothing of Teleuts. *Bulletin of Novosibirsk State University*. History series. Philology. 2016. Vol. 15. No. 7. Archaeology and Ethnography. Pp. 169–177. (In Russ.)

Orlova E. A. Symbolism of the Collar-tyaka in the Traditional Women's Clothing of Teleuts. *Bulletin of Tomsk State University*. Kulturology and Art criticism. 2015. Is. No. 2(18). Pp. 146–148. (In Russ.)

Orlova E. A. Symbolism of the National Wedding Costume of Teleut Women. In: *People and Culture of South Siberia and Neighboring Territories*. Conf. proc., dedicated to the 70th anniversary of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, 24–26 September 2014). Abakan: Khakas. Book Publ., 2014. Pp. 88–90. (In Russ.)

Proverbs, Sayings and Riddles of Kalmyks of Russia and Oirats of China. B. Kh. Todaeva (ed., transl.). Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Russ.)

Sem T. Yu. Symbolics and Semantics of Ritual Clothing of Tungus (Concerning Iconography of Fertility Gods). *Bulletin of Saint-Petersburg University*. 2007. Ser. 2. Is. 4. Pp. 245–255. (In Russ.)

Sharaeva T. I. Rites of Kalmyk Life Cycle (19th — early 21st cc.). Elista: Dzhangar, 2011. 128 p. (In Russ.)

Shigurova T. A. Semantics of a Picture of the World in a Traditional Costume of Mordva. Dr. Sc. thesis (culture studies). Saransk, 2012. 420 p. (In Russ.)

Sodnompilova M. M. Traditional Clothes of the Mongolian Peoples in Ritual and as an Instrument of Socialization. *Bulletin of Irkutsk State University*. Ser. Geo-archaeology. Ethnology. Anthropology. 2013. No. 2 (3). Pp. 152–165. (In Russ.)

The Big Mongolian–Russian Dictionary. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Vol. 1. A–G. Moscow: Academia, 2001. 520 p.; T. 2. D–O. Moscow: Academia, 2001. 536 p.; T. 3. Θ–F. Academia, 2001. 440 p.; T. 4. X–Y. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)

Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and Time. World of Matter. L'vova E. L., Oktyabskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Novosibirsk: Nauka, 1988. 225 p. (In Russ.)

Хозяйственный быт калмыков на рыболовных промыслах во второй половине XIX в.

Occupational and Household Activities of the Kalmyks at Fisheries in the Second half of the 19th Century

*В. В. Батыров (V. Batyrov)*¹

¹ кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

Ph.D. in History (Candidate of Historical Sciences), Head of Department of Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

Аннотация. В статье исследуется специфика хозяйственного быта калмыков, занимавшихся наймом на рыболовных промыслах. Рыбная ловля как вспомогательная отрасль хозяйства всегда присутствовала у калмыков, но ее развитие во второй половине XIX в. во многом обусловлено социально-экономическими процессами, в ходе которых часть семей калмыков-скотоводов подверглась разорению. Отходничество на рыбные промыслы вызвало изменения в материальной культуре калмыков. Также проанализированы основные условия их проживания. Особый интерес представляют вопросы, касающиеся формирования профессиональных навыков бывших кочевников на рыбных промыслах, роли питания в адаптации калмыцких отходников. Так, к концу XIX в. калмыки стали одними из основных работников на промыслах Астраханской губернии. Занимаясь самым низкооплачиваемым и непрофессиональным трудом неводных рабочих, калмыки достигли вершин совершенства в не свойственном им промысле. В последующие годы при найме рабочих рыбопромышленники стали отдавать предпочтение именно калмыкам за их неутомимость и неприхотливость.

Ключевые слова: история Калмыкии, отходничество, рыбные промыслы, хозяйственный быт, материальная культура.

Abstract. The article studies the specific features of working and household activities of the Kalmyks employed at fisheries. As an auxiliary sector of economy, fishing has always been present among the Kalmyks, but those were social and economic processes accompanied by impoverishment of some Kalmyk herdsmen that largely determined its development in the latter part of the 19th century. The seasonal engagement in fishing resulted in changes of the material culture of the Kalmyks. Their basic living conditions have also been analyzed. Of special interest are the issues related to formation of professional skills of ex-nomads at fisheries, the role of food in the adaptation of the Kalmyk seasonal workers. Thus, by the late 19th century a large part of the manpower at fisheries of Astrakhan Governorate were ethnic Kalmyks. Engaged in the most low-wage and unskilled work of seine fishing, the Kalmyks achieved the pinnacle in an irrelevant industry. In subsequent years, those were Kalmyks — due to their tirelessness

and unpretentiousness — that would be given preference to by fish dealers when they employed workers.

Keywords: history of Kalmykia, seasonal work, fisheries, occupational and household activities, material culture.

Хозяйственный быт калмыков-скотоводов являлся типичным для подавляющего большинства населения Калмыцкой степи вплоть до начала XX в. Однако с конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в. периодически повторявшиеся тяжелые зимы ускорили процесс массового разорения скотоводов. Разоряясь, они вынуждены были обращаться к найму на рыболовные промыслы. В конце XVIII и начале XIX в. отходничество на рыбные промыслы стало приобретать все более важное значение в калмыцком хозяйстве. Как писал К. И. Костенков, калмыки стали массово наниматься на рыбные промыслы после 1798 г., когда «чрезвычайная гибель скота лишила калмыков всяких средств к существованию» [Костенков 1868: 141]. С 1840-х гг. центром найма на рыбные ловли стал так называемый Калмыцкий Базар, расположенный недалеко от г. Астрахани. Обедневшие калмыки стекались из разных улусов в Мочаги, откуда наемщики и поставляли основное количество рабочих рыбных и соляных промыслов.

Одним из первых обратил внимание на факты отходничества на рыболовные промыслы калмыков И. А. Житецкий [1991: 56]. В дальнейшем большую роль в изучении роли калмыков в развитии рыболовных промыслов сыграли исследования К. И. Костенкова [Костенков 1868]. В советский период рыболовство стало предметом изучения У. Э. Эрдниева [1980] и А. И. Наберухина [1987]. В последующие годы исследования были продолжены такими учеными, как А. Н. Команджаев [1999].

С середины XIX в. число калмыков, ухотивших на рыболовные ватаги, достигало по официальным данным 9 000 чел. В 1863 г. К. И. Костенков указывал, что количество калмыков, занятых на рыбных промыслах, составляло примерно 6 000 чел. При этом он подчеркивал, что и эти количественные данные нуждаются в пересмотре, поскольку часть калмыков нанималась к рыбопромыш-

ленникам без контракта и без билета. Сам К. И. Костенков считал, что численность калмыков, шедших в наем на рыбные промыслы, составляет более 10 000 чел [Костенков 1868: 144]. Во второй половине XIX в. рыболовство прочно вошло в быт калмыков, о чем свидетельствует активное использование в речи калмыцких названий рыб: судак — *ботаха*, щука — *цурх*, лещ — *цуув*, сазан — *сазн*, севрюга — *цакр*, осетр — *бекр* и т. д.

Во второй половине XIX в. сложилась ситуация, когда часть калмыков добывала себе пропитание всецело наймом на «рыбные ловли». Так, в 1893 г. калмыки керейтова рода, которые ранее проживали в Эркетеневском улусе, сообщали, что: «с давних времен мы с со своими семействами проживаем по бедности, в Мочагах, нанимаясь постоянно в работы на рыболовных промыслах». И желая навсегда остаться на рыбных ловлях и проживая в Мочагах, они подали прошение в Управление калмыцким народом, чтобы их семьи зачислили по переписи 1876 г., из «Степного в Мочажное ведомство» [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 51. Л. 1].

К концу XIX в. калмыки стали одними из основных работников на промыслах; они составляли четверть всех рыболовных рабочих Астраханского края. Калмыки составляли 97 % всех неводных рабочих: 6 359 чел. из 6 825 чел. Занимаясь самым низкооплачиваемым и непрофессиональным трудом неводных рабочих, калмыки быстро приобрели навыки в таком не привычном для них промысле. В последующие годы при найме рабочих рыбопромышленники стали отдавать предпочтение именно калмыкам за их неутомимость и неприхотливость. Как писал В. В. Воробьев, «нижневолжские рыбопромышленники считают калмыков лучшими неводными рабочими» [Воробьев 1903: 19].

Во второй половине XIX в. найм калмыков на рыболовные промыслы приобрел устойчивые формы. Так, по данным 1885 г., на рыбные промыслы нанимались в основном жители Яндыко-Мочажного (7 767 чел.), Багацохуровского (147 чел.) улусов и Калмыцкого Базара (1 894 чел.), причем в первую очередь на рыболовные промыслы астраханского купца I гильдии А. А. Сапожникова (к нему нанималось 5 344 чел.) и торгового дома братьев Воробьевых

(1 601 чел.). Часть калмыков шла в наем к братьям Хлебниковым, братьям Комовым, купцам Платоновым, купцу Новикову и др. Всего 42 фирмы. Весенняя путина длилась со 2 февраля — с момента вскрытия р. Волги от льда — и по 9 мая, а осенняя путина — с 1 июля по 6 декабря, когда р. Волга начинала покрываться льдом. Также были еще летняя и зимняя путины [Житецкий 1892: 152].

Рыболовные производственные коллективы Астрахани были трех видов: морские ватаги; речные ватаги (оба вида ватаг имели постоянные казармы для неводных рабочих, ледники, амбары и т. д.); «ловецкие станы» — самые мелкие предприятия, которые не имели ледников и амбаров, рабочие жили в шалашах. Поскольку рыболовные «заводы» были устроены по типу мануфактур, где широко применялся труд наемных рабочих, то здесь существовала своя специализация труда. На рыболовных промыслах калмыки делились на две группы: неводные, которые собственно производили лов рыбы, и промысловые (или ватажные), которые участвовали в разделке, посоле, вялении, сушке, выделке клея, в обработке икры, изготовлении посуды для рыбы, охране складов. Калмыки в основном шли в икрянщики (т. е. изготовители икры), жиротопы, клейщики и т. д. Отдельно надо выделить небольшую группу калмыков, которые нанимались на наиболее оплачиваемую работу надзирателей, охранников и т. д., несмотря на существующее негативное отношение к этим специальностям [Ослянников 1856: 8].

Рыбацкие профессии делились на три категории: подрядчики, специалисты рыбного дела (солельщики, неводчики, пятчики), неводные рабочие (самая низшая и низкооплачиваемая профессия). Большой частью калмыки устраивались подрядчиками, носовщиками, неводчиками, пятчиками и простыми рабочими. Неводчики управляли рыболовными снастями, т. е. вымеряли глубину, на которой предстояло ловить рыбу, выпускали невод, контролировали полностью весь процесс «метания» невода. Пятчики (обычно физически самые крепкие рабочие) укрепляли «пятным» колом невод на берегу. Рыбопромышленники нанимали калмыков, «знающих неводную работу не моложе 20 лет и не старше 50-ти лет» [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37].

Найм калмыков шел в основном артелями. Большая артель обычно состояла из 70 чел., во главе с подрядчиком, который вел переговоры с купцом от имени артели. Кроме него, в артель входили 5 неводчиков, 5 пятчиков и 60 неводных рабочих. Артель, которая выходила в море, была меньше. В ее состав входили 1 подрядчик, 1 солельщик, 1 неводчик, 1 пятчик, 10 неводных рабочих, 2 кормчих, 13 весельщиков. В артель старались не брать людей старше 50 лет и моложе 18 лет, поскольку они получали плату вдвое меньше. Малая артель состояла из семи человек [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37].

За сутки большая артель должна была сделать по пять *тонь*, т. е. пять раз вытягивать невод. Условия труда были крайне тяжелыми, ночной труд в камышовых плавнях сопровождался постоянными укусами комаров. Зимой невод приходилось тянуть подо льдом, тогда количество тоней сокращалось до двух. Работа продолжалась с 5 часов вечера до 5 часов утра. Днем рабочие занимались починкой сетей. Невод по окончании тяги всегда просушивали и чинили. На один невод полагалось 12–18 рабочих и 2 специалиста: неводчик и пятчик (на судне он заменялся носовщиком). Этот состав назывался «комплект». Ловили рыбу на берегу, на плотках или с лодок «бударок». Если рыбаки находились в море, то все снасти и припасы хранились на специальных плотках. За неисполнение полагался штраф по 15 руб. серебром за каждую пропущенную тоню. Штрафы полагались за неявку на работу: по 60 коп. в день на человека. Пойманную рыбу артель сдавала на промысел. Нередко система штрафов приводила к тому, что артель оставалась еще должна хозяину [Житецкий 1892: 160]. В других случаях рыбопромышленники просто вычитали поденную плату за пропущенный день [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37].

Калмыки получали плату — поденную или в зависимости от выловленной рыбы. Заработок колебался в зависимости от той работы, которую они выполняли на рыбных промыслах. Подрядчики получали от 40 до 65 руб.; носовщики, неводчики, пятчики от 33 до 60 руб.; простые рабочие от 30 до 57 руб. Работа на осенней путине оплачивалась на треть больше. За рыболовный сезон рабочий мог заработать примерно 210 руб. [Житецкий 1892: 160]. Если рабочий

на промыслах заболел и в течении трех дней не выздоравливал, его отправляли домой или в местную больницу. Взамен артель обязывалась заменить его здоровым работником или вернуть деньги. Так же поступали, если рабочий сбегал с промыслов, получив задаток. Расчет производился по окончании лова. П. Небольсин, изучавший условия труда калмыков на рыбных промыслах в 1850 г., пишет, что «забирая у хозяев хлеб и снасть в счет денежной выдачи и в надежде на будущий заработок, калмыки по большей части остаются в недолове и, следовательно, в долгу у хозяина» [Небольсин 1852: 65]. При таком положении дела калмык был вынужден идти к тому же хозяину на следующий год в надежде, что новая путина будет для него более благоприятной, что очень часто приводило лишь к увеличению долга и усилению долговой зависимости от предпринимателя.

Были случаи, когда артель получала хозяйские орудия лова и сдавала рыбу ему же по цене за сотню. Например, судак мерный (т. е. больше 8 фунтов веса) шел по цене 15 руб. за 100 штук, а полумерный (т. е. менее 8 фунтов веса) 7 руб. Лещ, жерих и щука шли по цене 1 руб., а сопа — 1 руб. Чехонь мерная стоила 75 коп., полумерная 25 коп. Сельдь мерная 1 руб. 50 коп., вобла и тарань по 10–15 коп., стерлядь — 5 руб., берж — 2 руб., лосось и белорыбица по 5 коп. за штуку, тюлень 20 коп. за штуку, сазан — 20 коп. за пуд, сом — 70 коп. за пуд. Икра красной рыбы шла по цене 1 руб. 20 коп. за пуд. Иногда заключался договор, когда калмыки доставляли рыбу сразу на астраханский базар («исады») и после ее распродажи вся прибыль делилась пополам с хозяином.

Быт калмыков, их питание на промыслах во многом зависели от самих калмыков. Каждый получал на питание 3 фунта хлеба и 1–4 штуки мелкой рыбы частиковых пород. Лишь некоторые купцы дополнительно отпускали 1 фунт пшена. Отдельно выдавали дрова для приготовления пищи. Например, купец Сапожников на сезон отпускал ржаную муку — 7,5 или 5 пудов, кирпичный чай — 1 доску, в день — 3 фунта печеного хлеба, мелкую рыбу или 2/3 фунта пшена в случае ее отсутствия. Поэтому для приготовления пищи обычно с каждой артелью кочевала одна кибитка-кухня. Обычно

готовила пищу жена одного из рабочих, который за это получал отдельный пай. Будучи постоянно в воде, калмыки одевались в кожаную куртку, «*кожух*», кожаные брюки и кожаные чулки «*бахилы*», на которые надевались кожаные башмаки «*поршни*» [Ослянников 1892: 9].

Выдаваемое продовольствие также разнилось в зависимости от профессии рабочего. Так, неводчик получал «чаю кирпичного по одной доске на человека», пятчик — «муки рожанной 2 пуда 20 фунтов, чаю кирпичного по одной доске», остальные рабочие — «чаю кирпичного по ½ доске, и хлеба печенаго по три фунта в сутки на каждого человека» [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 38]. Также калмыки могли брать для пропитания «мелкой частиковой рыбой», если же они брали для себя крупную рыбу или раздавали, то рыбопромышленник вычитал с рабочих сумму с украденной рыбы в три раза больше ее стоимости [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37об.].

В качестве специальной одежды каждый рабочий обычно на сезон получал две пары обуви, *поршни*, *вачуги* или *бахилы*. Иногда выдавались и портянки. По окончании контракта всю одежду сдавали, а в случае ее утери или порчи платили штраф. Другие рыбопромышленники выдавали рабочим «по одной паре бахил, по одному полукожану, по одной паре поршон и сукна вачужнаго на одну пару вачуг в путину на каждого человека» [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37об.].

Таким образом, рыбная ловля как вспомогательная отрасль хозяйства всегда присутствовала у калмыков, но ее развитие во второй половине XIX в. во многом обязано социально-экономическим процессам, в ходе которых часть семей калмыков-скотоводов подверглась разорению. Отходничество на рыбные промыслы вызвало изменения в материальной культуре калмыков.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Sources

The National Archives of the Republic of Kalmykia. (In Russ.)

Литература

Воробьев В. В. Астраханские калмыки // Русский антропологический журнал. 1903. № 1. 22 с.

Житецкий И. А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Приложения // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892. С. 150–173.

Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Репринтное издание. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 75 с.

Карагодин А. И. Калмыцкий базар (из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.) // Исследование по исторической географии Калмыцкой АССР / Элиста: КНИИФЭ, 1981. С. 31–48.

Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX вв. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1999. 262 с.

Костенков К. И. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции под начальством К. И. Костенкова. СПб.: В. Безобразов и Комп, 1868. 177 с.

Костенков К. И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб.: В. Безобразов и Комп., 1868. 169 с.

Наберухин А. И. Калмыкия в трех российских революциях. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.

Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайа, 1852. 192 с.

Ослянников С. В. Очерки рыболовства по реке Волге и берегам Каспийского моря: репринтное воспроизведение по журналу М-ва Внутренних Дел, 1856 г. Астрахань: ИПЦ «Факел», ООО «Астраханьгазпром», 2005. (1856). 42 с.

Эрдниева У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 286 с.

References

Erdniev U. E. Kalmyks: Historical and Ethnographic Sketches. 2nd ed. Elista: Kalm. Book Publ., 1980. 286 p. (In Russ.)

Karagodin A. I. Kalmyk Bazaar (from the History of Trade Relations in Kalmykia in the second half of the 18th — first half of the 19th cc. In: A Study on the Historical Geography of the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 31–48. (In Russ.)

Komandzhaev A. N. Economy and Social Relations in Kalmykia at the End of 19th – Beginning of 20th Centuries. Elista: Kalmyk State University, 1999. 262 p. (In Russ.)

Kostenkov K. I. Kalmyk Steppe of Astrakhan Province according to the Research of the Kumo-Manych Expedition led by K. I. Kostenkov. St. Petersburg: Print. shop of V. Bezobrazov and Co., 1868. 177 p. (In Russ.)

Kostenkov K. I. Statistical and Economic Description of the Kalmyk Steppe in Astrakhan Province. St. Petersburg: Print. shop of V. Bezobrazov and Co., 1868. 169 p. (In Russ.)

Naberukhin A. I. Kalmykia in three Russian Revolutions. Elista: Kalm. Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)

Nebolsin P. I. Essays on the Life of Kalmyks of the Khoshout ulus. St. Petersburg: Print. shop of Karl Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)

Osllyannikov S. V. Essays of Fishing along the Volga River and the Caspian Sea Coast: Reprint Reproduction according to the Journal of Home Ministry, 1856. Astrakhan: Fakel, Astrakhangazprom, 2005. (1856). 42 p. (In Russ.)

Vorobiev V. V. Astrakhan Kalmyks. *Russian Anthropological Journal*. 1903. No. 1. 22 p. (In Russ.)

Zhitetskiy I. A. Astrakhan Kalmyks (Observations and Notes). Annexes. In: Proceedings of Petrov Society of Astrakhan Region Researchers. Astrakhan, 1892. Pp. 150–173. (In Russ.)

Zhitetskiy I. A. Essays on Life of Astrakhan Kalmyks. Reprint edition. Elista: Kalm. Book Publ., 1991. 75 p. (In Russ.)

Локализация предметов с сакральным значением в жилище у калмыков

Localization of Devotional Articles within the Home of the Kalmyks

*Т. И. Шараева (T. Sharaeva)*¹

¹ кандидат исторических наук, научный сотрудник, отдел этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: sharaevati@yandex.ru.

Ph.D. in History (Candidate of Historical Sciences), Research Associate, Department of Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: sharaevati@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются сакральные зоны традиционного и современного жилища у калмыков, их атрибутика и связанные с ними представления. Пространство внутри и вне жилища по представлениям калмыков являются противоположными мирами. Стабилизация пространства внутри жилища достигалась с помощью предметов, имевших сакральное значение для кочевника. Центральное место в традиционном кочевом жилище калмыков занимал алтарь, однако рядом с ним располагались сакральные объекты добуддийской практики. В настоящее время алтарная часть с ритуальными предметами жилого пространства отражает смешение добуддийской и буддийской практик. Примером являются ритуальные действия с *өлгц*, который представляет собой набор полисемантических ритуальных предметов с сакральным значением, актуальность которых возрастает при проведении свадебной обрядности.

Ключевые слова: локализация, сакральность, жилище, алтарь, ритуальная атрибутика, семейная обрядность.

Abstract. The article examines the sacral zones of the traditional and modern homes of the Kalmyks, their attributes and related beliefs. According to the mindset of the Kalmyks, the spaces inside and outside the home are separate worlds opposed to one another. The internal space was stabilized using articles of sacral significance. The central place within the Kalmyk traditional nomadic home was occupied by the altar, but next to it some sacred articles of pre-Buddhist practices would be placed. Nowadays the altar zone containing certain ritual articles as well reflects the blending of pre-Buddhist and Buddhist beliefs. For example, ritual activities using the *oelgtse* (also kept in the altar zone) — which is a set of polysemantic ritual articles of sacral significance — get most actual during wedding ceremonies.

Keywords: localization, sacral meaning, home, altar, ritual attributes, family ceremonial.

Пространство в традиционном кочевом жилище осмысливалось калмыками как микрокосмос со своим упорядоченным мироустройством, где каждая вещь имеет свое место по предназначению; а пространство за пределами жилища воспринималось как макрокосмос, как нечто неосвоенное, чужое. Как модель вселенной в традиционном мировоззрении жилищеномада ориентировано по сторонам света, имеет центральную ось, проходящую через очаг и дымовое отверстие, членится на семантические сектора: правый — левый; северный — южный; верхний — нижний; почетный — непочетный; мужской — женский [Жуковская 2002: 15]. Стабилизация пространства внутри жилища достигалась с помощью предметов, имевших сакральное значение для кочевника. Одними из них были семейный алтарь, а также предметы с сакральным значением, расположенные в изголовье кровати.

В интерьере традиционного жилища семейный алтарь располагался напротив двери, за очагом. Как отмечал И. А. Житецкий, у калмыков алтарь состоял из: «„хобол“ — ящик с бурханами, который в большинстве кибиток привешивается к „термен толга“; у богатых калмыков „хобол“ устанавливается на остроенном возвышении из столиков и сундуков, покрытых ковром ..., а у бедняков он ставится нередко и на близ стоящие сундуки с вещами. Впереди „хобола“ часто стоит жертвенный столик с расставленными на нем металлическими сосудами, наполненными маслом, зерном, печеньем...» [Житецкий 1893: 6].

Справа от алтаря (от стоящего лицом к двери человека) находился *барун баран* / *правый баран* / *большой баран* (поставленные друг на друга сундуки различных размеров и деревянные ящики, в которых хранилось основное имущество семьи). Семейная кровать в традиционном жилище у калмыков находилась слева (от стоящего лицом к двери человека) от алтаря, но так, чтобы головная часть ее находилась по центру напротив двери, а основная часть — в левой половине жилища. В ногах кровати ставили *зун баран* / *левый баран* / *малый баран*, аналогичный *барун баран*, но меньшего размера. В нем хранили посуду и женскую одежду. С учетом традиционного бинарного деления пространства жилища «правое / левое», «мужское / женское» располагали остальные хозяйственные атрибуты [Эрдниев 1970: 129–130].

Название *зун баран* / *левый баран* / *малый баран* некоторые исследователи связывали с тем, что над ним «прикрепляется к одной из унин небольшой шутен какого-либо бурхана, почему в параллель большому барану и называется малым бараном» [Львовский 1893: 13]. Однако конкретного описания божества в источниках не встречается. По свидетельству И. Бентковского, под ним иногда ставили маленькую узенькую кровать (*урундук*), предназначенную для детей, и уточняет, что «более для виду» [Бентковский 1868: 97]. В бинарном членении пространства левая половина жилища определялась как женская, поэтому вплоть до начала XX в. после обряда бракосочетания невеста садилась в ногах семейной кровати или «между ногами кровати и малым бараном» [Небольсин 1852: 78], что фиксировало ее местонахождение в женской половине нового для нее жилища.

С началом перехода калмыков на оседлый образ жизни «традиционный для калмыцкой кибитки порядок размещения домашних вещей часто нарушался», «только предметы буддийского культа неизменно размещались в глубине дома, у изголовья кровати хозяев» [Эрдниев 1970: 135]. В современном жилище калмыков со сложным архитектурным решением алтарь с ритуальными атрибутами может быть расположен в самой большой комнате, где собираются все члены семьи; вариантом алтаря является выделенная зона на стене комнаты, где подвешиваются танки с изображением божеств, а предметы культа расположены на специальной подставке; или расположение алтаря и всех атрибутов на прикроватной тумбочке. При выборе места для алтаря соблюдают еще одно условие для изображений или статуэток божеств: они должны быть обращены на восток, чтобы «видеть солнце» (*нар үзх зөвтэ*), но в традиционном жилище алтарь был обращен на юг, что указывает на смену локативного кода и существование ранних представлений у калмыков.

Изображения или статуэтки божеств, расположенные на алтаре и выполняющие функции покровителей, назначаются священнослужителями в соответствии с астрологическими данными по году и часу рождения членов семьи. Их почитание в настоящее время приравнено к почитанию родовых и семейных покрови-

телей, предков. Особым почитанием пользуются идамы и дхармапалы как охранители и вероучения, и людей. Наиболее ярким примером перенесения функций в калмыцкой традиции является буддийское божество Лхамо, которое стало ассоциироваться с божеством огня *Галын Окн Теңер* и с праздничными обрядовыми действиями во время весеннего праздника *Цахан Сар*. В современном калмыцком языке стали чаще употребляться эквиваленты наименований буддийских божеств, например, *Очирвань* вместо Ваджрапани, *Нохан дарк* вместо Зеленой Тары, *Отч бурхн* вместо Манла и т. д. Ношение культовых атрибутов, таких как талисманы *бу*, *мирд*, *шутэн*, широко распространенных у калмыков в прошлом, активно практикуют верующие наравне с талисманами, определенными священнослужителями в соответствии с астрологическими данными человека. Если по какой-либо причине их не надевают, то они хранятся на алтаре.

Благовония, подготовленные из высушенного ковыля стержни для лампадок (*цахан өвсн*), сами лампадки, топленое масло, тексты молитв, различная буддийская атрибутика, *өлгү*, фотографии умерших родственников и др. — это неполный перечень того, что хранится на алтаре современных калмыков. На одном из них — *өлгү* — остановимся более подробно.

В современной культурной традиции калмыков *өлгү* представляет собой набор полисемантических ритуальных предметов с сакральным значением, актуальность которых возрастает при проведении свадебной обрядности. В *өлгү* входит ритуальная рубашка светлого цвета, нити и ленты определенных цветов в соответствии с родовым обозначением, лоскут белой ткани, монеты. Внешнее оформление *өлгү* имеет несколько вариантов. Первый вариант сводится к укладыванию лент и нитей, связанных между собой за один конец, в небольшой лоскут ткани белого цвета квадратной формы (размером немного больше носового платка), который затем складывается «конвертом»; второй вариант — ленты и нити привязывают к концу узкого лоскута белой ткани, затем складывают. В обоих вариантах в один конец лоскута ткани завязывают две монеты — белую и желтую (*цахан улан мөңгн*), — что символизирует благословение родных и пожелание молодоженам счастли-

вой семейной жизни. Встречается и другой вариант: ленты и нити привязывают на выструганную белую палочку длиной примерно 10–15 см, а сверху их оборачивают лоскутом белой ткани.

Основная функция *өлгү* у калмыков — подношение духам предков и прошение покровительства, гарантирующего благополучную семейную жизнь и многодетность. Как отмечал У. Д. Душан: «... „ольгце“ берется для жертвы предкам. Получение этих ниток и материи указывает предкам, что невеста покинула своих родителей и окончательно стала членом семьи жениха» [Душан 1976: 38].

Во время свадьбы ритуал *өлгү тэвлһн* проводится после совершения невестой поклонения на пороге жилища. Ритуальные действия с атрибутами *өлгү* невеста либо самостоятельно совершает в присутствии свекрови или свекра, либо передает *өлгү* им для совершения обряда. Дальнейшие действия с лоскутом ткани и лентами отличаются вариативностью:

а) оставляют на домашнем алтаре в нетронутном виде;

б) сначала оставляют на домашнем алтаре, а после непродолжительного хранения на алтаре *өлгү* могут использоваться по-разному, но в соответствии с традициями, принятыми в роду. Лоскуты ткани или ленты (*өлгү*) в дальнейшем: 1) могут выполнять функцию ритуального одеяния семейных божеств буддийского пантеона (ими оборачивают статуэтки либо помещают их поверх деревянных рамок с изображением буддийских божеств); 2) могут быть разъединены и розданы детям для использования в игровых ситуациях; 3) могут быть отнесены в *хурул* как сакральный атрибут, требующий локализации в освященном месте; 4) могут храниться молодыми супругами на алтаре в своей семье, отдельно от алтаря родителей; 5) располагаются над изголовьем супружеской постели.

Обрядовую рубашку (*өлгүн кишгэ*) по традиции вручают самому пожилому и главенствующему («старшему в роду») представителю рода жениха. Рубашку при одаривании кладут на правое плечо воротом вперед или вдевают руку в правый рукав, а левый оставляют свисать свободно по спине. Практикуется оставление рубашки на алтаре на непродолжительное время с последующей

передачей старшему по родству представителю рода жениха, отсутствовавшему на свадьбе по какой-либо причине, или в *хурул*. Мотивацией передачи в *хурул* свадебной обрядовой рубашки является ее предназначенность в качестве подношения духам предков, поэтому ее дополняют при передаче набором продуктов: пачкой чая, пачкой сливочного масла, молоком, сладостями, благовониями.

В настоящее время местом локализации *өлгү* в семейном пространстве является алтарь или изголовье семейной постели. До начала XX в. в пространстве традиционного жилища *өлгү* располагали в изголовье супружеской постели, в стороне от семейного алтаря с буддийскими божествами, что указывает на разграничение функций ритуальных атрибутов и существование различных практик в прошлом.

Отсутствие термина *өлгү* в словарях позволяет предположить его происхождение от глагола *өлгх*, что значит «вешать, привешивать, подвешивать» [Калмыцко-русский словарь 1977: 414], что собственно отражает действия, производимые с ним на свадьбе. Отсутствие аналогов названия в калмыковедческой литературе и производное значение от глагола позволяет предположить табуацию сакрального атрибута, не относящегося к буддийской практике, так как в традиционной обрядности он локализовался в стороне от семейного алтаря (не на самом алтаре, а выше него), а в настоящее время может храниться непосредственно в изголовье семейной кровати или на алтаре.

Обязательное принесение *өлгү* невестой, его сакральное значение, локализация в сакральной части жилища указывает на архаичную практику существования и взаимосвязь с культом предков у калмыков. До настоящего времени сохранилось оставление подношения первинки пищи душам предков для кормления их паром и запахом от приготовленных блюд, совершение поминальных трапез с семейным или родовым значением, кропление *цацал* во время проведения различных обрядов, обращение о даровании благополучной жизни и чадородия и т. д. Невеста, переходящая из одного рода в другой, вступала под покровительство предков по линии жениха, сохраняя при этом покровительство предков по ли-

нии своих родителей. В некоторых родах калмыков невеста привозит с собой *өлгү* своего рода, что указывает на сохранение древнейших следов материнского рода и, возможно, матрилокального брака, что отметил Д. Д. Шалхаков, подробно рассматривавший структуру свадебной обрядности калмыков в XIX – начале XX вв. на обширном круге источников [Шалхаков 1982].

Наличие в составе *өлгү* ритуального одеяния или отреза ткани для его изготовления, все имеющиеся обрядовые действия, связанные с предками в культуре калмыков в целом, позволяют высказать предположение о существовании онгонов у калмыков в прошлом. На эту мысль наталкивает и форма, и оформление лоскутов ткани, нитей / лент в *өлгү*. По нашему мнению, обтянутые тканью монеты — это лицо, свободно свисающий лоскут — это модель ритуального одеяния, к которому подвязывают ленты / нити — «проводники», «связующие нити», подношения.

Как отмечала К. М. Герасимова, «образ предка непосредственно связан с ритуальными изображениями или заместителями умерших, поэтому все, что выступало в этой роли, могло быть и было образом предка — черепа, кости, маски, камни, развилка ветви, шесты, одежда, подушка, антропоморфные фигурки из различных материалов, изваяния и т. д.» [Герасимова 1989: 147–148]. Г. Д. Скрынникова употребление глагола «онголах» (‘делать онгоном, т. е. похоронить’) связывает с сохранением воздействия харизмы погребенных в горах правителей, что проявляется в выражении «каждая гора стала онгоном» [Скрынникова 1997: 176–177]. По ее мнению, харизма правителей может воплощаться в голове (черепе), волосах, поясе, стреле, кости, знамени (копье, пике), трости, кнуте, барабане, антропоморфном изображении, горе и захоронении. «Способность харизмы проявлять свое воздействие и после смерти ее обладателя не только благодаря останкам, но и воплощению в материальных объектах проявляется в различных формах, в частности, в культе онгонов, который не является чем-то особенным и отличным, например, от культа знамени, культа стрелы и т. д.» [Скрынникова 1997: 176–177]. По мнению Д. К. Зеленина, онгоны были родовыми, семейными и личными, так как считалось, что они ведают болезнями и оберегают [Зеле-

нин 1936: 8]. Г. Д. Скрынникова считает, что онгон является гением-хранителем рода, через него выражается харизма социума [Скрынникова 1997: 176]. В калмыцкой традиции функциями покровителей рода были наделены родовые старшины и мужчины из аристократических семей, которые выполняли жреческие функции. Их сакрализация усиливалась по мере наступления старческого возраста, когда укреплялся авторитет и усиливалась власть.

Таким образом, локализация предметов с сакральным значением в жилище калмыков сохраняется согласно традиции, несмотря на изменение быта, образа жизни, изменения в культурной и обрядовой сферах.

Местом локализации *өлгү* в семейном пространстве современного жилища является алтарь или изголовье семейной постели, что указывает на разграничение функций ритуальных атрибутов и существование различных практик в прошлом, их трансформацию и смешение в настоящее время. Сакральный цветовой маркер *өлгү* продолжает выполнять функцию обеспечения благополучной жизни членов новой семьи, многодетности и сакрализации пространства.

Литература

Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.: ил.

Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков (Этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М.: Типография М. Г. Волчанинова. 1893. 73 с.

Эрдниева У. Э. Калмыки Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 311 с.

Львовский И. Происхождение и история калмыков Большедербетовского улуса // Ученые записки императорского Казанского университета. Кн. 6. (ноябрь–декабрь). Казань, 1894. С. 1–36.

Бентковский И. Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 1. Ставрополь, 1868. С. 82–104.

Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Типография Карла Крайя, 1852. 192 с.

Душан У. Обычаи обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста, 1976. С. 5–89.

Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 770 с.

Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.

Герасимова К. М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука, 1989. 319 с.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Вост. лит., 1997. 216 с.

Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири М.; Л., 1936. 436 с.

References

Bentkovskiy I. Housing and Food of Kalmyks of Bolshederbet ulus. In: Collection of Statistical Data on Stavropol Province. Is. 1. Stavropol, 1868. Pp. 82–104. (In Russ.)

Dushan U. Customs and Rites of Pre-revolutionary Kalmykia. In: Ethnographic Collection. Iss. 1. Elista, 1976. Pp. 5–89.

Erdniev U. E. Kalmyks. Historical-ethnographic Sketches (late 19th — early 20th cc.). Elista: Kalm. Book Publ., 1970. 311 p. (In Russ.)

Gerasimova K. M. Traditional Beliefs of Tibetans in the Cult System of Lamaism. Novosibirsk: Nauka, 1989. 319 p. (In Russ.)

Kalmyk–Russian Dictionary. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy yazyk, 1977. 770 p. (In Kalm. and Russ.)

Lvovskiy I. Origin and History of Kalmyks of Bolshederbet ulus. *Bulletin of the Imperial Kazan University*. Book 6 (November — December). Kazan, 1894. Pp. 1–36. (In Russ.)

Nebolsin P. Essays on the Life of Kalmyks of Khoshout ulus. St. Petersburg: Print. shop of Karl Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)

Shalkhakov D. D. Family and Marriage among Kalmyks. Elista: Kalm. Book. Publ., 1982. 86 p. (In Russ.)

Skrynnikova T. D. Charisma and Power in Genghis Khan Era. Moscow: Vost. lit., 1997. 216 p. (In Russ.)

Zelenin D. K. Ongon Cult in Siberia. Moscow, Leningrad, 1936. 436 p. (In Russ.)

Zhitetskiy I. A. Essays on Everyday Life of Astrakhan Kalmyks (Ethnographic Observations of 1884–1886). Moscow: Print. shop of M. G. Volchaninov. 1893. 73 p. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism. Moscow: Vost. lit., 2002. 247 p. (In Russ.)

«Культурный номадизм» в изобразительном искусстве Калмыкии 1980–1990-х гг.

“Cultural Nomadism” in the Visual Arts of Kalmykia
in the 1980–1990s

С. Г. Батырева (S. Batyreva)¹,

К. П. Батырева (K. Batyreva)²

¹ доктор искусствоведения, заведующий Музеем традиционной культуры имени Зая-пандиты, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: sargerel@mail.ru.
Ph.D. in Art Studies (Doctor of Art Criticism), Head of the Zaya Pandita Museum of Traditional Culture, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: sargerel@mail.ru.

² кандидат философских наук, лаборант Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты, Калмыцкий научный центр РАН, преподаватель КалмГУ им. Б. Б. Городовикова (г. Элиста). E-mail: kermen77@yandex.ru.
Ph.D. in Philosophy (Candidate of Philosophical Sciences), Research Assistant, Zaya Pandita Museum of Traditional Culture, Kalmyk Scientific Center of the RAS; Lecturer, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista). E-mail: kermen77@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена историческому обзору развития изобразительного искусства Калмыкии на рубеже 80–90-х гг. XX в. Объектом исследования является этническая идентичность калмыцкого художника и социокультурная среда его творческого бытия, предметом — явление «культурный номадизм» в изобразительном искусстве республики. Творческое переосмысление традиционной культуры народа, формирует новое движение в художественном процессе XX в. Мировоззрение современника проецируется в произведениях живописи и скульптуры Калмыкии.

Ключевые слова: культура, изобразительное искусство, номадизм, этническая идентичность, традиция.

Abstract. The articles deals with a historical overview of Kalmykia’s visual arts in the 1980–1990s. The object of the research is the ethnic identity of a Kalmyk painter and sociocultural environment for creativity, the subject of the research is the issue of “cultural nomadism” in the visual arts of the republic. Creative reconsideration of the national traditional culture results in the establishment of a new artistic trend of the 20th century. The world view of a contemporary individual is reflected in the paintings and sculptures.

Keywords: culture, visual arts, nomadism, ethnic identity, tradition.

Анализируя калмыцкое искусство прошлого века, интересно выявить динамику изменения этнической идентичности авторов, претерпевающей на рубеже 1980–1990-х гг. заметную трансформацию в творчестве перестроечного поколения. Они мыслят себя «номадами, открытыми всем ветрам», свободно ориентирующимися в художественных традициях евразийского пространства. Это свидетельствует о качественном обновлении процесса, происходившего в призме перестроечных и демократических перемен в стране. Открытость культуры внешним влияниям и в то же время ориентация на ее традиционные истоки синтезированы в декларативном характере творчества молодых. Движение «культурный номадизм», предполагающее евразийский синтез традиций искусства, — закономерное явление конца XX в., вбиравшие творческое осмысление художественной традиции в кочевой специфике буддийского Востока и такое же свободное в правомочности обращение к изобразительным традициям Запада. Этими тенденциями взаимообусловлено развитие искусства, обозначенное приходом в 1990-е гг. молодой творческой интеллигенции.

Культура в поступательном развитии не может «пробуксовывать» на уровне консервации этнического наследия, воспроизведения ее традиционных форм. Формальное повторение того, что было, без вписывания в канву современного художественного процесса не может называться творчеством. В ориентации на традиции, объединяющие прошлое, настоящее и будущее культуры, закономерно появление новых форм художественного бытия. Молодежь в творчестве заглядывала не в недалекое кочевое прошлое калмыков, а в древний общемонгольский период истории культуры. Возможно, такой выбор был обусловлен архаикой культурного наследия Центральной Азии, не имеющей ничего общего с советским периодом калмыцкой культуры, от которого осознанно и решительно отказывались. Эпоха перемен, родившая поколение рубежа веков, отвергает все, что связано с идеологией социализма, — советскую культуру и искусство как результат кардинальной ломки номадических традиций культуры в процессе пролетаризации.

Появление творческого объединения «Джунгария» в Союзе художников Калмыкии конца 1980-х гг. было поддержано новым поколением, осмысливающим дальнейшее развитие национальной культуры. Яркий эмоциональный всплеск этнического самосознания молодых получил продолжение в произвольном «независимом» движении творческой интеллигенции. Свежая струя в развитии национального искусства возникает в условиях социальной динамики «переходного» состояния культуры в системе российской государственности конца XX в.

В знаменательной «Независимой» экспозиции 1992 г. были представлены поиски, выросшего на гребне перестроечных явлений поколения, которые отражают не только местные, российские, но и реалии культурной жизни мирового сообщества. Заметим, что нетрадиционная культура в ее этнографическом изображении как пройденный этап осознания этнической идентичности автора является предметом интересов молодых художников. Символичен в этом отношении уход «глобализованного» поколения от провозглашенной программы галереи «Улан Зала», открытой в это же время и ориентировавшейся на традиционно кочевое бытие этноса. Время «этнографического иллюстративного воспроизведения» традиций в искусстве безвозвратно ушло. Еще ранее это продемонстрировало художественное направление «Джунгария» (1989), объединившее разные поколения национальных кадров и давшее впоследствии жизнеспособные побег в движении «культурного номадизма».

Возрожденческий пафос калмыцкого искусства принесла торжественная презентация галереи современного искусства «Алан-Гоа арт». Здесь была провозглашена программа «культурного номадизма» на новом уровне осмысления этнических тенденций. В произведениях живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства авторов, профессионально состоявшихся, была найдена своя интонация в диалоге с художественной традицией, уходящей в архаику общемонгольского культурного наследия. Последнее символично возродилось в церемонии открытия выставки горловым пением известного джангарчи В. Каруева. Сопричастность к истокам культуры рождала светлую приподнятую атмосферу праздника

искусства, одухотворенного древним мифом об Алан-Гоа Марал, легендарной прародительнице монгольских номадов.

Историческая судьба этноса, занесенного «солнечным ветром» с просторов Центральной Азии далеко на запад, явилась темой произведений С. Болдырева, Э. Сангаджиева, Н. Евсеевой и других авторов. Изобразительное искусство конца XX в. в циклическом завершении полувекового художественного процесса генерирует историческую память предков. Мифологическое сознание традиционной культуры, актуализированное в кризисных переходах истории социума, одухотворило творчество молодых художников.

Возвращение к традиции происходит в её опосредованном, новационном художественном процессе — «культурном номадизме». «Разговор с белым верблюдом» автора Д. Мошулдаева воспринимается символическим образом как диалог с культурной традицией. Картина, появляющаяся в конце XX в., во многом отражает современные тенденции искусства Калмыкии, цикличность его развития. В изображении автора традиционное как бы отодвинуто в прошлое, расплывающееся в тумане исторического времени. Тихая завораживающая гармония матовой фактуры серо-голубого колорита рождает умиротворенное состояние покоя. Так воспринимается композиция фигур мужчины, женщины и нагруженного скарбом верблюда, лежащего у кибитки. При всей обыденности темы быта в картине нет приземленности, изображение абстрагировано в лаконичной целостности его трактовки. Цвет живописи плотен, насыщен и в то же время лишен лобовой яркости, сумеречен. В «заторможенном» ритме обыденного, на первый взгляд, сюжета фиксируется ирреальное — разговор с верблюдом. Ментально обозначенное, оно проступает контуром сюжета, далекого от этнографической иллюстративности воспроизведения. Это глубоко личностное отношение к традиции, во многом интуитивное ее воспроизведение, трактуемое в призме европейской изобразительной культуры.

Вместе с тем точна обобщенная пластика формы, подчеркнутая традиционной символикой цвета, прочитываемой идеограммой этноса от красного верха головных уборов до синего дымохода «харач», белого войлока жилища и животного. Трудно найти в

калмыцком изобразительном искусстве конца XX в. более ёмкий художественный образ культурного наследия. В творческом его осмыслении личностное определяет характер соотношения традиции и инновации в изобразительном искусстве рубежа веков.

С течением времени многое уходит безвозвратно, но ментальность и историческая память, драгоценный дар предков, живет, прорастая побегами нового искусства на древе этнической художественной культуры. Религии, отринутой социалистической эпохой, духовности нового общества посвящает В. Ошланов произведение «Багши», появившееся в русле перестроечных явлений на постсоветском пространстве. Одно из значительных произведений калмыцкого искусства конца XX столетия: емкий образ священнослужителя в психологической разработке автора «держит» зрителя. Священнослужитель изображен на фоне легендарного Хошеутовского хурула. Композиция «Цам» запоминается экспрессией поз мифологических персонажей буддийского пантеона, подчеркнутых многослойным облачением и атрибутами. Экспрессивен и красочный слой полотна, создающий своеобразную ауру сакрального театрального действия. Более декоративны в просветленном колорите небольшие произведения «Пагода», классический для нашего искусства сюжет «Хурул в степи» и «Портрет Чингис-хана». Стиль изображения подчеркнут орнаментальной выразительностью колорита. В этом состоят особенности живописи художника, принимавшего активное участие в декоративном оформлении хурульного комплекса в Элисте.

Драматическая композиция «Опустевший хотон» В. Ошланова — сюжет, появившийся в переключке с известным в калмыцком изобразительном искусстве полотном О. Кикеева. Это не многословная иллюстрация тягот, выпавших на долю репрессированных калмыков. Просто изображено обезлюдевшее селение с полуразвалившимися домами, засыпанное песком вперемежку со снегом. Жуткое одиночество прочитывается в тоскливом завывании ветра, в пустых глазницах окон и распахнутых дверей оставленных жилищ. Отсутствие в пейзажной композиции людей преподносится автором конечным результатом трагедии разрушенного отчего дома.

В динамике его творчества линейный, несколько жесткий в экспрессивной выразительности реализм ранних произведений сменяется декоративной манерой исполнения. Такова его живопись в произведении «Тюльпаны», запоминающемся мажорной тональностью насыщенного колорита или тонко стилизацией образа — в полотнах «Верблюд», «Беркут», «Голова верблюда». Отсюда достаточно фантастичный ракурс изображения, необычного в трактовке обыденного, на первый взгляд, сюжета.

Новый этап возвращения к мифопоэтическим истокам культуры естественно вписывается в евразийское содержание искусства. Интуитивное в силу европейского профессионального образования осмысление культурного наследия наглядно демонстрирует искусство скульптуры. Возрожденческий пафос спроецирован в номадической тематике монументально-декоративной пластики Н. Евсеевой. Автор нашла свой выразительный язык в диалоге с традицией. Художественный процесс конца XX в. трудно представить без ее произведений, многомерно одухотворяющих направление «культурный номадизм» девяностых. Камертоном творческого потенциала автора, реализованного в произведениях 1990-х гг. и рубежа веков, воспринимается произведение «Степь» (собственность Государственной Третьяковской Галереи). Антропоморфный образ Природы целостно объемлет необозримое степное пространство, номадическую вселенную. Диалог мироздания и человека, их гармоничное единство образуют внутреннюю наполненность пластической формы. Композиция «Степь», лаконичная и компактная в объеме, органично «держит» воздушное пространство. Небесный купол объемлет лоно полулежащей фигуры, замыкая и обобщая собой земную сферу. В единстве неба и земли автором создан Космос, объединяемый в мифопоэтическом мировосприятии образом Человека.

Монументально-декоративная композиция «Эхо» Н. Евсеевой (архитектор Ю. Сангаджиев) воспринимается органичным продолжением творческих поисков в русле номадического движения. Произведение во многом является символом нового, т. е. неидеологизированного художественного облика столицы республики.

Традиционное мироощущение автора выражено аллегорией, отождествляющей творческую суть человека со струной музыкального инструмента. В свободной пластике обобщенной формы ощутима сдержанная многозначность содержания, воспринимаемая урбанизированным эхом номадической культуры.

Целостно найден аскетически строгий объем в продуманной нарочитости пропорций гипсовых моделей «Меркита» и «Летящего ламы», монументальной головы «Номада», композиции «В седле». С трепетным исполнением номадической темы органично сопряжена полновесная форма в точно найденном ракурсе состояния и движения бронзового «Борца сумо». В образной самодостаточности объема, его выверенных пропорциональных соотношений, ощущается сдержанное напряжение глубоко прочувствованной в сотворении формы. Метафизическая отстраненность пластики Н. Евсеевой, созданной на буддийскую и номадическую тему, являет собой этнический концепт современного искусства. В трактовке автора творчество реализуется в стилистическом обобщении формы, выводящем на новый в декоративной выразительности уровень бытия искусство реализма.

Лозунг «Назад к мифическим первоисточкам культуры» ясно прочитывается в сюжетной линии живописных произведений, формирующих стилеобразующее направление в искусстве Калмыкии рубежа 1980–1990-х гг. Созвучен магии мифа живописный строй произведений С. Болдырева, значимых в русле развития искусства 1990-х гг. Многообразны его произведения 90-х годов: «Студентка», «Ожидание», «Калмыцкая борьба», «1812 год», «Зеленая композиция», «Красная композиция». Импульсом к работе художника становятся факт биографии, случай из жизни, прочитанная книга, кинофильм... Затем начинается внутренний процесс, продолжающийся нередко долго. Вот он драматизм творческой деятельности, переживания, знакомые каждому настоящему художнику, постоянно ищущему в работе.

Новую реальность рождают мифопоэтические истоки видения автора в живописных композициях монументального звучания, несмотря на их сравнительно небольшие размеры. Художник мыслит

образами пластическими, соединяя их в живописи, выражающей метафорические особенности мышления. Так, в волне одухотворения материи возникает полотно «Цаган Сар. Обряд очищения». Думаем, именно здесь автором сотворяется вещьность цвета, теряющего зыбкость ирреальной монохромии в игре яркого и сочного колорита. Посвящение народной традиции родилось в процессе обретения живописи, свободно сопрягающей полихромии цветовой гаммы. Композиция, непростая в составляющих элементах, вместе с тем лишена загромождений формы, охватывается взглядом заинтересованного зрителя и прочитывается как символ традиционной культуры, каждый раз в испытаниях рождаемой художником и восстающей подобно птице Фениксу из пепла. Мощный творческий потенциал ощутим в монументальном живописном полотне, посвященном обрядовой стороне традиционной культуры народа.

По-иному воспринимается тематическая композиция «Легенда». При малых размерах полотно производит впечатление монументального. Это происходит, когда художник по наитию рождает структуру, гармонично выстроенную в тонко прочувствованных отношениях цвета и света, объема и формы. Тогда появляется новая реальность, имеющая истоки в мифе, реализуемые в поэтическом образном мышлении. «Легенда», тяготеющая к пластике рельефа, проступает лёгким «процарапанным» рисунком композиции, выплывающей из полумрака монохромного колорита. Манера, напоминающая наскальные композиции первобытной архаики древней Монголии, является стилистической основой ряда его произведений 1990-х гг. Тема выходит за грани бытоописания, синтезируя в образном обобщении поиски этнической идентичности С. Болдырева. Продолженные в произведении «1812 год», посвященном славной воинской истории калмыков, они достойно явили профессиональную зрелость автора. Его ассоциативное мышление получило полихромное воплощение в композиции, озвучивающей в живописи пафос победы калмыцких полков, принимавших активное участие в изгнании французов из России.

Мифопоэтический сюжет объединил лирическую мелодию живописи «Алан-Гоа» Ю. Хаджинова, эпическую тональность

произведени «Предание» Э. Сангаджиева и загадочную притягательность образа «Всадник» Ц. Адучиева. Профессиональное созревание последнего автора, растянувшееся на десятилетия советской эпохи, вылилось в появление значимых произведений на рубеже веков. Его творчество, отмеченное тонко моделированной системой отношений объема и полутонов цвета, дающей эффект мифической призрачности художественного образа, органично влилось струей в течение «культурного номадизма». Декларация этнического самосознания в противоречивых коллизиях постсоветского периода достаточно условна, если не сказать, размыта в произведениях художника «Повесть о женщине» и «В краю утренних жаворонков». Метафорично изображение как средство поэтизации художественного решения, притязающего на свое видение образа, отвлеченного от реального.

Мерцание цвета, трансформируемого в тональной разработке, перетекание одной формы в другую на пути ее усложнения в вибрирующую гармонию живописи рождает новую реальность в композиции «Похищение детства». Автор мыслит образами, европейскими, объединяя их в ассоциативном мировосприятии. Оно дает свободу домысливания зрителю, принимающему эстафету мифологической метафоры. Фантастично пространство «Идола» из живописной серии «Земные идола» (2000) с изображением обтекаемого тела неведомого существа. Оно вневременно, не связано с конкретной реальностью, вместе с тем многозначность образа заставляет сопрягать ассоциации, вполне земные. Вплетаемые в образную структуру живописи, они связывают воедино представления и мысли воспринимающего в целостную картину мира.

Произведения Э. Сангаджиева, одного из идеологов «культурного номадизма», во многом определили культурный уровень нового течения, представленного всеми видами изобразительного искусства Калмыкии. Интересно отметить, что Э. Сангаджиев, так же, как и С. Болдырев — активный участник выставок авангардистов в 1990-е гг.: экспериментальной молодежной «Оттепель» (1989–1990), современного искусства «Отражение», групповой калмыцких художников (1991), современного искусства «ВСЕ»

(1991); выставки «Культурный номадизм» (1993). После официального провозглашения манифеста «номадов» Э. Сангаджиев и С. Болдырев продолжают принимать участие в выставке членов Клуба авангардистов «YES», наглядно демонстрируя творческую свободу современного калмыцкого художника.

На персональной выставке Э. Сангаджиева (Элиста, 1993) были представлены произведения живописи: «Мечты об Индии», «По Джангару», «Восточный мотив», «Эльташка», «Материнство», созданные в 1991 г. Впоследствии появляются исторические композиции «Аюка-хан», «Юный Зая-пандита», «Забывтые фрески». Органично используя прием живописного коллажа в создании художественного образа, автор формулирует творчество как откровение и вдохновение. Автор вырабатывает свой стиль в произведениях второй половины 1990-х гг.: «Окн Тенгр», «Повелитель». В сюжетной характеристике это участие калмыков в Отечественной войне 1812 г., буддийские фрески Центральной Азии, легендарная личность Чингис-хана. В органичном сопряжении с динамикой развития калмыцкой живописи рубежа веков воспринимается живопись Э. Сангаджиева: яркая, красочная и декоративная, имеющая индивидуальное выражение, заряженная оптимистическим восприятием мира. Личность художника, деятельно осмысливающего бытие в обращении к калмыцкой истории и современности, находит свою интонацию в воплощении того или иного сюжета, будь это пейзаж, тематическая композиция или портрет. Они монументально значимы в художественном решении четко очерченного образа. Это не этнографическое воспроизведение самобытной культуры народа, в произведениях он вкладывает свое мироощущение, что вызывает соответствующий отклик у зрителя. В творческой деятельности нового поколения авторов, пришедших в калмыцкое искусство на рубеже веков, по-своему сотворена история культуры народа.

Поток заимствуемых традиций выступает инновационной средой авторской интерпретации наследия. Оно питается этническим самосознанием творческой личности, активизируемым в критических ситуациях бытия социума. Доминантами процесса выступают взаимообусловленные нравственно-этические и фольклорные ос-

новы этнического мировидения, интенсивно размываемые в эпоху глобализации.

Своеобразная «эпохальная» эклектика заставляет задуматься о возможности в будущем потери этнического выражения искусства. Оно нестойко, размыто, изменчиво, и «если самое важное в мире совершается на переходе, на границе, там, где проходит межа, где пролегает пространство «между», то своеобразной особенностью искусства XX в. является уничтожение границ между видами и жанрами искусства» [Батракова 2002: 56, 65–68]. Ассоциативная многомерность видения художника в интерпретации разных традиций сопровождается компромиссом дальнейшего развития искусства. Показательно в этом отношении творчество живописца Ю. Хаджинова, входящего тонко звучащей лирической мелодией в общий лейтмотив произведений «культурного номадизма». Его полотна «Алан-Гоа», «Йиртмж» и пейзажные работы автора, очень разные в передаче состоянии природы, наполнены солнечным светом или показаны в туманной дымке. Манера исполнения сюжетов напоминает изыски наложения красочного слоя постимпрессионистов, реализованные в трепетной живописной плоти работ.

Художественная импровизация объединяет противоречия бытия в стилистической целостности отображения цветом, линией и формой. В них заключена суть жизни, сопереживаемой художником. Намеком даются реальные очертания формы, приобретающей в игре воображения исходное начало дальнейшего сотворения. И рождается образ, вызывающий у зрителя спектр ассоциаций, возможных лишь в цветном сне. Зыбок и сложен окружающий нас мир, рождающий размышления о противоречиях и бренности жизни, многогранной в радости и драматизме человеческого существования. Мифопоэтические мотивы живописи Ю. Хаджинова («Заясн заян», «Закат») имеют свое затаенное образное начало. В диалоге с окружающим миром родилась его творческая индивидуальность, самобытно спроецированная в пространстве изображения. Его образы, перейдя зыбкую грань личностного мировосприятия, обрели зримую живописную плоть произведений, отмеченных печатью тонкого мироощущения. Есть в них едва уловимое мерцание цвета,

идущее изнутри формы, бережно трансформируемой в тональной разработке цвета, прорывающего глухоту монохромного колорита. Глубоко прочувствовано им перетекание одной формы в другую на пути ее усложнения в вибрирующую гармонию живописи. Живописное выражение мифа рождает синтез мысли и чувства в созданном художественном образе.

Мифопоэтическая недосказанность изображения дает свободу домысливания зрителем. Именно это обуславливает ирреальный ключ изображения, замысел которого находит отклик у зрителя, как правило, подготовленного и свободно принимающего эстафету мифологической метафоры. Закономерно появление многочисленных импровизаций в произведениях молодых живописцев и графиков Д. Васькиной, Г. Нуровой, А. Цатхланова, прикладника Е. Манжеевой, создающих свою реальность в прочувствованной тяжести трудов и радости творческого прозрения. Их трудно представить вне живописи Ц. Адучиева, В. Монтышева, В. Ургадулова, скульптурных образов В. Васькина, Н. Эледжиева, С. Ботиева. И те, и другие питают свобода сотворения образа, жизнеспособного в передаче сложного, воспринимаемого в ассоциациях мира автора. Им обусловлен интерес зрителя, пытающегося прочесть произведение: его многозначность заставляет думать, сопрягая ассоциации, вполне земные для каждого из нас. Они вплетаются в образную структуру произведения, связывая воедино представления, мысли и элементы реальности, иногда не сразу воспринимаемые. Это плод размышлений художника о смысле бытия, его противоречиях, бренности жизни, многогранной в радости и драматизме человеческого существования.

Традиционный компонент мировидения в меняющихся социокультурных параметрах бытия этноса прослеживается в мотивах, сюжетах, структуре и символике произведений искусства, реализуемых в фольклорных и буддийских мотивах произведений. Сутью фольклора, народного творчества в его этноинтегрирующей функции, воздействующей на профессиональные формы художественной культуры, сопряженные с религией и изобразительным искусством, понимается традиция [Щедрина 1987: 45]. Обновление художественного процесса влечет качественное его изменение на

волне демократических перемен в стране и республике. Открытость внешним культурным влияниям и в то же время ориентация на традиционные истоки искусства синтезированы в творчестве. Движение «культурного номадизма» на новой волне культурного возрождения несет с собой не воспроизведение былых традиционных форм калмыцкого искусства, и это закономерно. В поступательном развитии культуры переосмысливается этническое наследие, претворяемое в новых формах художественного бытия. Объединяющим началом в творчестве остается историческая память, восстанавливающая на новом уровне развития искусства прошлое, настоящее и будущее культуры.

Переосмысление исторического наследия народа сопровождается свободой правомочного обращения к достоянию мировой культуры. Концептуальное направление «Культурный номадизм» в искусстве рубежа веков, рожденное этническим самосознанием личности, несло системную целостность мира, выражаемую в творчестве молодых. Традиционное начало культурного процесса, трансформируемое на новой почве бытия этноса, определяет «локальное» выражение изобразительного искусства Калмыкии конца XX в.

Обозревая 1990-е гг. XX столетия, отметим противоречивую суть взаимодействия традиций в культуре. Характерной особенностью периода являются взаимовлияния, сближение и отторжение традиций, в конечном итоге приводящие к синтезу, у каждого автора на своем уровне творческой реализации. Явление этнизации культуры наблюдается в процессе осмысления наследия в постранственно-временном измерении мифа, одухотворяющем поиски художников в видовом и жанровом многообразии изобразительного искусства. Обозначенные в анализе тенденции калмыцкого искусства характеризуют поиски этнической идентичности авторов.

В кардинальном повороте от идеологии соцреализма к демократизации художественной культуры перестроечного периода формируется новый взгляд на историю культуры народа, уводящий за пределы недавней советской действительности. Идеи космополитизма, открытости миру и готовности к культурному диалогу в творчестве знаково расширили пространство бытия искусства Калмыкии рубежа 1980–1990-х гг. XX в.

Литература

Батракова С. П. Искусство и миф: из истории живописи XX века. М.: Искусство, 2002. 215 с., ил.

Батырева С. Г. Изобразительное искусство Калмыкии XX века (1957–2000 гг.). Элиста: КИГИ РАН, 2014. 226 с.

Щедрина Г. К. Искусство как этнокультурное явление // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. С. 41–47.

References

Batrakova S. P. Art and Myth: from the History of the 20th Century Painting. Moscow: Iskusstvo, 2002. 215 p. (In Russ.)

Batyreva S. G. Fine Art of Kalmykia of the 20th century (1957–2000). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2014. 226 p. (In Russ.)

Shchedrina G. K. Art as Ethnocultural Phenomenon. In: Art in the System of Culture. M. S. Kagan (comp., ed.). Leningrad: Nauka, 1987. Pp. 41–47. (In Russ.)

УДК 811.512.37

Синтагматика имен прилагательных *өндр* ‘высокий’ и *гүн* ‘глубокий’*

Syntagmatics of the Adjectives *Önder* ‘Tall’ and *Gün* ‘Deep’

*С. Е. Бачаева (S. Bachaeva)*¹,

*Н. М. Мулаева (N. Mulaeva)*²

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: basaeg@mail.ru.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: basaeg@mail.ru.

² кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: mulaevanm@kigiran.com.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: mulaevanm@kigiran.com.

Аннотация. В статье исследуется синтагматика имен прилагательных *өндр* ‘высокий’, *гүн* ‘глубокий’ по материалам Национального корпуса калмыцкого языка. Прилагательные *өндр* и *гүн* семантически близки, но измерение объекта происходит по-разному. *Өндр* сочетается со словами, обозначающими вертикальные стержни (колонны), вытянутые предметы, опоры, но по сравнению с *гүн* не может сочетаться с существительными, характеризующими вещества (снег, вода), емкости постоянной формы: можно сказать *гүн тэрлк* ‘глубокая тарелка’, но нельзя сказать *өндр тэрлк* ‘высокая тарелка’; *гүн цасн* ‘глубокий снег’, но не *өндр цасн* ‘высокий снег’.

Ключевые слова: Национальный корпус калмыцкого языка, прилагательные, сочетаемость, синтагматика, коллокации.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта № 16-14-08005.

Abstract. With evidence from the Kalmyk National Corpus, the article explores the syntagmatics of the adjectives *önder* ‘tall’ and *gün* ‘deep’. The adjectives *önder* and *gün* are semantically close but measurements of an object are performed differently. *Önder* collocates with words denoting vertical stems (pillars), stretched objects, stilts and, unlike *gün*, cannot collocate with nouns characterizing substances (snow, water), permanent containers: one can say *gün tärlk* ‘deep plate’ but one cannot say *önder tärlk* ‘high plate’; *gün tsasn* ‘deep snow’ but not *önder tsasn* ‘high snow’.

Keywords: Kalmyk National Corpus, adjectives, co-occurrence, syntagmatics, collocations.

Введение

В настоящее время назрела настоятельная необходимость теоретического осмысления общих и частных вопросов, связанных с изучением лексической сочетаемости, что позволит по-новому интерпретировать лексические единицы. В проблеме сочетаемости можно выявить лексикографический, лингвокультурный, лексический аспекты.

В ходе выполнения научного проекта, поддержанного РГНФ, проводится исследование сочетаемостных свойств слова в калмыцком языкознании; сочетаемость прилагательных изучается нами комплексно в русле последних современных тенденций с использованием компьютерных технологий¹. Предлагаемое исследование несомненно расширит, углубит научные представления об особенностях употребления имен прилагательных. Впервые для изучения лексических единиц в калмыцком языке используется метод экспериментального изучения и статистический анализ. Данное исследование вносит определенный вклад в лексикологию калмыцкого языка, поскольку взят за основу новый квантитативный подход, ранее редко используемый в теории сочетаемости. Работа станет первым в калмыцком языкознании интегративным описанием лингвоквантитативных особенностей сочетаемости прилагательных. Отдельным аспектом использования результатов исследования может стать их применение в автоматической

¹ При выполнении работы использовались специализированные лексикографические программы TextAnalyzer [см. подробно: Куканова 2016: 8–11].

обработке текстов на калмыцком языке, в снятии лексико-грамматической омонимии.

С началом развития корпусной лингвистики в России стали активно развиваться семантические ресурсы языка. Актуальность данного исследования состоит в необходимости изучения на материале калмыцкого языка синтагматических отношений, их описания и систематизирования. Сочетаемость слов определяется их предметно-смысловыми связями, грамматическими свойствами, лексическими особенностями. Актуальность проекта продиктована недостаточной изученностью вопросов системных отношений прилагательных, определении семантических особенностей прилагательных, закономерностей организации лексико-семантических групп и их специфических черт в калмыцком языке. На базе проведенного исследования могут быть созданы словарные дефиниции, которые наиболее точно и полно воспроизведут объект описания, т. е. лексико-семантическую структуру прилагательных, которые могут служить указателем правильного использования этих слов в речи. Выявление закономерностей сочетаемости и изучение лексического значения прилагательных позволит прогнозировать сочетаемость слов в речи, т. е. предсказать возможность или невозможность появления определенной лексической единицы в данных лексико-синтаксических позициях.

Проблема сочетаемости лексических единиц заключается в выявлении синтагматических свойств слова, что имеет важное значение наряду с парадигматическим описанием лексики. Исследование сочетаемостных свойств слов в контексте в речевом потоке эксплицирует связи слов между словами, определяет характер этой связи и т. д.

Е. В. Рахилина пишет, что идея сочетаемости, как известно, имела в лингвистической теории сложную судьбу, и отношение лингвистов к этому понятию (в частности, готовность считать его релевантным для описания смысла слов) существенно менялось. Ведь даже сам термин «сочетаемость» предполагает, что это свойство языковой единицы никак не связано с его значением: отдельно существует языковая единица с ее означаемым и означающим — и отдельно существует способность этой языковой единицы взаимодействовать с тем или иным контекстом.

Главное свойство описания размеров объектов в русском языке — то, что она независима от других языковых систем. Носитель языка не может охарактеризовать произвольный объект тем или иным образом в отношении его размеров: эта процедура станет осуществимой только после того, как этот объект будет описан с других точек зрения, должна быть достаточно детально определена его форма и в некоторых случаях положение в пространстве [Рахилина 2008: 10; 110–120].

Целью данной работы является сравнение синтагматики имен прилагательных *өндр* ‘высокий’ и *гүн* ‘глубокий’ на материале Национального корпуса калмыцкого языка.

История вопроса

Большой вклад в разработку и обоснование положения о системности языка внесли известные ученые В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, А. А. Реформатский, А. И. Смирницкий, И. В. Арнольд, А. А. Уфимцева, Н. Ю. Шведова. С середины 1980-х гг. в мире широко развивается теория Грамматики конструкций Ч. Филлмора, согласно которой, язык состоит из конструкций. Е. В. Рахилина считает, что Ч. Филлмор предложил концепцию практически универсального лингвистического инструмента, который пригодится и при построении грамматик, и при составлении словарей, и в типологии, и при обучении иностранному языку, и при работе с детской речью, и в прикладных разработках, связанных с автоматическим анализом текста. За ним стоят совершенно ясные теоретические постулаты и представления о языке, и он имеет немало последователей-теоретиков [Рахилина 2008: 386–387].

Проблема сочетаемости лексических единиц описана с позиций разнородных направлений, методов и парадигм исследования языка в многочисленных работах отечественных лингвистов: Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, И. А. Мельчук, В. В. Морковкин, А. М. Пешковский, А. А. Потемня, Е. В. Рахилина и мн. др. В калмыцком языкознании достаточно широко изучена лексика и терминология: животноводческая (Э. Ч. Бардаев), безэквивалентная (Л. Б. Олядыкова), музыкальная (Б. Х. Борлыкова), общественно-политическая (С. Е. Бачаева) и др. но, к сожалению, монографических работ, посвященных проблемам

синтагматики имени прилагательного, в частности, и, в целом, различных частей речи, нет. Данная тема рассмотрена в статьях С. Е. Бачаевой [2015; 2016], Н. М. Мулаевой [2016].

Основная часть

По мнению Е. В. Рахилиной, с некоторой долей условности можно принять, что, измеряя величину объекта (т. е. в конечном счете, определяя, большой он или маленький), мы характеризуем объект в отношении его длины, ширины, высоты, толщины и глубины. В принципе, каждый из перечисленных параметров имеет два значения: «большой» (по высоте, глубине, толщине и т. п.) и «маленький». Этим значениям соответствуют пары типа высокий ~ низкий, глубокий ~ мелкий и др. [Рахилина 2010: 118].

Өндр 'высокий' характеризует вытянутые предметы, значительно превышающие нормальную длину, имеющие большую высоту, большое протяжение снизу вверх или далеко расположенные в таком направлении, удаленный в верх по отвесу, длинный или пространственный в отвесном направлении, превосходящий обычную, среднюю высоту, свойственную предмету, или высоту окружающих предметов, *противоп.* низкий: *өндр дoльгaн* 'высокая волна', *өндр маңна* 'высокий лоб'. В большинстве случаев *өндр* сочетается со словами обозначающими строения, сооружения, помещения: *өндр бэдиш* 'высокий дворец', *өндр өргэ* 'высокая юрта', *өндр гер* 'высокий дом'; вертикальные стержни (колонны), возвышенности: *өндр модн* 'высокое дерево', *өндр уул* 'высокие горы', *өндр толһа* 'высокий склон'.

Методом сплошной выборки из Национального корпуса калмыцкого языка (<http://kalmcsorgo.ru/>) были выделены словосочетания с прилагательным *өндр*, обладающие достаточно высокой частотностью употребления. Наиболее частотными являются сочетания с существительными, обозначающими человека и части его тела: *өндр өвгн* 'высокий старик', *өндр салдс* 'высокий солдат', *өндр залу* 'высокий мужчина', *өндр кууки* 'высокая девочка', *өндр нурһта* 'высокий, рослый досл. с высокой спиной', *өндр цоги* 'высокого роста' (букв. 'высокое тело'), *өндр керсц* 'высокая грудь'. Низкой частотностью являются сочетания, относящиеся к одежде:

өндр захта киилг ‘рубашка с высоким воротом’, *өндр давхрста туфль* ‘туфли на высоком каблуке’.

По мнению Е. В. Рахилиной, прилагательные *высокий* — *глубокий* с некоторой точки зрения семантически очень близки: одно из них обозначает большие (больше нормы) размеры внешней вертикальной поверхности объекта, другое — большие (также больше нормы) размеры его внутренней поверхности, но в том случае, если этот объект — емкость. Тем самым, если емкость имеет еще и некоторую, сравнимую с внутренней, наружную поверхность, *высокий* и *глубокий* измеряют почти одно и то же, но с разных сторон: извне и изнутри, так что *глубокий* контейнер будет, в нормальной ситуации, а также и *высоким* [Рахилина 2008: 115].

Остановимся на слове *гун* ‘глубокий’ — имеющий большую глубину, находящийся на большой глубине. Как пишет С. Ю. Семенова, у глубины выделяют два значения: 1) расстояние от поверхности до дна некоторой емкости вертикально вниз, например глубина траншеи; 2) расстояние от опорной поверхности до некоторой точки внутри некоторой среды: глубина ниши [Семенова 2000: 117].

В калмыцком языке в большинстве случаев *гун* сочетается со словами, обозначающими водоемы, какие-либо отверстия, дно которых находится очень далеко от поверхности: *гун худг* ‘глубокий колодец’, *гун хол* ‘глубокая река’, *гун сала* ‘глубокая балка’, *гун дала* ‘глубокий океан’, *гун теңгс* ‘глубокое море’; глубокими могут быть шрамы, царапины, морщины: *гун хурнясн* ‘глубокие морщины’, *гун хотхр* ‘глубокая лощина’, *гун хавтх* ‘глубокий карман’, *гун нүкн* ‘глубокая яма’.

Глубокий характеризует только те вещества, которые человек «измеряет» в очень естественной жизненной ситуации стандартным для самого прилагательного способом, — погружая и вынимая ноги при ходьбе: *глубокий снег, песок*, но *глубокие камни* — даже в мелкие камушки, которые могут образовывать слои, нога не проваливается на расстояние, достаточное, чтобы «измерить» толщину слоя до дна; по той же причине сомнительно сочетание *глубокая пыль* [Рахилина 2008: 132]. В ходе обработки материала в калмыцком языке также были найдены только сочетания *гун цасн* ‘глубокий снег’, *гун элсн* ‘глубокий песок’.

Гун характеризует мебель, предметы, вещи, которые по сравнению с такими же предметами имеют большую глубину: *гун кресл* ‘глубокое кресло’, т. е. подразумевая, пространство предназначенное для сидения намного больше, чем у других кресел, но нельзя сказать *гун терз* ‘глубокое окно’, *гун үүдн* ‘глубокая дверь’. Прилагательное *гун* часто встречается в сочетании со словами, называющими части тела: *гун нүдн* ‘глубокие глаза’, *гун хар нүдн* ‘глубокие черные глаза’, *нүднэ гун йорал* ‘глубокое глазное дно’.

Хотелось бы отметить, что *гун* часто характеризует сильные чувства, эмоции, переживания, мысли, идеи человека: *гун ухан* ‘глубокие мысли’, *гун тоолвр* ‘глубокие размышления’, *гун медрл* ‘глубокие знания’ и т. д.

Заключение

Из приведенных примеров видно, что хотя *өндр* и *гун* семантически близки, но измерение объекта происходит по-разному. *Өндр* сочетается со словами, обозначающими вертикальные стержни (колонны), вытянутые предметы, опоры, но по сравнению с *гун* не может сочетаться с существительными, характеризующими вещества (снег, вода), емкости постоянной формы: можно сказать *гун тэрлк* ‘глубокая тарелка’, но нельзя сказать *өндр тэрлк* ‘высокая тарелка’; *гун цасн* ‘глубокий снег’, но не *өндр цасн* ‘высокий снег’.

Источники

Национальный корпус калмыцкого языка // URL: <http://kalmcorpora.ru/> (дата обращения: 15.11.2016).

Sources

The National Corpus of the Kalmyk Language. Available at: <http://kalmcorpora.ru/> (accessed: 15 November 2016). (In Kalm.)

Литература

Бачаева С. Е. Лексическая сочетаемость имен прилагательных, обозначающих размер и величину (на материале песен эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка) // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 103–115.

Бачаева С. Е. Сочетаемость имен прилагательных, обозначающих большой размер пространственной протяженности (на материале

калмыцкого языка) // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 182–183.

Куканова В. В. Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: принципы и проблемы составления словарных статей // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования». Мат-лы III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 7–12.

Мулаева Н. М. Синтагматика имен прилагательных *təgrg* ‘круглый’, *utulñ* ‘овальный’ // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 207–209.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Изд. 2. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 448 с.

Семенова С. Ю. О некоторых свойствах имен пространственных параметров // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Логос, 2000. С. 115–125.

References

Bachaeva S. E. Lexical Compatibility of Adjective Indicating the Size and Magnitude (on the Material of Songs of the Epos “Dzhangar” and the National Corpus of the Kalmyk Language). In: Actual Problems of Modern Mongolian Study. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2015. Pp. 103–115. (In Russ.)

Bachaeva S. E. Combinability of Adjectives Denoting the Large Size of Spatial Extent (on the Material of the Kalmyk Language). In: Humanities of the South of Russia: International and Regional Interaction. Conf. proc., devoted to the 75th anniversary of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS (Elista, 14–15 September 2016). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2016. Pp. 182–183. (In Russ.)

Kukanova V. V. The Explanatory Dictionary of the Language of Kalmyk Heroic Epos “Dzhangar”: Principles and Problems of Completing Dictionary Entries. In: “Dzhangar” and Epic Traditions of Turkic-Mongolian Peoples: Problems of Preservation and Research. Conf. proc., dedicated to the 75th anniversary of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS (Elista, 15–16 September 2016). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2016. Pp. 7–12. (In Russ.)

Mulaeva N. M. Syntagmatics of Adjectives *təgrg* ‘round’, *utulñ* ‘oval’. In: Humanities of the South of Russia: International and Regional Interaction. Conf. proc., devoted to the 75th anniversary of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS (Elista, 14–15 September 2016). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2016. Pp. 207–209. (In Russ.)

Rakhilina E. V. Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Compatibility. Moscow: Russkie slovari, 2008. 416 p. (In Russ.)

Rakhilina E. V. Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Combinability. 2nd ed. Moscow: Azbukovnik, 2010. 448 p. (In Russ.)

Semenova S. Yu. Concerning some Properties of Names of Spatial Parameters. In: Logical Analysis of Language. Languages of Spaces. Moscow: Logos, 2000. Pp. 115–125. (In Russ.)

Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: дефиниции названий небесных светил

The Definition Dictionary of the Language of the Kalmyk Heroic Epic of Jangar: Definitions of Names of Celestial Bodies
С. Е. Бачаева (S. Bachaeva)¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: basaeg@mail.ru.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: basaeg@mail.ru.

Аннотация. В данной статье рассматриваются названия небесных светил в калмыцком героическом эпосе «Джангар». Их исследованию посвящены различные работы в основном этнографического характера. Данные дефиниции в текстах эпоса часто употребляются в сравнениях, некоторые в именах собственных, что свидетельствует о их значимости в культуре калмыцкого этноса. Проведенное исследование позволяет сделать выводы, что наименования небесных светил составляют небольшой по количеству пласт лексики эпоса «Джангар», но играют важную роль в языке эпического текста и отражают их мировосприятие, традиционное мировоззрение, быт, хозяйственную деятельность.

Ключевые слова: калмыцкий язык, корпус текстов эпоса «Джангар», толковый словарь, небесные светила, дефиниции.

Abstract. The article examines the names of celestial bodies in the Kalmyk heroic epic of Jangar. Those have been explored in a number of mainly ethnographic works. Within the texts of the epic, the definitions are often used in comparisons, some of them in proper names, which signifies its importance for Kalmyk national culture. The conducted research allows to conclude that the names of celestial bodies constitute a lexical layer which is not that rich but plays an important role in the language of the epic text and reflects the ethnic world perception, traditional mindset, everyday life, household and economic activities.

Keywords: Kalmyk language, corpus of Jangar epic texts, definition dictionary, celestial bodies, definitions.

Введение

Эпос «Джангар» одно из уникальных произведений калмыцкого народного творчества, песни которого послужили материалом для создания Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» и работа над которым в настоящее время продолжается в Калмыцком научном центре РАН [Бачаева 2015; Мулаева 2015].

Жизнь и деятельность человека неразделимы от природы, которая оказывает огромное влияние на материальную и духовную культуру. В течении многих веков люди приобретали знания о природе, о его небесной сфере. Исследования, посвященные описанию небесной сферы, природных явлений, вызывают несомненный интерес у лингвистов, этнологов, фольклористов. Огромное внимание предков калмыков — ойратов — уделялось небу и всему, что с ним связано, так как только благодаря представлению об окружающем человека пространстве можно было ориентироваться в бескрайней степи. Небесные светила играли огромную роль в жизни кочевников, благодаря расположению днем солнца, ночью звезд, луны они безошибочно ориентировались в пути, во времени, различали стороны света. Ориентируясь по расположению звезд, солнца, луны, наблюдая за природными явлениями (ветром, облаками, дождем и т. д.), за различными признаками природы, времен года, месяцев, дней калмыки могли предсказать, каким будет предстоящий день, неделя.

Целью данной работы является апробирование ряда словарных статей¹ лексико-семантической группы, обозначающей наименования небесных светил, которые вошли в словник Толкового словаря.

История вопроса

Немало внимания ученых уделялось космонамам, названиям планет и созвездий, существующих у различных народов: в монгольском языке — Э. У. Омакаева [1994; Омакаева и др. 1997], в бурятском языке — Д. Д. Дондукова [2003] и многие другие.

---

¹ При составлении словарных статей дефиниций наименования небесных светил, представленных в эпосе «Джангар», использовались: «Опыт лингвистического исследования эпоса „Джангар“» [Тодаева 1976], «Русско-калмыцкий словарь» [РКС 1964], «Калмыцко-русский словарь» [КРС 1977], «Эпос „Джангар“: культура и язык (Жаңһр дуулвр: сойл болн келн)» [Пюрбеев 2015].

В диссертационной работе «Калмыцкие народные легенды и предания» Д. Э. Басаева подробно рассмотрены космогонические сюжеты, в которых ярко отражено стремление человека познать природу, раскрыть ее тайны [Басаев 2009]. Э. П. Бакаева отмечает, что в целом поклонение небесным объектам у калмыков определено общемонгольскими представлениями о мире и светилах [2006: 30]. Как считают В. А. Бурнаков и Д. Ц. Цыденова, космонимы ярко характеризуют мировидение народа. Расположение звезд на небе воплощает собой символическую сцену, своеобразную иллюстрацию к тому или иному мифу. Все названия космических объектов отображали традиционный образ жизни, занятия, предметы быта, культуры и ценности народа¹ [Бурнаков, Цыденова 2012: 277].

Как пишет Э. У. Омакаева, калмыкам были известны такие планеты, как Марс (*Улан нүдн* ‘красный глаз’), Меркурий ‘*Улмжэ*’, Юпитер ‘*Пурвэ*’, Сатурн ‘*Бембэ*’. У калмыков существовал культ созвездия Большой Медведицы (*Долан бурхн* ‘семь богов’), считавшегося показателем счастливой судьбы. Надежным ориентиром во времени служили Плеяды (*Мөчд*). Появление Плеяд на небе связывали с наступлением холодов, а их исчезновение — с теплом. Калмыцкие предсказатели погоды обращали внимание на положение Луны и Плеяд во время таких сближений и на основе этого делали метеорологические предсказания на будущее. Существовала примета: если Плеяды ярко светят, то будет мороз [Омакаева 2010: 302].

Д. Э. Басаев считает, что калмыцкие космонимы (названия звезд и созвездий) отражают мотивы общемонгольской астральной мифологии. Например, в названии Полярной звезды — *Алтн хасн* (Золотой кол) — отражено древнее представление о неподвижном

---

¹ По мнению В. А. Бурнакова, Д. Ц. Цыденовой, традиционные астрономические знания были обусловлены самой системой жизнеобеспечения людей. Это, главным образом, определялось необходимостью ориентации по небесным светилам в пространстве и времени, в координации хозяйственной и иной деятельности. Так, при перекочевках требовались навыки ориентирования по «небесной карте». Многовековые наблюдения за природой способствовали накоплению и формированию традиционных знаний не только об окружающем человека, но и о космическом пространстве. Глядя на небо, прогнозировали погоду [Бурнакова, Цыденовой 2012: 271].

центре неба, вокруг которого происходит круговращение Вселенной. Венера именуется *Цолвң* или *Цолмн* (у монголов — *Цолмон*, у бурят — *Солбон*), выступает в калмыцкой мифологии в ипостаси утренней звезды. Согласно древним верованиям, перемещения созвездия *Мичит* на небесном своде вызывают на земле холод и жару, недомогания у людей и животных, различные неприятности [Басаев 2008: 155–156].

Основная часть

В эпосе «Джангар»¹ не так много дефиниций названий небесных светил (имеющиеся же обладают большой частотностью), связано это, скорее всего, с их уникальностью, архаичностью, бытованием среди простого народа, передававшего их из уст в уста.

Как пишет Д. Д. Дондукова, в бурятском языке существуют два слова для обозначения понятия «небо»: *тэнгэри* и *огторгой*. Однако *тэнгэри* имеет более абстрактное значение, представляет собой стихийные природные силы и является обителью божеств, а *огторгой* — это небесный свод, пространство между небом и землей. Оба термина относятся к общемонгольским (ср. х.-монг. *тэнгэр*, калм. *теңер*, стп.-монг. *tengri*, шэн.-бур. *idrjgir*, дархат. *гээр*, ордос. элют. синьзян., ойрат. ж.-уйг. *terjger*, монгол. *tdnger*, х.-монг. *огторгун*, калм. *ohmphy*, стп.-монг. *oytaryuu хох хоууу ogtorgus*, баарин. *ogtorgs*). Слово *тэнгэри* и его различные соответствия и параллели привлекают к себе внимание исследователей как своей специфической семантикой (обозначает не только небо, но и божество), так и широкой распространенностью [Дондукова 2003: 26].

В эпосе «Джангар» употребляются два понятия *теңер* и *ohmphy*. В «Калмыцко-русском словаре» *ohmphy* имеет два значения: 1) небо,

---

¹ Как известно, в толковых словарях могут приводиться этимологические, исторические и другие сведения, даваться полное описание лексики либо только определенной ее части, объясняться значение слова или различные его значения, если их несколько, снабжаться примерами. В процессе работы по созданию Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» составителями было решено: в словник включать все слова (кроме имен собственных), давать полные толкования, основными принципами которых являются стандартность и доступность.

небосвод; *оһтһу* *одн кедү олн болв чигн, нарн сар мет герл уга* ‘хотя на небе много звезд, но они не светят, как солнце и луна’; 2) гром [КРС 1977: 392–393]. Анализируя примеры употребления данной лексической единицы в тексте, выявлено, что *оһтһу* имеет только первое значение, в большинстве случаев встречается в таких сочетаниях: *оһтһуд хадад* ‘клубится до небес, поднимается вверх’, *оһтһу һазр хойр* ‘небо и земля’, *оһтһуд күрх* ‘добраться до небес’.

Приведем словарную статью данной лексической единицы.

ОҺТҺУ |оxtʰɣu| б. н.

цуг талас делгэтэ, һазрас үзгддг теңгрин ора; теңгр¹

- **Оһтһу** *һазр хойр догдлад*, / *Орн алтн делкэ / Манр ик харңһу болад одв* [БЦ: I].
- *Генткн һал үдин алднд хэлэн гихнь* — / *Һанц ик тоосн*, / **Оһтһуд** *хадад, аашна* [ЭО: VIII].
- *Эн шорин үзүрэс / Һурвн ацта ширмн һалнь* / **Оһтһуд** *күрэд, урһад, шатад бээнэл* [ЭО: IV].
- «*Тер одв!*» *гих дууһар / Алтн Чееж / Агсг Уланан тохулад*, / *Елдңгүдин һорвн миңһн бийэр / Елдң богд дундан / Цаһа бәрхэр шигэд мордв, / Арц Зандн һолан үрүдэд мордв, / Эср улан тоосан* / **Оһтһуд** *хадад, жиңнв* [МД: II].

Термин *теңгр* в «Калмыцко-русском словаре» имеет два значения: 1) небо, небеса; *көк теңгр* ‘голубое небо’; *теңгр бүркэдв* ‘небо покрылось (заволоклось) облаками’; 2) погода; *теңгр киитржэнэ* ‘холодает’ [КРС 1977: 493]. В эпосе, кроме первого значения, оно имеет и другое значение, означая небожителей, населяющих небо, страну *тенгриев*, а также употребляется с именами собственными, являясь постоянным эпитетом.

ТЕҢГР |teŋgʷr|

б. н.

1) һазрин көрсэнэс үзгджэх аһарин ик ора, оһтһу; һазр гидг үгин зөрүд чинр²

¹ Открытое со всех сторон, видимое с земли: небесный купол, свод; небо.

² Видимое над поверхностью земли воздушное пространство, небосвод, антоним слову «земля».

▪ *Шиирин дөрвн далаг / Гатли цокад орксн / Алтн бахнсин толһала / Нег юм харһулл уга, / Теңгр назр хойрин шавилһнд / Урһсн һурвн һалвр зандн модни бичрлэ / Нег юм харһулл уга, / Дундан модн заагтнь / Су-уегсн шар торһан / Товиур улан келинь / Аман аңһлзх заагтнь / Бийднь медүлл уга, / Ам хамртнь / Нег гем һарһл уга тээрэд, / Хан Жаңһрин һар деер / Авч ирэд тэвхлэнь, / Эмтәһән өсрэд унад бээвл [БМ: I].*

▪ *Нарн орх үзгүр / Теңгрин / Орхһр цаһан үүллэ / Нәрхн хар тоосн худхлдад, / Һарад, йовад одна [ОБ: I].*

▪ *«Мана богд Жаңһрин бәәшнд орхнь, / Ямаран гилтә?» гиһэд хархла, / Өрндән арчм өргн, / Өндөртән теңгрт күрм болж медгөв, / «Бас нарн доркин нег өнциг / Эзлгсн ик кишгтә эмтн чигн» гиһэд, / «Үүллә яһж хальдхө?» гиһэд, / Аршан хар нульмсан цацн уульв [ЭО: IX].*

2) теңгрт бээдг, теңгрин орна¹

▪ *Бээтлнь, мөңн эживртә / Алтн өдгәтә богиурһа / Деерәс теңгрәс нисч ирэд, / Аман аңхрж, / Шовуни келәр келв: / Һазадк һалв Шарту теңгсн / Тер тал нутгелсн, / Очрта Алтн уулта, / Ордн уга һурвн эжиндмнтә / Гүи Замб хаани күүкиг / Теңгрин көвүн, Бурхн Цаһан гидг күн, / Күчәр авн гижэ бәәнә [БЦ: III].*

▪ *Эн далан уснась / Амгсн күмн / Үкл уга мөңк, / Өнчн уга өнр, / Үгә уга байн, / Үксн цагтан сүмснь / Үргләжд һучн һурвн миңһн / Номт теңгрин ордн / Төрдг андһарт [БЦ: II].*

▪ *Дөрвн түмн манульн, / Манр ик харһуд / олж ядад, / Алң болв: / Деер[әс], теңгрин орнас, / Унад иргсинь / Олж ядв, / Дор[әс], һазрин аң, / Һарад иргсинь чигн олж ядв [БЦ: II].*

3) күүнә нер тогталһнд орлцад оньдин эпитет болна²

▪ *Ачн-ачн цоклдэж йовад, / Теңгрин Төгә Бүсиг / Хад чолунд кев ортлнь, цокв [ЭО: I]*

▪ *Теңгрин Төгә Бүс / Келн бәәнә: / «Көксэж ирсн чи хахмб, / Көксэж эс бәәсн би хахмб?» гив [ЭО: I].*

▪ *Хойрурн болад, / Хомнн цокжэ унһаһад, / Хойр һаринь күләд, / Шарһ деернь, буру халалһж, унулад, / Теңгрин Төгә Бүс көтләд, / Ут Цаһань түмн шар-цоохр аду / Хәрү тууһад йовв [ЭО: VIII].*

▪ *Теңгрин Төгә Бүс / «Үүнд нег мөс күргс!» гижэ, / Үүдн энтә көк-цоохр саадгар хав [ЭО: VIII].*

¹ Тенгри, духи, населяющие небо, небожители.

² Является постоянным эпитетом имени собственного богатыря.

Хотя *оһртһу* и *теңҗр* являются синонимами, но они не взаимозаменяемы, нельзя сказать *теңҗр ду һарчана*, а говорят *оһртһу ду һарчана* ‘гром гремит’. В настоящее время общеизвестным и наиболее употребляемым является *теңҗр*.

Нарн в «Калмыцко-русском словаре» имеет следующие значения: 1. 1) солнце; *нарн һарв* солнце взошло; *нарн сууж* солнце зашло, солнце село 2) в высказываниях, связанных с внутренними переживаниями человека, означает просветление на душе, радостное чувство 2. в отдельных ботанических названиях *нарн цецг* подсолнечник (букв. ‘солнечный цветок’) 3. воскресенье (*день недели*) [КРС 1977: 368–369].

В героическом эпосе встречается только первое значение. Предки калмыков издревле почитали солнце¹, во многих легендах, преданиях, сказаниях прослеживается солярный культ. Эпос «Джангар» не является исключением, в нем очень часто встречаются сравнения с солнцем, которые приобретают устойчивый характер: *мандл һарх нарн мет* ‘подобен восходящему солнцу’, *нарн мет мандл* ‘подобно солнцу воссияла’, *нарн сар мет сээхн күүкн* ‘подобно солнцу и луне прекрасна девушка’².

¹ Солнце является основным ориентиром у калмыков, все ритуальные действия совершаются по ходу солнца, т. е. слева направо.

² С культом солнца связан этнический маркер одежды ойратов и калмыков — красная кисточка на головном уборе (самоназвание калмыков — *улан залата хальмг* ‘калмыки с красной кисточкой’); круг как символ солнца присутствует во многих компонентах культуры (план поселения, жилища и др.). До начала XX в. бытовала традиция запрета на произнесение замужними женщинами (костюм которых украшался солярным орнаментом, в отличие от мужского) слова «солнце» (*нарн*), его именовали «греющийся» (*эвр*). Почитание солнца прослеживается в разных элементах: «правильном движении» (*зөв эргэд*), использовании белых войлочных ковриков в обрядах (шерсть — символ солнца); обрядовых жареных лепешках с солярной символикой, не подлежащих разламыванию при еде (*целвг, хавтха*, причем второе слово «плоский» имеет и устаревшее значение «дикий верблюд»); обычаях выбрасывать посуду с щербинками, завершать все дела до заката, а долгосрочные — до наступления осеннего равноденствия (до месяца мыши). Жизнь в традиционных представлениях предстает как протяженность, циклический круг, построенный по законам движения солнца [Бакаева 2006: 29].

НАРН |nar^hn| б.н.

Һазр болн цуг наадк планетмуд эргдг, орчлнгиг халуулдг, гегэрүлдг тал дунд бээдг һаң халун теңгрин һал одн¹

▪ *Нээмн бум цергень / Нар сар хойриг / Тоосарн даржс ирв* [БЦ: II].
▪ *Маңһдур өрүнднь, / Нарн мандлхин чиг, / Бумбин цаһан өргән / Өмн ирэд, буув; / Оцл Көк Һалзныг / Төмрин сээнэр төдгләд, / Болдын сээнэр боһчад, / Мөңгн хасвчинь / Жиңнүләд татад, орад, / Барун эркнднь суув* [ЭО: I].

▪ *Өрүн улавр улан нарнь / Мандлгсн бээдг* [МД: I].

□ шар (шарh) нарн²

▪ *Укл уга мөңкин орта, / Увл уга зунн орта, / Үрглжэд жсивхлңтә / Баатр Бумбин орта; / Өрин улвр шар нарн / Улвтржс һарна, / Увъяр өңгтә ноһань шавшин һарна, / Үдин тамбл шар нарнь мандлжс һарна, / Тәрн хар батхннь / Жиргжс һарна, / Жирклң хурнь орна, / Живсрң нарн һарна* [МД: III].

▪ *Үдән шар нарила / Киитн Домб гидг услуртнь / Балһулжс өөмүләд, / Хоңһр шар серүнднь / Шүрүн цаһан элснд көлвөдүләд, / Өвцүнәннь өл-буурл хагзинь унһалһдг* [БЦ: III].

▪ *Арзин сүүр бәрэдг / Бумбин цаһан өргэдән / Тэвн дөрвн дуңһра күцэд, / Арзин сүүр бәрэд, / Шарh нарнь мандлад, / Шарлжсн өвснь бүчрләд, / Бумб далань дүүрң налаһад, / Бумбин өндр Маңхн Цаһан уульн мануржс көкрэд, / Үүднәннь хоорнднь улан / Ульңһр тугнь мандлжс делсэд, / Ар Бумбин орн саак кевәрн / Амр сээхн тавта жирһләр дүркләд, / Өәмшиг уга төвкнүн, / Амрад-жирһад бээхнь эн болв гинәл* [БМ: V].

Очень часто солнце упоминается наряду с луной (астральная пара), как мы отмечали выше, эпос «Джангар» богат сравнениями: *дүүрсн арвин тавни сар мет* ‘подобен полной луне’, *сар мет күмсгтә* ‘брови подобны неполной луне’. *Сар* имеет два значения: 1) луна; 2) месяц [КРС 1977: 441–442]. Приведем словарную статью:

¹ Раскаленная звезда, излучающая свет и тепло, вокруг которого обращается Земля и другие планеты.

² За символом «□» даются коллокации — статистически устойчивые сочетания двух и более лексических единиц, характерные для определенного текста или для всего языка.

САР б.н.

1) назрла хамдан нарна өөр эргдг, сө герл нарһдг теңгрин бодис¹

- *Дуурң нарх арвн тавна / САР мет, мандлад суув [ЭО: I].*
- *Сээхн Көк Галзнаннь / САР, нарн зурлһта / Деевр шар-цоохр олницгин / Дорд захднь һурв дарад оркв [БЦ: I].*
- *Генткн зэрлг болжэ бээнэ: / «САРин сээһинь сэкэд, / Өдрин сээһинь ончлад, / Хоңһриг Замбл хаани нутг / Орултн» гижэ бээнэ [ЭО: I].*
- *Хаңһл сээхн Көк Галзн күлгнь, / Хурдн болдг бийһһән / Дөрвн хар турун талан авад, йоввл, / Аһу ик чидлән / Ар сээр талан авад, йоввл, / Саңһаһарн сАР нарнла наадад, ирвл, / Саһг дөрвн туруһарн / Замб төвлэ наадад, йоввл; / Күүкн Цаһан мөрчнь / «Тоххин саам болв» гихэд хээкрн тохвл [БМ: VI].*

2) ямаран болвчн өдрэс авад тоолхла һучн өдрин туршар²

- *Арнзл Зеерд, у һольг нег ишкэд, эсиңнв, / Жилэ һазриг / САРА дундан авад, / САРА һазриг / Хонга дундан авад, хурдлв [МД: III].*
- *Эгц зурһан сАРин эцстнь / Эрвлзгсн Зеердэри / Салһл уга ээрв [БЦ: II].*
- *Һурвн сАРта / Төмр өлгэтэ көвүн / өцклдүр эжим алад, / Эндр долан ахим алад, / Минь герт юн нүүрэр / Ордгв чи? [МД: III].*

В «Калмыцко-русском словаре» одн имеет три значения: 1) звезда; *одд чирмх* мерцание звезд 2) *перен.* звезда, орден; *тавн талта* одн пятиконечная звезда 3) материал (разноцветный) [КРС 1977: 393]. В эпосе употребляется только в первом значении, а также входит в состав имени собственного:

ОДН |od^n| б.н.

1) сө герлтэд бээдг, халсн теңгрин бодис³

- *Сээхн Көк Галзнынн / Сээр деернь / Арвн цаһан хурһан делгв: / «өдрт узгдгч / Одн мет Жаңһрм!» [БЦ: I].*
- *Өндр Цаһан уулын / Уру көмрү өөднь орад, / Өөһин оһн буһ-марлас / Одн эдл өңгтэһинь / Эрвлзгсн Күрңгэри ээржэ бээһэд, / Эрки тарһнынь уһһаж авад, / Күлгтән ачад, / Күр зандн модни сүүдрт / Авч иржэ хайв [БЦ: I].*

---

¹ Небесное тело, вращающееся вместе с Землей вокруг солнца и светящееся по ночам.

² Промежуток в 30 суток, отсчет начинается от любого дня.

³ Светящееся ночью, раскаленное небесное тело.

2) күүнэ нер тогталһнд орлцна¹

▪ *Ганзһдан бээсн / **Одн** Цаһаныг шивэж оркад, / Буурлан үүрэд, / Уулын ора деер һарад, / Нүкнд Буурлан дүрэд, / Хэрү һарад, дээнлэ халдв; / Долан хонгт халцад одв [ЭО: V].*

▪ ***Одн** Цаһан хэрү / Ормдан сууһад, / «Жаңһрад Арслҗин Арг Улан Хоңһр / Гидг баатр бээнэ гилэ, / Нанд орхнь, ямр күчтэ тер?» гив [ЭО: V].*

▪ *Бас дарунь зун талас / **Одн** Харһа гидг баатр сурв: / «Жаңһринад Догһн Хар Санл / Гидг баатр бээнэ» гилэ [ЭО: V].*

Заключение

В данной статье рассмотрены названия небесных светил, которым посвящены различные работы, в основном этнографического характера. Данные дефиниции часто употребляются в сравнениях, некоторые в именах собственных, что свидетельствует об их значимости в культуре калмыцкого этноса.

Проведенное исследование позволяет заключить, что наименования небесных светил составляют небольшой по количеству пласт лексики эпоса «Джангар», но играют важную роль в языке эпического текста и отражают их мировосприятие, традиционное мировоззрение, быт, хозяйственную деятельность.

Сокращения

МД — Малодербетовский цикл

ЭО — Ээлян Овла

БМ — Басһна Мукөвүн (Мукебен Басангов)

ОБ — Овшин Бадм (Бадма Обушинов)

БЦ — Багацохуровский цикл.

Литература

Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков (исследования и опыт реконструкции): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 50 с.

Бачаева С. Е. Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных (на материале песен эпоса «Джангар») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 80–85.

Басаев Д. Э. Калмыцкие народные легенды и предания: дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2009. 157 с.

---

⁴ Входит в состав имени собственного.

Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц. Традиционные астральные воззрения хакасов // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2012. Вып. 7. С. 270–278.

Дондукова Д. Д. Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 135 с.

РСР 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Мулаева Н. М. Тематическая группа «Животные»: система толкований (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3 (19). С. 134–142.

Омакаева Э. У. Народные знания // Калмыки. М: Наука, 2010. С. 301–304.

Омакаева Э. У. Культ созвездий и планет у монголов // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1994. С. 44–49.

Омакаева Э. У., Бадгаев Н. Б. Тюркская и монгольская космогония // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Казань: Татар, кн. изд-во, 1997. Т. 3. С. 120–121.

РСР 1964 — Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.

Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

References

Bachaeva S. E. Formulas of Color-coding of Adjectives (on the Material of Songs of the Epos “Dzhangar”). *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2015. No. 1. Pp. 80–85. (In Russ.)

Bakaeva E. P. Pre-Buddhist Beliefs of Kalmyks (Researches and Experience of Reconstruction). Dr. Sc. thesis (history) abstract. M., 2006. 50 p. (In Russ.)

Basaev D. E. Kalmyk Folk Legends and Tales. Cand. Sc. thesis (philology). Elista, 2009. 157 p. (In Russ.)

Burnakov V. A., Tsydenova D. Ts. Traditional Astral Views of Khakases. *Bulletin of Novosibirsk State University*. Ser. History, philology. 2012. Is. 7. Pp. 270–278. (In Russ.)

Dondukova D. D. Lexicon of Spiritual Culture of Buryats. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the RAS, 2003. 135 p. (In Russ.)

Kalmyk–Russian Dictionary. B. D. Muniev (ed.) Moscow: Russkiy yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

Mulaeva N. M. The Thematic Group “Animals”: System of Interpretations (on the Material of the Kalmyk Heroic Epos “Dzhangar”). *Bulletin of Buryat Scientific Center of the RAS*. 2015. No. 3 (19). Pp. 134–142. (In Russ.)

Omaekava E. U. Folk Knowledge. In: Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 301–304. (In Russ.)

Omaekava E. U. Cult of Constellations and Planets in Mongolian Languages. In: Ethnocultural Lexicon of Mongolian Languages. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the RAS, 1994. Pp. 44–49. (In Russ.)

Omaekava E. U., Badgaev N. B. Turkic and Mongolian Cosmonyms. In: Languages, Spiritual Culture and History of Turks: Traditions and Modernity. Kazan: Tatar Book Publ., 1997. Vol. 3. Pp. 120–121. (In Russ.)

Russian–Kalmyk Dictionary. I. K. Ilishkin. Moscow: Sov. encyclopedia, 1964. 803 p. (In Russ. and Kalm.)

Todaeva B. Kh. Experience of Linguistic Research of the Epic “Dzhangar”. Elista: Kalm. Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)

Калмыцкие реалии на фоне немецких эквивалентов (на материале записей сказок Г. Й. Рамстедта)*

**Kalmyk Realities against the Background of German Equivalents
(evidence from G.J. Ramstedt's records of fairy tales)**

А. Т. Баянова (A. T. Bayanova)¹

¹ зав. Научной библиотекой им. П. Э. Алексеевой, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

Head of the P. Alexeeva Scientific Library, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

Аннотация. В данной статье рассматриваются реалии калмыцкого языка в лингвокультурологическом аспекте, дается собственная тематическая классификация и способы перевода на немецкий язык на материале сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом. Способами перевода, используемыми Г. Й. Рамстедтом, являются транскрипция, транслитерация, калька и полукалька, пояснительный и описательный перевод. Лексемы, не имеющиеся в немецкой лингвокультуре, передаются с помощью транскрипции, транслитерации и полукальки. Тексты сказок имеют в своем лексическом составе слова-реалии, которые раскрывают самобытность народа и отражают сложившуюся лингвокультурную общность этноса. Сравнительный анализ слов-реалий в калмыцком и немецком языках позволяет рассмотреть взаимопроникновение языковых и культурных особенностей двух народов.

Ключевые слова: реалия, безэквивалентная лексика, транслитерация, транскрипция, описательный перевод, поясняющий перевод, калмыцкий язык, немецкий язык.

Abstract. The article considers the realities of the Kalmyk language in terms of cultural linguistics, provides an original thematic classification and means of translation into German with evidence from fairy tales recorded by G.J. Ramstedt. The means of translation applied by G.J. Ramstedt are as follows: transcription, transliteration, calque and half-calque, explanatory and descriptive translation. The lexemes absent in German linguistic culture are expressed by means of transcription, transliteration and half-calque. The texts of the fairy tales contain certain realia-words revealing the ethnic originality and reflecting the actual linguistic and cultural communion of the ethnos. A comparative analysis of Kalmyk and German realia-words allows to consider the mutual diffusion of cultural and linguistic peculiarities of the two peoples.

Keywords: realia, culture-specific words, transliteration, transcription, descriptive translation, explanatory translation, Kalmyk language, German language.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-08002/а(р) «Фольклорный текст сквозь призму компьютерных технологий (на материале записей калмыцких сказок Г. Й. Рамстедта)».

В современной лингвистике в последние годы наблюдается большой интерес к изучению факторов языка, определяющих национально-культурную специфику конкретного народа. Обширный пласт культурно-специфической лексики в калмыцком языке составляют слова-реалии.

Целью данной статьи является тематическая классификация реалий в калмыцком языке и способы их перевода на немецкий язык. Актуальность данного исследования заключается в том, что при переводе с калмыцкого на немецкий язык встречаются лексические единицы, не имеющие эквивалентов в переводящем языке и требующие отдельного толкования. Выделение из корпуса калмыцких сказок подобных слов-реалий может стать основой для создания калмыцко-немецкого словаря безэквивалентной лексики.

В толковом переводоведческом словаре Л. Л. Нелюбина дается несколько определений понятия «реалия»: 1. Слова и выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. 2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа и т. п. 3. Предметы материальной культуры. 4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта [Нелюбин 2003: 178]. В краткой литературной энциклопедии реалии определяются как «предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающееся у других народов [КЛЭ 1962: 227–228].

По мнению О. С. Ахмановой, реалии в классической грамматике — это «разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка», а также «предметы материальной культуры [Ахманова 1966: 370].

Существуют различные критерии классификации реалий, основанные на принципах теории перевода, компаративной лингвистики, страноведения. Наиболее распространенной является классификация Л. С. Бархударова, который подразделяет реалии

на три группы: имена собственные и географические названия; предметы материальной и духовной культуры отдельного народа; случайные лакуны.

Исследование реалий в фольклорном тексте позволяет нам разработать собственную классификацию. Из корпуса калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом, нами выделено 8 тематических групп, которые в свою очередь можно также разделить:

- 1) лексика, отражающая родственные отношения у калмыков;
- 2) религиозная лексика;
- 3) общественно-политические реалии: а) административно-территориальные единицы; б) различные слои населения, в том числе носители власти (звания, титулы, обращения);
- 4) реалии быта: а) пища, напитки; б) одежда; в) жилье и хозяйственная утварь;
- 5) животный и растительный мир;
- 6) сказочные существа;
- 7) меры и деньги;
- 8) случайные лакуны.

Лексика, отражающая родственные отношения у калмыков

Анализ данной группы реалий показал, что родственные отношения у калмыков имеют свою специфику и более детализированное значение. Так, например, в калмыцком языке слово *avh* означает ‘дядя (по отцовской линии)’, *nahux* ‘дядя (по материнской линии)’, в немецком же языке нет различий при обозначении данных денотатов, и Г. Й. Рамstedт переводит это слово как *onkel*¹ ‘дядя’. Слово *baav* в дербетском говоре означает ‘папа, отец’. В фольклорном тексте употребляется это слово в функции обращения *ax nojn baav*, где слово *baav* означает почтительное и уважительное обращение к старшему по возрасту человеку. В переводе же на немецкий язык Г. Й. Рамstedт использует несколько вариантов: *beschützer* ‘покровитель’, *bruder und herr* ‘брат и господин’, *onkel* ‘дядя’. В калмыцком языке разделяют старших и младших братьев: *ax* ‘старший брат’, *ду* ‘младший брат’, в переводе на немецкий — *der ältere bruder* и *der jüngere bruder* соответственно. *Aav* ‘отец, папа’

¹ В немецком переводе сказок все существительные написаны Г. Й. Рамstedтом со строчной буквы.

переведено на немецкий соответственно как *vater* ‘отец’, но в названии персонажа *Mösn Aav* (досл. Отец Лед) ученый передает его в транскрипции — *Mösün Aa*. В калмыцком языке слово *родители* переводится парным словом *эк-эцк* (досл. мать-отец) или *аав-ээж*, в немецком переводе автор дает два варианта — *eltern* ‘родители’ и *vater und mutter* ‘мать и отец’. Слово *nahux* означает ‘дядя (по материнской линии)’ *mütterlicher verwandter*, но в одном случае он ошибочно передает это слово как *vater* ‘отец’. При переводе слова *урн-садн* ‘семья, досл. дети, потомство’ автор применяет несколько вариантов перевода: *kind* ‘ребенок, дитя’, *sohn oder abkömmling* ‘сын или потомство’, *sohn und abkömmling* ‘сын и потомство’, *kinder und nachkommen* ‘дети и потомки’. При переводе слова *ээж* ‘мама’ переводчик использует такие варианты, как *tama*, *Mutter*, а также как и в слове *аав* при написании имени собственного оставляет транскрипцию *Edži* (*Nälïchan-Tsagän-Edži*).

Религиозная лексика

Данная группа реалий составляет обширный пласт лексических единиц, связанных с одной из старейших религий в мире — буддизмом. Слово *бурхн* ‘бурхан; бог, покровитель и учитель всего сущего’ [Пюрбеев 1996: 152] переводится Г. Й. Рамstedтом на немецкий язык как *Gott* ‘бог’, при этом также используется вариант перевода в транскрипции — *burchane*. Значение слов, обозначающих религиозных служителей, — *лам* ‘лама, буддийский монах’, *гелң* ‘гелюнг, буддийский монах’, *багш* ‘бакши; настоятель хурула’, *хувр* ‘хуварак; монах, религиозный служитель’ Г. Й. Рамstedт передает в транскрипции — *Lama*, *Bakši* — или в транскрипции с поясняющим словом *gelüng* (*geistlichen*), а также калькирование — *geistliche* ‘священник’. К данной категории следует отнести и такие слова, как *заяч* ‘защитник, покровитель судьбы, гений-хранитель’ — в переводе Г. Й. Рамstedта *schicksalskenner* ‘букв. знаток судьбы, предсказатель’¹; *арагнь* ‘рагни; богиня’ *göttermädchen*, *göttermaid*, *göttliches mädchen* ‘букв. божественная девушка’, *göttin* ‘богиня’; *ном* ‘священное писание, молитва’ — *nom*; *бумб* ‘маленький чайник

¹ На наш взгляд, перевод Г. Й. Рамstedта не точен, так как здесь имеется в виду *заяч* в значении существа или ангела, который хранит человека, является его покровителем.

для освященной воды' [Пюрбеев 1996: 127] — *weihwasserkanne* 'букв. кувшин со святой водой'; *аршан* 'святая вода' — *weihwasser* 'букв. святая вода'; *хурл* 'буддийская церковь' — *kloster* 'монастырь, обитель', *klostergemeinde* 'религиозный приход, община', *tempel* 'храм, святилище'¹.

Общественно-политические реалии: а) административно-территориальные единицы; б) различные слои населения, в том числе носители власти (звания, титулы, обращения).

К административно-территориальным единицам следует отнести слова: *аамг* 'аймак', *нутг* 'нутук', *отг* 'оток', *хотн* 'хотон'. В зависимости от численности населения в этих административно-территориальных единицах самым крупным является *отг* 'оток', он может включать в себя несколько аймаков. По Г. О. Авляеву, оток — административная единица, включающая от 500 до 1 000 кибиток или семей, аймак насчитывает от 300 до 800 кибиток (семей), хотон — это селение численностью в среднем от 10 до 100 кибиток (семей) [Авляев 2002: 49]. Сущность понятия «аймак» известный востоковед Б. Я. Владимирцов объясняет следующим образом: «Аймак — это союз или объединение родственных между собой семей, разных ветвей, происходящих от дробления древних родов» [Владимирцов 1934: 137]. Слово *нутг* не является административной единицей. В «Калмыцко-русском словаре» отмечается несколько значений данного слова: 1) родное место, родина, родной улус; 2) владения (фольк.); 3) кочевье, место откочевки [КРС 1977: 387]. Отсутствие в немецкой лингвокультуре таких слов затрудняет их перевод. Этим объясняется наличие многовариантности перевода Г. Й. Рамstedтом данных реалий.

Так, слово *аамг* 'аймак' переводится Г. Й. Рамstedтом как 'страна; народ; родина и люди (население)', живущие в нем — *land und volk* 'страна и народ', *untertanen* 'подданные', *heimat und untertanen* 'родина и подданные'.

При переводе слова *хотн* автор использует несколько вариантов: *zelt Dorf* 'choton' — калькирование + транслитерация ('досл. село из кибиток, шатров'), *Dorf* 'село', *aul* ('аул' — горное село, но,

¹ Здесь, на наш взгляд, приемлемым вариантом передачи безэквивалентной лексики была бы транслитерация.

скорее всего, такой перевод Г. Й. Рамстедтом предпринят, потому что существовало слово *эл* ‘айл’ — одна из территориально-административных единиц в Западной Монголии), *zelte* ‘досл. палатка, шатер’ — калькирование.

1. *Нег хотна өмн бийд оч буухад, хойр мод hazрт шааhad...* ‘Перед одним **хотоном** спешился, две палки воткнул в землю’ — *Vor einem zeldorf (choton) stieg er ab, schlug zwei stöcke in die erde...* [Сказка № 9].

2. *Нег байн ик хотнд күрч ирэд...* ‘Добравшись до одного богатого большого **хотона**...’ — *Sie kamen zu einem grossen und reichen dorfe...* [Сказка № 14].

3. *Теду нег хотнд шидрдэд күрэд ирнэ.* ‘К одному **хотону** приблизился’ — *Nach einer weile kommt er in die nähe eines auls* [Сказка № 16].

4. *Нег олн хотн бээснд күрэд ирв, нег герт орад ирв.* ‘Добрался до одного многочисленного **хотона**, зашел в один дом’ — *Er kam dahin, wo viele zelte standen, in ein zelt trat er ein* [Сказка № 9].

При переводе слова *нутг* автор использует шесть вариантов передачи этого слова: *wohnort, reich, lager, dorf, heimat, land*.

1. *Бөөргин Бөкн Цаган мал-герэн эзлэд, баавһаһан авад, хуучн нутгтан нүүхэд...* ‘Бөргин Бөкн Цаган забрал свое имущество, забрал свою жену, со своим прежним нутуком откочевал...’ — *Börögīn Bökön Tsagān nahm sein vieh und gut in besitz, mit seiner frau zog er an seinen früheren wohnort zurück...* [Сказка № 11].

2. *Нег хаана нутгар орад ирнэ.* ‘Прибыл в **нутук** одного хана’ — *Er kommt in das reich eines chans* [Сказка № 13].

3. *Хар кичгнь — нутгин кишг...* ‘Черный щенок — счастье **нутука**...’ — *Der schwarze hund ist das glück des lagers...* [Сказка № 15].

4. *Нутгаснь һарад һарснас авн...* ‘Как только выехали из **нутука**...’ — *Als er zu dem dorfe herauskam...* [Сказка № 18].

5. *...көвүн нутган темцэд һарв...* ‘...мальчик направился в свой **нутук**...’ — *...reiste der knabe nach seiner heimat...* [Сказка № 18].

6. *Түүнэ нутгт нутглэж бээдг Нальхн цаһан ээжэ гидг эмгн санжэ* ‘В этом нутуке жила старушка по имени Нальхан Цаган’ — *In seinem lande wohnte eine alte frau namens Nälïchan-Tsagān-Edži* [Сказка № 21].

К этой группе также относятся слова, обозначающие представителей различных слоев населения, профессий, рода занятий: *хан* ‘хан’, *нойн* ‘нойон’, *түшмл* ‘сановник’, *цахр* ‘дворовый, дворовые люди’, *хөөч* ‘чабан, пастух овец’, *адуч* ‘табунщик’.

Слово *хан* передается в переводе на немецкий язык в транскрипции — *chan*, в одном случае это слово Г. Й. Рамстедт переводит как *könig* ‘король’ (*königstochter* ‘дочь хана’). Слово *хатн* ‘хатун; ханша, супруга хана’ он переводит как *chanin*, где *-in* — суффикс, определяющий женский род существительного, два других перевода слова являются калькой — *gemahlin des chans*, *gattin* ‘супруга хана’. При переводе слов *нойн* ‘нойон’ и *түшмл* ‘сановник’ Г. Й. Рамстедт использует транслитерацию — *nojon*, *tüschmel*, а также применяет приближенный (уподобляющий) перевод, т. е. при передаче реалий на переводящий язык используется слово, которое не совпадает с исходным, но оно способно раскрыть его суть. Слова *нойн* и *fürst* ‘князь’, *түшмл* и *minister* ‘министр’ нельзя считать абсолютно идентичными, но они имеют значительное семантическое сходство. Реалии *хөөч* ‘чабан, пастух овец’ и *адуч* ‘табунщик, пастух лошадей’ имеются в немецкой лингвокультуре и переводятся соответственно *schäfer* и *pferdewächter* ‘досл. сторож лошадей’. Из вариантов перевода слова *цахр* ‘дворовый, дворовые люди’ наиболее близко по значению *hofdiener* ‘придворная челядь’, другие варианты — *schlösser* ‘слесарь’, *insassen* ‘батрак’, *handwerker* ‘ремесленник, мастерской’, *arbeitsleute* ‘работники’ — дают лишь приблизительное значение данного слова.

Реалии быта: а) пища, напитки; б) одежда; в) жилье и хозяйственная утварь

Самая большая тематическая группа представлена бытовыми реалиями. В силу разницы исторических, природных, культурных и т. д. условий проживания калмыцкого и немецкого народа данные реалии не имеют аналогов в немецкой лингвокультуре, поэтому при передаче исходного текста ученый прибегает к транслитерации, при этом дает большей частью описательный перевод — способ передачи реалий при помощи развернутых словосочетаний, которые поясняют, раскрывают сущность того или иного понятия.

Еда и напитки

Боорцэ ‘борцок’ — разные по форме изделия из теста, которые жарятся в кипящем масле или жиру’ [Пюрбеев 1996: 103]: в немецкой лингвокультуре нет подобного слова, поэтому Г. Й. Рамстедт дает транслитерированный вариант данного понятия и описательный перевод к нему: *börtsok* (*eine art kleiner runder kuchen*) — досл. ‘вид маленького круглого пирога’.

Повседневную пищу калмыков составляли молоко и продукты, изготовленные на его основе. Из молока готовился *чигэн*, из которого потом изготавливали *араку* — молочную водку. В процессе перегонки *араки* получали *бозо*. При переводе калмыцких напитков Г. Й. Рамстедт дает описательный перевод: *арз* ‘крепкая молочная водка двойной перегонки’ [Пюрбеев 1996: 102] — нем. *branntwein, zweimal gereinigten* (досл. ‘водка, дважды очищенная’); *хорз* — очень крепкая молочная водка тройной перегонки [Пюрбеев 1996: 109] — нем. *branntwein, dreimal gereinigten* (досл. ‘водка, трижды очищенная’). *Боз* у калмыков означает густую творожную массу, остающуюся после перегонки молочной водки в виде накипи на стенках большого котла [Пюрбеев 1996: 103]. Г. Й. Рамстедт дает перевод слова в транслитерации *boza*, а также как *käse* ‘сыр’ и *maische* ‘брага, отвар солода’; *чигэн* ‘напиток из квашеного кобыльего, коровьего или верблюжьего молока’ [Пюрбеев 1996: 110], *kumys*; *зандн* [Пюрбеев 1996: 102] — *зандн гидг цэ* ‘крепкий чай’ [КРС 1977: 240] — нем. *zandan genannten tee* (досл. ‘чай, называемый зандан’).

Слово *дееж* имеет в калмыцком языке сакральное значение, оно означает почетное жертвенное угощение (первая чашка чая, еды, которые ставятся в качестве жертвоприношения божеству) [Пюрбеев 1996: 105]. При переводе данного слова автор использует калькирование: *brautgeschenk* ‘свадебный подарок’, *das erste von dem essen* досл. ‘первое из еды’, *speiseopfer* досл. ‘жертвенная еда’. При переводе слова ‘хурсн’ (сушеные лепешки из творога) [Пюрбеев 1996: 109] ученый дает описательный перевод: *rande eines käses, band mit käsen* ‘кусочек сыра’.

Одежда

При переводе реалий, обозначающих одежду, Г. Й. Рамстедт использует транскрипцию: *бүшмүд* ‘бешмет; калмыцкий мужской

халат' — нем. *bišmet*, *хадг* 'хадак; голубой или белый шелковый платок, шарф, который преподносится гостю в знак особого уважения' [Пюрбеев 1996: 136] — нем. *chadak*. Бешмет считался мужским видом одежды, он надевался поверх рубахи, носили его обычно в праздничные дни.

Слова *лавиг* 'накидка, халат', *цегдг* 'сарафан, женское платье без рукавов' [Пюрбеев 1996: 137] не имеют эквивалентов в немецком языке и передаются с помощью описательного перевода соответственно: *überrock* 'сюртук, пальто' или *rock* 'юбка, сюртук' и *abgenutzten rock* 'изношенное пальто'. *Цегдг* считался повседневным видом летней одежды у женщин-калмычек. Он представлял собой длинную до пят безрукавку, обычно из ткани темного цвета. Были *цегдг* и для праздничного выхода, длина их была в отличие от повседневного варианта до щиколоток, шилась она из дорогих материалов (парчи, бархата, шелка) и украшалась вышивкой-каймай.

Единица *хадг* передается автором также как транслитерация + описательный перевод — *ein chadak (seidenes tuch)*, и как калькирование — 'seidentuch'. При помощи калькирования переводятся слова *кемнг махла* 'шапка из войлока' — *filzmütze*, '*ушкэ девл*' — 'шуба из войлока' — *filzrock* досл. 'сюртук из войлока', *тииригэ* 'шляпа' — *mönchsmütze* досл. 'монашеская шапка'.

Жилье и хозяйственная утварь

Основным видом жилищ у калмыков вплоть до начала XX в. являлась кибитка — покрытая войлоком разборная постройка, приспособленная к кочевым условиям: прочная и легкая переносная деревянная конструкция позволяла быстро разобрать ее и установить на новом месте. В тексте калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, встречаются слова, обозначающие элементы калмыцкого жилища: *жолм* 'юрта из жердей и кошмы' [Пюрбеев 1996: 114] — нем. *hausgrosse haufen*, *завг* 'щель в юрте между войлоком стены и крышей, используемая для хранения мелких вещей' [Пюрбеев 1996: 114] — нем. *kroch zwischen die wand und das filzdach*, *ург* 'низ внутренней стены войлочной юрты' [Пюрбеев 1996: 115] — нем. *filzwand ecke*, *терм* 'стенная решетка войлочной юрты' — нем. *wandgitter*, *өрк* 'дымоход' — нем. *rauchfang*, *rauchloch* 'дымоход', *хаиша* 'забор, загон' — нем. *viehstall*, *schafstall*.

Слова, обозначающие хозяйственную утварь, большей частью переводятся способом калькирования: *архд* ‘архад — большой кожаный бурдюк для приготовления и хранения кумыса’ [Пюрбеев 1996: 126] — нем. *lederne flasche, sack, lederne sack, kumyssack; баран* ‘баран — место, где собрано и аккуратно сложено имущество семьи’ [Пюрбеев 1996: 112] — нем. *ehrenplatz; ширдг* ‘ширдык — войлок, шитый в два слоя и украшенный орнаментом’ [КРС 1977: 676] — нем. *filzteppich, даальң* ‘переметная кожаная сума’ [Пюрбеев 1996: 94] — нем. *reitsäcke, донжг* ‘чайник удлиненной формы’ [Пюрбеев 1996: 127] — *kanne, teekanne, дөр* ‘волосяное кольцо’ — нем. *maulkörbe, тулм* ‘кожаный мешок’ — нем. *ledersacke, sack, säckchen, тулһ* ‘тренога для котла’ [Пюрбеев 1996: 119] — нем. *dreifuss, уум* ‘кожаный мешок’ [Пюрбеев 1996: 99] — нем. *grosser sack, ушкә* ‘кошма, войлок’ — нем. *filz, көвцг* ‘седельная подушка’ — нем. *sattelpolster, маля* ‘плеть, плетка из плетеных в 8 рядов полосок ремня’ [Пюрбеев 1996: 94] — нем. *peitsche, эдрнг* ‘рубель, кожемялка’ [Пюрбеев 1996: 124] — нем. *hölzerne sage*.

Некоторые слова, обозначающие предметы быта, Г. Й. Рамстедт переводит с помощью транслитерации: *арһан алтн цалм* ‘аркан’ — нем. *Argai-lasso, елднг* ‘нагайка’ — нем. *Jeldeng-peitsche* ‘досл. елднг-кнут’, *олнцг* ‘тебенек’ — *schabracke (olnʹc)*. Не совсем точно передает ученый слово *тевш* ‘продолговатое деревянное блюдо’ [Пюрбеев 1996: 130] — нем. *mulde* ‘корыто деревянное, лохань’.

Животный и растительный мир

Животный мир

В калмыцком языке существует разветвленная и многокомпонентная система названий животных, при которой указываются различия по полу, возрасту и масти. Так, например, различия по возрасту и полу наблюдаются в таких словах, как *дөнжн* ‘четырёхгодовалая самка домашних животных’, *дөнн* ‘четырёхгодовалый самец домашних животных’, *һунжн* ‘трехгодовалая самка домашних животных’ [КРС 1977: 169], *һунн* ‘трехгодовалый самец домашних животных’, которые на немецкий язык переводятся с помощью описательного перевода: *vierjähriger ochse, dreijähriger ochse*.

При переводе возрастных и половых различий овец Г. Й. Рамстедт применяет приближенный перевод: *ирг* ‘кастрированный баран, валух’ [КРС 1977: 272] — нем. *schafbock* ‘баран’, *хуц* ‘баран-производитель’ [КРС 1977: 616] — нем. *hammel* ‘кастрированный баран, валух’, *зусг* ‘овца в возрасте двух лет’ — нем. *zweijährigen schaf, jungen schaf*. В тексте сказок встречается слово, обозначающее породу овец: *шодң* ‘овца русской породы: тонкохвостая, без курдюка’ переводится [*russische*] *schafe* досл. ‘русская овца’. У калмыков существует четкая возрастная градация таких животных, как верблюд и лошадь, для немецкой культуры аспект возраста животного не является важным. Так, слово *ботхн* означает верблюжонка в возрасте до года — нем. *kamelkalb* ‘досл. детеныш верблюда’, *ицгн* ‘верблюдица в возрасте старше пяти лет’ [Пюрбеев 1996: 79] — нем. *kamelkuh* ‘самка верблюда, верблюдица’, *унһн* ‘жеребенок до года’ — нем. *fohle* ‘молодая кобылица’, *füllen* ‘жеребенок’. Частым персонажем богатырских сказок является *арнзл* ‘волшебный богатырский конь’ [КРС 1977: 51], на немецком языке Г. Й. Рамстедт дает описательный перевод слова — *das edle gute streitross* досл. ‘благородный боевой конь’. *Буур* ‘верблюд-производитель’ [Пюрбеев 1996: 77] в немецком переводе звучит *kamelhengst* ‘верблюд-жеребец’. Название рыбы *тул* ‘таймень’ Г. Й. Рамстедт переводит при помощи калькирования *lachs*, а также при помощи транслитерации — *Tula-fisch*.

Растительный мир

Лексемы, обозначающие растения, переводятся на немецкий язык полукалькой — частичным заимствованием, когда переводящее слово состоит частью из собственного «материала», а частью из «материала» иноязычного слова: *зандн* ‘сандал’ — нем. *sandelbaum*, *нэгр зандн* ‘сандал’ — нем. *Nagir-sandel-holz*, *эр яфһ* ‘кизил’ — нем. *Jarga genannten holze*, *яшил* ‘ясень’ — нем. *Jaschilholz*, *заг* ‘саксаул’ — нем. *zak-genanntes holz*. Калькированием переданы такие растения, как *керсң* ‘лебеда’ — нем. *melde*, *тэвлһ* ‘таволга’ — нем. *spierstrauch*, *үйн цаһан* ‘ковыль перистый’ — нем. *weissgliederige gras*, *хамхул* ‘перекати-поле’ — нем. *gipskraut* ‘качим, гипсофила’. Слово *хулсн* ‘камыш’ переводится Г. Й. Рамстедтом не совсем точно — *bamburohr* ‘бамбук’, *röhricht* ‘заросли тростника’.

Сказочные существа

В калмыцком фольклоре имеются сказочные персонажи, не имеющие коррелятов в немецком языке. Поэтому и перевод их представляет собой сложную задачу, так как эти образы вызывают своеобразные ассоциации у калмыков, как и у любого другого этноса. Персонажи *мус* ‘мус — многоголовое одноглазое чудовище, пожирающее людей’, *мангас* ‘мангас — сказочное чудовище’ [Пюрбеев 1996: 156] передаются Г. Й. Рамстедтом с помощью транскрипции — *mus* и *tangas*. При переводе слова *мус* ученый использует и вариант *koboldgreise* ‘досл. старик-гном’, что совсем не передает истинного значения данного слова. *Теңэр* ‘тенгрии’ в мифологии монголыязычных народов являются небесными духами. В «Толковом словаре традиционного быта калмыков» дается слову *теңэр* следующее определение: ‘гений-хранитель, божество’ [Пюрбеев 1996: 160]. Следует отметить, что в зависимости от лексико-семантической сочетаемости в тексте переводчик подбирает такое переводческое решение, которое позже входит в язык и превращается в устойчивое лексическое сочетание: так, к примеру, лексему *теңэр* ‘тенгрии’ он переводит как *himmelsson* досл. ‘сын неба’. С помощью транскрипции ученый переводит слово *ягц-эмгн* ‘ягц-эмген — старуха-ведьма’ — *Jaktsa-greisin*. В калмыцком фольклоре встречается много персонажей-чудовищ: помимо мусов и мангасов, существуют *эрлг* ‘эрлик — злой дух, сатана’ [Пюрбеев 1996: 164] и *шулм* ‘шулма — бес, нечистая сила, злой дух’ [Пюрбеев 1996: 164]. При переводе слова *эрлг* автор использует кальку + транскрипцию — нем. *unholde (erlik)*.

Слово *шулм* автором переводится на немецкий язык в нескольких вариантах: 1. *unhold* ‘чудовище’, *hexe* ‘ведьма, колдунья, чародейка’ — калькирование; 2. *muss* ‘мус’ — транскрипция; 3. *böse geister* ‘злой дух’, *bösen verhexter* ‘злой колдун’ — описательный перевод.

Би нег нуцкн шулм көөжэ йовлав. ‘Я гнался за одной голой *шулмой*’ — *Ich verfolgte einen nackten unhold.* [Сказка № 6].

Цөстэ шулм санэж, түнүг түүмрт орулад алхмн» гижэ келжэдэ болна. ‘Тогда отец их сказал: «*Шулма* обладает желчью, бросим ее в огонь!»’ — *Da saghte der vater zürnend: “den beiden hexen sollte ihre galle nehmen!”* [Сказка № 6].

Тиигжэ бээсн цагт нег тавн зун **шулм** «Шамблин ориг дээлжэ авхм» гihэд һарад йовна. ‘В это время пятьсот **шулмусов** выходят со словами: «Завоюем страну Шамбалу»’ — *Während sie dies tat, ziehen fünfhundert böse geister aus in der absicht das reich Schambala zu erobern* [Сказка № 22].

Гертэн одад чи: «Аав, би авлһин **шулмиг** дархар ирв», – *zu!* ‘Сходи сейчас домой и скажи: «Отец, я пришел убить **шулму!**»’ — *Geh du jetzt dahin und sage: “vater, ich bin gekommen um den bösen verhexer zu töten!”* [Сказка № 22].

Слово **шулм** женского рода переводится по правилам немецкого языка, т. е. добавляется суффикс *-in*, определяющий женский род в немецком языке: *unholdin, hexin*.

...**Шулм** эмгн сүүлэсм һурвн килһс таслэжэ авсиг меднэв... ‘Старая **шулмуска** вырвала три волоска из хвоста, знаю я ...’ — *...die alte hexin mir drei haare aus dem schweife gerissen, weiss ich...* [Сказка № 19].

Китд хальмг хоорнд юм йовулдго шулмсч теднь. ‘Они были **шулмусками**, никого не пропускающими между калмыками и китаЙцами’. — *Sie war gerade eine von den unholdinnen, die zwischen dem kalmückenland und China* [Сказка № 15].

Меры и деньги

У калмыков, как и у любого народа, есть свои меры измерения, которые не имеют эквивалентов в другом языке. В текстах сказок встречается одна из мер — *бэрм* ‘мера длины, равная расстоянию между двумя крайними точками сжатых в кулак пальцев’ [КРС 1977: 91]. На немецкий язык это слово переводится как *spanne* ‘пядь — расстояние от конца большого пальца до конца указательного пальца при наибольшем возможном их раздвижении’. Некоторые меры длины и денег заимствованы из русского языка: *аршм* — рус. ‘аршин’ (нем. *arschinstab*); *арслң* — ‘рубль’ (нем. *rubelschein*).

Случайные лакуны

К случайным лакунам следует отнести слова, которые нельзя отнести ни к одной из вышеназванных групп. Так, например, слово *арһсн* ‘кизяк, высушенный в форме кирпичей навоз, употребляемый как топливо’ [СРЯ 1982: 47] переводится Г. Й. Рамстедтом с помощью транскрипции и пояснительного перевода — *argasun (trocknen*

mist — досл. ‘высушенный навоз’). Лексема *боран* ‘ненастье, непогода, дождь’ [КРС 1977: 110] переводится целым словосочетанием — *graudunkler, heftiger regensturm*.

Выводы

Таким образом, проанализировав тексты калмыцких сказок, записанных финским ученым Г. Й. Рамстедтом, мы установили способы перевода безэквивалентной лексики с калмыцкого на немецкий язык и выделили восемь тематических групп реалий на фоне их немецких эквивалентов. Способами перевода, используемыми Г. Й. Рамстедтом, являются транскрипция, транслитерация, калька и полукалька, пояснительный и описательный переводы. Лексемы, не имеющиеся в немецкой лингвокультуре, передаются с помощью транскрипции, транслитерации и полукальки.

Тексты сказок имеют в своем лексическом составе слова-реалии, которые раскрывают самобытность народа и отражают сложившуюся лингвокультурную общность этноса. Сравнительный анализ слов-реалий в калмыцком и немецком языках позволяет рассмотреть взаимопроникновение языковых и культурных особенностей двух народов.

Литература

Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 607 с.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. 224 с.

Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

КЛЭ 1962 — Краткая литературная энциклопедия / под ред. А. А. Суркова. М.: Сов. Энциклопедия, 1962. 1040 с.

Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. Изд. 3-е, перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.

Словарь русского языка. Т. 2. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. 736 с.

References

Akhmanova O. S. The Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1966. 607 p. (In Russ.)

Avlyayev G. O. Origin of the Kalmyk People. Elista: Kalm. Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)

Concise Literary Encyclopedia. A. A. Surkov (ed.). Moscow: Sov. Encyclopedia, 1962. 1040 p. (In Russ.)

Kalmyk–Russian Dictionary. B. D. Muniev (ed.) Moscow: Russkiy yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

Nelyubin L. L. The Explanatory Translation Dictionary. 3rd ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2003. 320 p. (In Russ.)

Pyrbeev G. Ts. The Explanatory Dictionary of Traditional Life of Kalmyks. Elista: Kalm. Book Publ., 1996. 176 p. (In Russ.)

The Dictionary of the Russian Language. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk, 1982. 736 p. (In Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. The Social System of Mongols. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1934. 224 p. (In Russ.)

О списках рукописей и устной версии «Истории Унекер Торелкиту хана»

On the Copies of Manuscripts and an Oral Version of “The History of Uneker Torelkitu Khan”

*Б. А. Бичеев (B. Bicheev)*¹

¹ доктор философских наук, заведующий отделом письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: baazr@mail.ru.

Ph.D. in Philosophy (Doctor of Philosophical Sciences), Head of Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: baazr@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена устной и письменной версиям известного произведения буддийской литературы под названием «История Унекер Торелкиту хана». Будда часто рассказывал своим последователям различные истории, в которых поучительность сочеталась с увлекательным изложением. Традиция буддизма рассматривает такого рода произведения как одну из форм проповеди учения. Получив широкую популярность, такие произведения бытовали как в письменной, так и в устной формах.

Ключевые слова: буддийская литература, рукопись, устная форма бытования, сказочный сюжет, язык произведения.

Abstract. The article deals with written and oral versions of the famous Buddhist composition “The History of Uneker Torelkitu Khan”. The Buddha himself often told various stories to his disciples; those were both didactic in content and fascinating in form. The Buddhist tradition views such compositions as one of the ways to preach the teaching. Those gained wide popularity and existed both in written and oral forms.

Keywords: Buddhist literature, manuscript, oral form, fairy tale plot, language of the composition.

В период своего распространения буддизм был вынужден приспособляться и вырабатывать определенную форму отношения к культурным традициям разных регионов. Слияние буддизма с различными культурами способствовало появлению буддийской литературы, которую составляют произведения, написанные на многих языках мира. Однако, несмотря на это, буддийская литература представляет собой некое единство, заключающееся в общности тем, сходстве сюжетов и художественных приемов [Топоров 2003: 12].

Одним из региональных вариантов буддийской литературы является ойратская (калмыцкая) литература, которая насчитывает почти четыре века своего существования. С момента создания в 1648 г. письменности, получившей название «ясное письмо», за сравнительно короткий срок был переведен весь основной свод, наиболее важных в теоретическом отношении текстов буддийского учения [Раднабхадра 1999: 62–67]. В основном это были канонические тексты в форме сутр и шастр, тексты неканонического содержания («джатаки», «намтары», «субхашиты» и др.), а также произведения народного буддизма.

В буддийской литературной традиции существует особого рода тексты, повествующие о предшествующих рождениях самого основателя учения («джатаки») и различных событиях его жизни («намтары»). Как отмечал С. Ф. Ольденбург, «Жизнь Будды действительно была полна добра и красоты. Учителем жизни Будда был для людей не только учением своим, а и всей своей жизнью» [Ольденбург 1998: 48]. Среди ойратских переводов известны следующие произведения такого вида: «Будда и брахман» («*Burxan birman xoyor*») [Санджиев 2009: 17–22], «Принц Эрдени Зурекен» («*Tüb oroni tusa büütüqsen xān küböün Erdeni zürekен*») [Меняев 2009: 11–17], «Шастра о Хашинг хане» («*Xašing xāni šastir orošiboi*») [Galdan 2014: 106–127], «История Оглегу Бедерекчи хана» [Очилов 2006: 327–328], «Двенадцать деяний Будды» («*Burxan baqšiyin gegēni arban xoyor zokāl*»)¹ и др.

Сам Будда, прекрасно понимавший разницу в умственном развитии людей, рассказывал своим последователям различные истории, в которых сочетались поучительность с увлекательным изложением. Такие сюжеты были призваны адаптировать в сознании

¹ Литографическое издание, б.м., б.г.

простых верующих морально-этические установки учения, побуждающие их к вступлению на путь спасения. Традиция буддизма рассматривает такие произведения как одну из форм проповеди учения. В фиксированной литературной форме эти произведения состоят из единой структуры, установленной традицией буддизма. Эта структура включает следующие части:

- вводная часть (в ней раскрываются конкретные обстоятельства, при которых произошло то или иное событие жизни Будды);
- основная часть (собственно сюжет, поведенный самим Буддой);
- заключительная часть (текст завершается традиционной фразой о восхвалении Будды окружением, либо дается пояснение к изложенному событию).

Произведения такого рода воспринимались как слова самого Будды, а потому такие тексты считались сакральными. Вследствие доступности содержания и увлекательности сюжета они имели широкое распространение не только в письменной, но и в устной форме. Однако в ходе перетекания письменного текста в устную форму, как правило, вводное и заключительное «обрамление» утрачивались. Непосредственно сохранялась только основная часть, изложенная в форме конкретного повествования.

Одним из таких произведений, получившим широкое распространение в письменной и устной формах, является «История Унекер Торелкиту хана» («*Ünekēr törölkitü xāni tuuji orošibo*»). По данным, имеющимся в различных каталогах ойратских рукописей, известно о семи списках этого текста. Четыре рукописи «*Ünekēr törölkitü xāni tuuji orošibo*» хранятся в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН (Шифры E 5, D 122, C 33, C 44) [Яхонтова 2014]. Один список находится в Научной библиотеке Восточного факультета СПбГУ (Шифр Calm D7, хyl. Q 537). В коллекции ойратских рукописей Института языка и литературы АН Монголии этот текст значится под названием «*Oyun čiketü xān köbüüni touji orošibo*» (№ 293) [Gerelmaa 2005]. Еще один текст «*Ünengker törölkitü sayin xāni tuuji*» хранится в фонде ойратских рукописей Комитета по делам национальностей СУАР КНР (Шифр 0002).

Структура «Истории Унекер Торелкиту хана» выстроена по строго установленному буддийской традицией принципу. Вводная часть текста открывается обязательной формой выражения почтения одному из будд или бодхисаттв буддийского пантеона. Обычно с помощью этой формы определяется принадлежность произведения к той или иной категории текстов. Если текст относился к собранию Абхидхармы, то почтение выражалось Манджушри, если собранию сутр — буддам и бодхисаттвам. В синьцзянском списке рукописи почтение выражено бодхисаттве милосердия и сострадания Авалокитешваре («*Namo Lokhi šv ra ya*»).

Далее следует еще один обязательный элемент структуры подобных произведений, свидетельствующий о непрерывности традиции передачи слов Будды. Он звучит в виде неизменной формулы: «Так было мною услышано однажды» (*Eyin kemēn mini sonosuqsan nigen caqtu...*).

Повествование начинается с непосредственного обстоятельства, предшествовавшего тому событию в жизни Будды, во время которого он поведал историю о хане Унекер Торелкиту. Обычно в этом обязательном элементе для таких текстов всегда присутствует фраза о том, что Победоносный (санскр. *Bhagavān*; тиб. *bcom ldan 'das*, калм. *ilayun tögüsün üleqsen*) находился в определенном месте (*tabun-ni abuqči abaxui balyadiyin*). В данном случае Будда пребывал в созерцании (*maši ariluqsan mavraldu souxoi caqtu*).

Шесть тысяч бодхисаттв, проявлявших усердие в повторении пути Авалокитешвары, осознав тщетность пресечения привязанности к чувственному миру, не выслушав наставлений в методе постижения этого пути, обращаются с просьбой к Будде.

Будда, улыбнувшись в ответ на эту просьбу (*tende Ilayun tögüsün üleqsen buraxn mišin üyiledči*), дает краткое наставление (*ödüge tobčiyin tödüi üzülümüi*) в виде увлекательного повествования.

В основной части содержится собственно «История Унекер Торелкиту хана». В этом достаточно большом по объему, насыщенном по содержанию сюжете, поведенном Буддой, повествуется о том, как злые силы привели в упадок некогда процветавшее государство Унекер Торелкиту хана вследствие его привязанности к чувственному миру.

Основные действующие персонажи повести — Унекер Торелкиту хан (*Ünekēr törölkitü sayın xān*), его супруга Буяни Белгин Герел (*Buyani Belgeyin gerēl xatun*), их дети — принц Оюн Чикете (*Oyou čikitu xān küböün*) и принцесса Эрдени Абахай Цецек (*Erdeni abaxui ceseq xān okon*), воплощение пяти зол шулмуска Алала Пангака (*Alala pang ka*), глава шеститысячного собрания чиновников Аялгу (*Buyani dokō medeqči Ayolyu terigüülen zuryān mingyan tüšimel*). Повествование выстроено на основе сказочного сюжета «злая мачеха».

Весь текст насыщен буддийскими установками, раскрывающими устойчивое ядро и суть морально-этических норм буддийского учения. В содержании раскрываются те пороки, которые являются коренными препятствиями на пути духовного совершенства: неведение, гнев и вожделение. От страданий можно освободиться только собственными усилиями, преодолев неведение. За добрые деяния следует награда, за пороки — наказание. Регламентация поведения вытекает из желания вырваться из круговорота сансары и необходимости выбора своей будущей участи.

В заключительной части Будда объясняет бодхисаттвам, что в образе принца Оюн Чиките переродился сам Авалокитешвара, чтобы помочь всем существам сансары обрести истинный путь к конечной цели.

Таким образом, произведения, подобные «Истории Унекер Торелкиту хана», приобщали верующих к ценностям религиозной традиции, утверждали в их сознании буддийские добродетели. Однако народному сознанию недоступно и безразлично теоретизирование философского уровня, поэтому «История Унекер Торелкиту хана», обретая устную форму бытования, значительно утрачивает насыщенность буддийскими элементами. Нет в нем вступительного и заключительного «обрамлений», характерных для письменной версии. Собственно сам сюжет об Унекер Торелкиту хане составляет основу устной версии.

Известно два варианта этого произведения в устном изложении. Один вариант сказки под названием «*Умкэ Төрлт хан*» был записан в 1964–1965 гг. сотрудницей Калмыцкого НИИЯЛИ А. Ц. Бембеевой у известного сказителя Санджи Манжикова (*Манжисин Санжэ*).

При этом сам сказитель отмечает, что слышал эту сказку от старца по имени Ангарык (*Аңгрг*) [Хальмг туульс 1968: 247]. Второй вариант сказки «*Үнцкү Төрлкт хан*» был записан в Синьцзяне у сказителя Ки. Джуда и опубликован в журнале «*Xān Tenger*» в 1986 г. Сказитель также отмечает, что слышал эту сказку от своей бабушки [Naan Tengger 1986: 53].

Оба варианта не только значительно отличаются от письменной версии своим содержанием и языком изложения, но и разнятся между собой. По сравнению с калмыцкой сказкой, синьцзянский вариант более лаконичен по своему содержанию. В последнем текст более насыщен общими формулами, характерными для устных сказаний. В калмыцком варианте сказки есть одно интересное добавление от сказителя, в котором говорится, что человеку, желающему набраться разума, надо услышать «Историю Унекер Торелкиту хана», а желающему прослезиться «Историю Усень Дебескерту хана» (*Эн туужин тускар иим үлгүр бээдм: «Уха сурх күн», Умкә Төрлт хаана тууж»* “соңсхм, уульхан хээсн күн”, *Усн Девскртин тууж»* “соңсхмн»).

Упомянутый текст «Истории Усень Дебескерту хана» представляет собой произведение синкретического содержания, но относится к жанру поучений (*сургаала*). Он также имел широкое распространение в письменном виде. Известны и устные сказания об Усень Дебескерту хане.

Одно сравнение имен основных персонажей «Истории Унекер Торелкиту хана» показывает насколько изменился письменный текст при переходе в устную форму.

« <i>Ünengker törölkitü sayin xāni tuuji</i> » (СУАР КНР)	« <i>Үмкә Төрлт хан</i> » (<i>Манжсин Санжэ</i>)	« <i>Үнцкү Төрлкт хан</i> » (Ки. Джуда)
<i>Ünekēr Törölkitü Sayin xān</i> <i>Buyani Belgeyin gerēl xatun</i> <i>Oyou Čikitu xān küböün</i> <i>Erdeni Abaxui Ceceq okon</i> <i>Alala pang ka</i> <i>Ayolyu tüšimel</i>	Үмкә Төрлт хан Цаһан Теңгрин күүкн Аю Чикт Авх Цецг окн Алала Бембг шулм Аюк түшмл	Үнцкү Төрлктә хан Буйн Өөжрк хатн Оюн Чикн Авх Цецг окн Ягц Бәрм адглач Аюңһа ик түшмл

Несмотря на то, что в текстах двух сказочных сюжетов отсутствуют явные буддийские установки, тем не менее в них имманентно наличествуют элементарные базовые идеологемы, которые лежат в основе представлений мирянина: воздаяние и обретение благого рождения. Поэтому произведения подобного рода, с одной стороны, представляют собой художественное явление, а с другой — выступают как религиозная проповедь. Такую стабилизацию традиционных установок буддийского учения можно констатировать на основе анализа известных произведений подобного рода.

Тексты двух устных вариантов сказки представляют особый интерес с точки зрения исследования изменения языка в синхронном аспекте. Как уже упоминалось, калмыцкий вариант сказки был записан в 1964–1965 гг. Сказитель же усвоил этот текст в молодости от старца Ангарык. Таким образом, текст этой сказки отражает состояние калмыцкого языка первой половины XX в. При сравнительном анализе с текстом подобных сказочных сюжетов, записанных в последней четверти XX в., можно будет проследить снижение функциональной активности языка. Еще более интересный материал представляет синьцзянский вариант сказки. Сказитель также отмечает, что усвоил этот текст в молодости от своей бабушки, т. е. и в этом случае мы имеем текст, отражающий состояние языка синьцзянских калмыков в первой половине XX в. Известно, что сказка была опубликована в 1986 г. Именно в это время синьцзянские калмыки отказались от активного использования «ясного письма» в школе и перешли на монгольскую письменность. За прошедшие тридцать лет выросло целое поколение, которое не знает «ясного письма» и наблюдается заметное влияние монгольского языка. Поэтому текст данной сказки обретает значимость и с точки зрения письменной фиксации живой речи синьцзянских калмыков в том виде, в каком она бытовала полвека назад.

Стоит отметить и еще один интересный факт. Несмотря на некоторое сюжетное различие этих двух вариантов одной сказки, их сближает не только один письменный источник, но, прежде всего, язык изложения. Он свидетельствует о том, что даже по прошествии трехсот лет раздельного существования некогда единого народа язык не претерпел заметных изменений. Это фундаментальное

свидетельство того, что его сохранению способствовали общие для двух частей одного народа письменные и устные источники, к которым относится и представленный нами текст.

Литература

- Меняев Б. В.* Ойратский перевод истории одного деяния Будды // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 11–17.
- Очиров Н.* Живая старина. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 327–328.
- Ольденбург С. Ф.* Жизнь Будды индийского учителя жизни // Пять лекций по буддизму. Самара: Агни, 1998. С. 8–40.
- Раднабхадра.* Лунный свет. История рабджамбы Зая-пандиты. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 176 с.
- Санджиев Ч. А.* Ойратский перевод буддийской притчи «Будда и брахман» // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 17–22.
- Топоров В. Н.* «Дхаммапада» и буддийская литература // Дхаммапада. Новосибирск: Сogласие, 2003. С. 3–4.
- Хальмг туульс.* II боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1968. С. 239–247.
- Яхонтова Н. С.* Ойратские рукописи и ксилографы в собрании Института восточных рукописей // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 5–24.
- Galdan Do.* Тууџи үлигер-үн емкидегел. Šinjijang-un arada-un keblel-un хорџи-а, 2014. С. 106–127.
- Haan Tenggeri.* 1986. № 4. С. 41–53.

References

- Galdan Do. Тууџи үлигер-үн емкидегел. Šinjijang: Šinjijang-un arada-un keblel-un хорџи-а, 2014. Pp. 106–127. (In Mong.)
- Haan Tenggeri. 1986. No. 4. Pp. 41–53. (In Mong.)
- Kalmyk Fairy Tales. Vol. II. Elista: Kalm. Book Publ., 1968. Pp. 239–247. (In Kalm.)
- Menyaev B. V. Oirat Translation of the History of One Buddha Act. In: The World of “Clear Script”. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2009. Pp. 11–17. (In Russ.)
- Ochirov N. Living Old Times. Elista: Kalm. Book Publ., 2006. Pp. 327–328. (In Russ.)
- Oldenburg S. F. Life of Buddha, an Indian Teacher of Life. In: Five Lectures on Buddhism. Samara: Agni, 1998. Pp. 8–40. (In Russ.)
- Radnabhadra. Moonlight. History of Rabjamba Zaya Pandita. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Russ.)
- Sandzhiev Ch. A. Oirat Translation of the Buddhist Parable “Buddha and Brahman”. In: The World of “Clear Script”. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2009. Pp. 17–22. (In Russ.)
- Toporov V. N. “Dhammapada” and Buddhist Literature. In: Dhammapada. Novosibirsk: Soglasie, 2003. Pp. 3–4. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. Oirat Manuscripts and Woodcutters in the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts. In: The World of “Clear Script”. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2014. Pp. 5–24. (In Russ.)

О текстах буддийских молитв покаяний*

About the Texts of Buddhist Prayers of Repentance

Б. А. Бичеев (B. Bicheev)¹

Е. В. Бембеев (E. V. Bembeev)²

¹ доктор философских наук, заведующий отделом письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: baazr@mail.ru.

Ph.D. in Philosophy (Doctor of Philosophical Sciences), Head of Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: baazr@mail.ru.

² кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: galdma@yandex.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Senior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: galdma@yandex.ru.

Аннотация. Молитвы покаяния представляют собой особые буддийские практики, которые, по сути, сродни принятию обета отречения от совершения пагубных деяний, что позволяет личности избавиться от негативных последствий в будущем. Такие тексты содержат большой пласт понятий и терминов, потерявших свое употребление в современном калмыцком языке. В содержании молитв покаяний выражены базовые основы философии и этики буддийского учения. Такие тексты дают обширный материал для их междисциплинарного исследования.

Ключевые слова: Будда, бодхисаттва, молитва, покаяние, прегрешение, благодеяние, рукопись, текст.

Abstract. Prayers of repentance are special Buddhist practices. In fact, they are similar to the adoption of the vow of renunciation from committing any harmful acts which allows an individual to get rid of negative consequences in future. Such texts contain a large layer of obsolete concepts and terms not to be met in modern Kalmyk. The content of the prayers of repentance express the fundamentals of Buddhist philosophy and ethics. Such texts provide ample materials for further interdisciplinary research.

Keywords: Buddha, Bodhisattva, prayer, repentance, sin, benefaction, manuscript, text.

---

* Исследование осуществлено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00308.

Согласно воззрениям буддизма, ни одно деяние, совершаемое личностью, не является абсолютно греховным или благом. Главным фактором в определении содержания конкретного поступка выступает мотивация, которой руководствуется личность, совершая то или иное деяние [Далай-лама 2016: 98]. Осознание соответствия или несоответствия своего поступка установленным нормам происходит посредством молитв покаяния перед сонмом будд и бодхисаттв. Такая молитва является не сиюминутным раскаянием в содеянном проступке, а глубоким размышлением о его причинах и следствиях. Таким образом, молитва-покаяние — это своего рода принятие обета, решительное отречение от совершения неблагих деяний в будущем, что позволяет личности избавиться от последствий пагубных деяний, совершенных им как в этом, так и в предыдущих рождениях.

О существовании в буддийских монастырях особого обряда покаяния в совершенных грехах *сочжонг* (монг. *sanvari selbin jasaqui*) пишет А. М. Позднеев в своем труде «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу» (1887 г.). Он выделяет следующие специфические особенности этого молебна.

1. Покаяние в грехах совершается во всех буддийских монастырях 15 и 30 числа каждого месяца.

2. В молебне принимают участие только монахи, принявшие обеты гэцуля, гэлуна и бодхисаттв.

3. Для обряда покаяния используется особое монашеское одеяние (*номту дэбэл*) и молитвенный коврик (*дэбискэр*), предназначенные только для этого молебна.

4. Призыв к началу молебна осуществляется особым способом при помощи ударов в четырехугольное бревно (*ганьди*).

5. Молебен начинается с общего чтения восхваления будд и бодхисаттв, а затем следует покаяние соответственно уровню принятых обетов.

6. Каждый монах присутствует лишь на той части молебна, которая соответствует принятой им степени посвящения.

Как пишет А. М. Позднеев, ему не удалось присутствовать при совершении этого молебна, поскольку, согласно установленной

традиции, он совершается в полной тайне [Позднеев 1887: 370]. Само обрядовое действие, по его мнению, больше похоже на повторное принятие обетов и отречений: «...ламы, как бы считая себя преступившими все обеты, прочитывают их все сполна и таким образом признают за собою действительными грехи, сделанные и неделанные; вот почему мне и кажется, что хуралу этому гораздо ближе подходит название не „нигүл’и наманчилаху“ т. е. раскаяние в грехах, а утвердившееся, по видимому, в последнее время „санвारी сэльбин засаху“, т. е. обряд возобновления (=вторичного произнесения) обетов» [Позднеев 1887: 347].

Далее А. М. Позднеев отмечает, что завершается *сочжонг* общим чтением «тэвчила» (отречения). Дополнительной информацией к содержанию обрядового молебна *сочжонг* являются тексты молитв-покаяний, известные под общим названием *unalıyın namančilalıya* (покаяние в проступках) и *kilince namančilaxui sudur* (покаяние в прегрешениях). Из наиболее известных и распространенных подобного вида текстов следует назвать следующие сочинения: «*Coqtu zandan oroşiboi*», «*Bodhi sadv-yin unal namančilaxui oroşiboi*», «*Zuryan barimidiyin suduriyin ayımaq oroşibai*», «*Kilnce namčilxuyın altan üsün xutaya*», «*Xutuqtu xamuq kilince unal namačilxu sudur oroşiboi*».

А. М. Позднеев упоминает об обязательном совершении обряда покаяния *сочжонг* и чтении особой молитвы *Coqtu zandan*¹ перед принятием обета гэлунa [Позднеев 1887: 141].

Содержание «*Coqtu zandan*» состоит из нескольких разделов. Как правило, тексты подобного вида бывают жестко структурированы [Бичеев 2013: 12]. Традиционно они начинаются с формулы выражения почтения тому или иному будде и принятия прибежища в Учителе-наставнике и Трех драгоценностях (Будда, Учение, Община). Не является исключением и текст «*Coqtu zandan*».

xamuqi-yi ayıladuqçi blamayın ölmüdü bişiren mürgümüi:
xamuq amitan nasu ürgüljide blama-du itegemüi=

¹ При анализе содержания *Coqtu zandan oroşiboi* на «ясном письме» использовались два текста. Одна рукопись из Российской национальной библиотеки (Ф. 918), вторая — из Королевской библиотеки Дрездена (Verz. 412).

burxan-du itegemüi=
nom-du itegemüi=
bursang xuvaraḡ-tu itegemüi=.

‘К стопам всеведущего Будды с благоговением преподаю!
Все существа во все времена преклоняются Учителю-наставнику,
Преклоняются Будде,
Преклоняются Учению,
Преклоняются Общине’.

Далее следует поклонение сонму будд и бодхисаттв десяти сторон сансары. Собственно эта первая часть сочинения, завершающаяся просьбой ко всем буддам и бодхисаттвам десяти сторон сансары внять молитве покаяния, составляет половину текста «*Coḡtu zandan*».

arban zügiyin xamugiyin yertüncüyin oron-du ilayun töḡüsün üleḡsen
töḡünčilen boluḡsan dayini darun sayitur dousuḡsan burxad ali kedüi
soun-yin tālaxui xamuḡ ilayun töḡüsüḡsen burxad namai ayıldun soyirxo

‘Все сколько бы и где бы ни пребывающие во всех мирах десяти сторон Победоносно Прошедшие, таким образом ставшие, Победившие свои страсти, Совершенные будды, все Победоносные будды соизвольте услышать меня’.

Затем выражается раскаяние во всех и по отдельности в каждой из пагубных деяний, совершенных личностью в безначальной цепи рождений в сансаре. Особо выделяются «пять проступков» (*tabun zabsar ügei üyile*) и десять прегрешений (*arban xara üüliyin mör*), которые ведут к неблагоприятным формам рождения. Осознание этого приводит личность к необходимости принять перед сонмом будд и бодхисаттв твердый обет отречения от совершения пагубных деяний в будущем.

zayāni tüyidkēr ali bui: tede büḡüdei-gi ilayun töḡü=sün üleḡsen belge
bi=liḡ boluḡsan nidün boluḡ=san: gereči boluḡsan: kemjil boluḡsan:
ayila=duḡsan üzeḡsen burxan tedeni nidüni ömönö gemšin namančilamui:
ülü darun ülü nuumui: xoyišodu ču tasulun bön üyiledümüi: xamuḡ ilayun
töḡü=süḡsen burxad namai ayiladun soyirxo

‘Во всех, каких бы то ни было проступках, [совершенных в] цепи рождений, раскаиваюсь перед очами Победоносно прошедших, Об-

ретших око запредельной мудрости будд, засвидетельствовавших и определивших, увидевших и внявших [мои прегрешения]. Не стану скрывать и утаивать. В будущем стану пресекать и отказываться [от неправедных деяний]. Все Победоносные будды соизвольте услышать меня’.

Завершается молитва медитативным подношением сонму будд и бодхисаттв накопленных личностью результатов своих благих деяний.

mürgün takin namančilan daxan bayasun dura=dun zalbariqsan buyan üčüüken mini yambar xurāqsan: xamugi dousuqsan yeke bodhi-du irōmüi

‘Все накопленные поклонениями, подношениями, раскаянием, сорадованием и молитвами мои пусть и малые благодеяния, посвящаю достижению совершенного великого просветления’.

В рукописи из Королевской библиотеки Дрездена сохранился колофон, в котором сообщается, что перевод данного текста с тибетского языка был выполнен Зая-пандитой по просьбе нойона Джодвы.

ene unaliyin namančilalyuyigi

xaril ügei süzüq-tü Jodpa duraduqsandu

xamugi-yin itegel šakyayin gelong Oqtoruyin dalai rabjam Zaya:

töbödiyın kelen-ēce mongyolčilabui=

‘Эту «Молитву покаяния»

по просьбе неотступного в вере Джодвы

с тибетского языка на монгольский перевел

буддийский монах Октургуин далай рабджамба Зая’.

Второй текст «*Bodhi sadv-yin unal namančilaxui orošiboï*» («Покаяние в прегрешениях бодхисаттвы»), несмотря на свое название, по своему содержанию идентичен с текстом «*Coqtu zandan*». Есть лишь расхождения в написании слов и имен будд и бодхисаттв, возникшие в ходе переписки текста. Для сравнения приведем текст колофона.

ene unaliyin namančilalaya-yi

xarin ügei süzüqtü Jodpa duraduqsan-du

xamugiyin itegel šakyan gelong

oqtoruyin dalai kemēkü toyin orčiulbui

töbödi-yin kelen-ēce mongyoli-yin kelen-dü=.

‘Эту «Молитву покаяния»
по просьбе неотступного в вере Джодвы
буддийский монах тойн Октургуин далай
перевел с тибетского языка на монгольский язык’.

А. М. Позднеев, упоминая о *сочжонге*, отмечает, что сама служба открывается общим чтением йорялов (благопожеланий) буддам. Непосредственно сам обряд покаяния начинается с чтения краткой молитвы просьбы к буддам и бодхисаттвам десяти сторон, «в которой просят их принять покаяние» [Позднеев 1887: 347]. По всей видимости, речь идет о чтении текста «*Coqtu zandan*» или «*Bodhi sadv-yin unal*».

В отличие от вышеупомянутого сочинения «*Coqtu zandan*» текст молитвы под названием «*Zurγan barimidiyin suduriyin ayimaq orošibai*»¹ принципиально отличается от него по своему содержанию. Молитва построена по принципу непосредственного обращения к Учителю-наставнику, поэтому каждая строфа завершается просьбой о спасении (*namai ibēn soyirxo: blama mini:*).

Сам текст традиционно открывается формулой принятия прибежища в Учителе-наставнике и Трех Драгоценностях. Но, в отличие от первых текстов, здесь формула прибежища звучит в несколько ином виде.

Далее следует шесть строф раскаяния в растрате благих накоплений каждой из шести парамит — даяния (*öqligiiyin ači*), нравственности (*šağšabidayin ači*), терпения (*külicenggüyin ači*), усердия (*kicenggüyin ači*), медитации (*samidiyin ači*) и мудрости (*biligiiyin ači*). Указывается причина и возможные последствия в результате несоблюдения шести парамит. Завершает каждую строфу обращение к Учителю-наставнику с просьбой о спасении нерадивого ученика. К примеру, причиной нарушения парамиты даяния является скудность, что ведет к рождению претом.

*γayixamšiqtu öqligiiyin ači meden bögötölö
xarmiyin tömör čödör-yēr batudu küliüqdün=*

¹ При анализе содержания «*Zurγan barimidiyin suduriyin ayimaq orošibai*» на «ясном письме» использовались три текста. Одна рукопись из личной коллекции Сурэнг ламы (Монголия), вторая — из личной коллекции Сайнцога (Синьцзян). Третья рукопись хранится в хуруле п. Бага-Чонос (Республика Калмыкия).

*yasalang-tu birid-tü töröküyin körönggüi sacabai=
yaslang-tu namai ibēn soyirxo= blama mini=.*

‘Сознавая заслуги прекрасного даяния,
сковав себя накрепко железными путами скупости,
страдающим претом родиться посеял я семя,
страдающего меня спасти соизволь, мой Учитель’.

Затем вновь повторяется раскаяние в каждой из шести парамит, но в несколько иной форме. К примеру, повторная строфа о парамите даяния звучит следующим образом:

*xarm yekedüqsen-yēr ögö-ligüyin kürönggüi xatabā
xanun jīraγaya kemēqser blama tani youyān martabā=
yasalanggiyin taladu küliqdeqsen küböün-yēn
xayirlun küleseni taslun soyirxo blama mini=.*

‘Взрастив власть скупости, опустошил я казну даяния,
возжелав блаженства, забыл я о вас, мой Учитель,
опутанного тьмой страдания сына своего,
освободить от черных пут соизволь, мой Учитель’.

Завершается покаяние формулой раскаяния во всех шести парамитах и обращением к Учителю-наставнику с просьбой о спасении. Сам текст молитвы завершается восхвалением Учителя-наставника, который на пути к обретению просветления уподобляется отцу и матери, светильнику во тьме и спасительной тропинке в непроходимом болоте.

Еще один текст молитвы покаяния известен под названием «*Kilnce namčilxuyin altan üsün xutaya*»¹. Другие списки этой же молитвы имеют более пространное название «*Xutuqtu xamuiq kilince unul namačilxu sudur orošibo*», «*Tamuyigi xourai bolyoqči altan ildü kemēkü sudur orošibo*». Тем не менее краткое название всех четырех списков в самом тексте звучит одинаково — «*Xamuiq kilince namančilaxu sudur*». Несмотря на общую близость по своему со-

¹ При анализе содержания «*Kilnce namčilxuyin altan üsün xutaya*» на «ясном письме» использовалось четыре текста. Одна рукопись из личной коллекции Гончик ламы (Монголия), вторая — из коллекции ойратских рукописей Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), третья — из Королевской библиотеки Дрездена (Verz. 503-A), четвертая рукопись — из монастыря Рашигончеглин (Ховд, Монголия).

держанию к вышеупомянутым молитвам покаяния, последний текст имеет свои отличительные особенности. Во всех списках указано название произведения на санскритском, тибетском и ойратском языках. Текст молитвы традиционно предваряет формула выражения почтения всем буддам и бодхисаттвам.

Вербально обозначается совершаемое подношение буддам, готовность к исповеди и сорадованию благим деяниям, выражается просьба к буддам продолжать «вращение колеса учения» и не уходить в нирвану.

Далее следует поклонение сонму будд и бодхисаттв, которое собственно и составляет большую часть содержания этого текста. Следует отметить, что имена будд и бодхисаттв, указанные в этом сочинении разнятся с именами будд и бодхисаттв текста «*Coqtu zandan*». После выражения поклонения определенной части будд следует пояснение о том, что произнесение, написание, чтение, ношение амулета с именами этих будд, поклонение им устраняет все препятствия, гарантирует рождение в чистой земле Сукхавати, достижения состояния будды в благополучном мире.

Все последующие формулы поклонения дополнены конкретными результатами, которые последуют вследствие почитания того или иного будды и бодхисаттвы. К примеру, сила почитания Будды Драгоценного лунного сияния способна наполнить сиянием и рассеять в пыль тьму ада.

В заключительной части молитвы высказывается пожелание обрести связь с этим текстом всем живым существам, которые в период упадка нравственности настойчиво будут проявлять усердие в благих деяниях.

Представленные тексты содержат большой пласт религиозной лексики. Многие понятия и термины потеряли свое употребление в современном калмыцком языке вследствие разных причин, в том числе и из-за снижения функциональной значимости родного языка. На современном этапе возрождение языка без восстановления такого рода лексики представляется практически невозможным. Семантическое содержание текстов молитв покаяний позволяет понять базовые основы философии и этики буддийского учения. По сути, для глубокого понимания ценности каждого из этих текстов

необходим обширный комментарий специалистов. Таким образом, можно констатировать, что тексты молитв покаяний дают богатый материал для их междисциплинарного исследования.

Литература

Бичеев Б. А. Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Багамай-хатун»). Факсимиле рукописей. Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии Б. А. Бичеева. Элиста: КИГИ РАН, 2013. 248 с.

Далай-лама. Больше, чем религия. Этика для всего мира. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2016. 224 с.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб: Тип. Императорской Академии наук, 1887. 492 с.

References

Bicheev B. A. Oirat Version of “The Stories of White Tara” (“The Stories of Bagamai Khatun”). A facsimile of manuscripts. B. A. Bicheev (transl. comment., research). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2013. 248 p. (In Russ.)

Dalai Lama. More than Religion. Ethics for the Whole World. Moscow: Foundation “Save Tibet”, 2016. 224 p. (In Russ.)

Pozdneev A. M. The Essays of Everyday Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in their Connection to People. St. Petersburg: Print. shop of Imperial Academy of Sciences, 1887. 492 p. (In Russ.)

Современное бытование калмыцкого языка сквозь призму фольклорной традиции (на материале записей Т. С. Тягиновой)

The Contemporary Existence of the Kalmyk Language from the Perspective of Folklore Tradition (evidence from records of T.S. Tyaginoва)

*Б. Б. Горяева (B. B. Goryaeva)*¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: baira79@yandex.ru.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Senior Research Associate, Department of Folklore Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: baira79@yandex.ru.

Аннотация. В данной работе рассматривается язык фольклорных записей сквозь призму носителя определенного диалекта калмыцкого языка. Диалектный лексический пласт в языке сказительницы Т. С. Тягиновой отличается небольшим тематическим разнообразием, что свидетельствует о том, что язык информанта не носит ярко выраженного диалектного характера, но, тем не менее, они участвуют в формировании языковой картины мира этноса. Дальнейший анализ с привлечением более обширного фольклорного материала, записанного среди разных субэтнических групп калмыцкого народа, откроет новые аспекты изучения объединений локально окрашенной лексики как источника сведений о фрагментах региональной языковой картины мира.

Ключевые слова: калмыцкая сказка, диалект, записи фольклора, полевые записи, региональная языковая картина мира.

Abstract: The paper examines the language of folklore records from the perspective of a certain Kalmyk dialect speaker. Thematically, the dialectal lexical layer in the word-stock of the tale-teller T.S. Tyaginoва is not that diverse which testifies that the informant's language is not actually too dialectal by nature but still such lexis does influence the formation of the linguistic world-image of the ethnos. Further analyses with evidence from vast folklore materials recorded among the various Kalmyk sub-ethnic groups shall reveal new aspects in the studies of clusters of local lexis as a source of data about fragments of the regional linguistic view of the world.

Keywords: Kalmyk fairy tale, dialect, folklore records, field data, regional linguistic view of the world.

Калмыцкий язык (ойрат-калмыцкий язык) один из государственных языков Республики Калмыкия. Распространён также в Астраханской, Ростовской областях России, в Киргизии (район озера Иссык-Куль); небольшие группы носителей калмыцкого языка проживают также в Западной Европе и США (штат Нью-Джерси, Филадельфия). Общее число говорящих на калмыцком языке порядка 160 тысяч человек (2008, оценка), в том числе в России 153,5 тысяч человек (2002, перепись), в США не более 3 тысяч человек. Калмыцкий язык относится к северной группе монгольских языков. Имеет 3 говора – дербетский (дэрбэтский), торгутский и бузавский (донских калмыков) [Пюрбеев 2016].

Дербетский говор, наряду с торгутским и бузавским, представляет современное бытование калмыцкого языка [Котвич 1929; Убушаев 2006 и др.]. По мнению академика Б. Я. Владимирцова, хошуты Западной Монголии по языку принадлежат к говору алтайских торгутов, а хошуты с Волги — к говору астраханских торгутов [Владимирцов 1929]. Калмыцкие исследователи Д. А. Павлов [1968] и А. Ш. Кичиков [1963] также считали, что язык хошутов можно отнести к торгутскому говору.

Лексиколог Э. Ч. Бардаев считает, что в калмыцком языке существует четыре говора: дербетский говор (багадербетский, икидербетский и бузавинский подговоры), торгутский говор, оренбургско-уральский говор и говор иссык-кульских калмыков [Бардаев 1985: 100]. В основу литературного языка калмыцкого народа положены дербетский и торгутский говоры, имеющие несущественные отличия от бузавского [Омакаева 2010: 380].

Изучение говоров калмыцкого языка начато исследованием Н. Очирова в начале XX в. [Очиров 1910]. При этом недостаточно выявлены различия, характерные для его территориально-языковых разновидностей, о чем уже не раз отмечалось. Описаны некоторые их специфические черты на разных уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом [Котвич 1929; Кичиков 1963; Павлов 1968; Тенишев 1976; Убушаев 2006 и др.]. В рамках создания Национального корпуса калмыцкого языка описаны пометы, которые позволяют разграничивать материал для исследования общего и индивидуального, нормы и регионального узуса [Куканова, Очирова 2012].

Следует отметить словарь «Kalmükisches Wörterbuch» Г. Й. Рамстедта, являющийся на данный момент наиболее полным собранием калмыцкой диалектной лексики, так как многие лексемы сопровождаются пометами *D*, *T*, *Tw*, передающими принадлежность слова тому или иному говору калмыцкого языка [Ramstedt 1976]. Диалектологический материал включает более 1 405 лексических единиц, из которых 540 слов принадлежат дербетскому говору, 66 лексических единиц — торгутскому говору [Агуляева 2015].

Исследованию лексики калмыцких народных сказок, ее систематизации и классификации по лексико-семантическим группам, а также выявлению диалектных особенностей языка калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, в период их бытования в начале прошлого века посвящена работа Т. В. Бураевой [2006].

В статье «Диалектная лексика в сказках как отражение региональной языковой картины мира» авторами проведен комплексный анализ ряда лексических объединений локально окрашенных слов в текстах сказок в записи Г. Й. Рамстедта [Баянова и др. 2015].

В настоящей работе нами предпринята попытка рассмотрения современного бытования калмыцкого языка сквозь призму фольклорной традиции на материале записей сказительницы Т. С. Тягиновой (19.11.1930 г. р.). Она с детства усваивала от родителей и других знатоков фольклорную традицию калмыков. Отец Таисии Сакиловны — Сякилов Тягн Шолдырович (1892–1942), торгут, родом из Эркетеневского улуса Ики-Цохуровского аймака, слушая сказителей и джангарчи, которых приглашали состоятельные калмыки, усвоил устную традицию народа, исполнял песни эпоса «Джангар». Мать сказительницы, Байрха Тягинова (1899–1973), искусно играла на домбре, исполняла протяжные песни, была знатоком народного устно-поэтического творчества. Материалом исследования послужили образцы калмыцкого фольклора из репертуара сказительницы Т. С. Тягиновой, опубликованные в серии «Сокровища предков» («Өвкнрин зөөр»), которая знакомит с устной традицией, освещает отдельные вопросы этнографии калмыцкого народа [2011].

На фонетическом уровне дифференциальные черты говоров следующие: наличие в дербетском гласных [o], [ø] перед губно-губными согласными, в торгутском — [y], [y] [Кичиков 1963];

употребление узкого огубленного [y] вместо торгутского [и] [Убушаев 2010]. В исследованиях ученых отмечается, что гласный [э] в калмыцких говорах является новой фонемой, так как ни старописьменный монгольский язык, ни старописьменный ойратский язык не имеют специального знака для этой фонемы. Орфографически гласный [э] на «ясном письме» передавался через букву [а] в сочетании внутри слова со знаком [і] в последующих слогах: например, *bari-* — *бар-* (‘держать’) [Убушаев 2010: 26]. Видимо, этим фактом можно объяснить употребление гласного [э] сказительницей Т. С. Тягиновой в словах исторически писавшихся с [а] и последующим звуком [і]: например, *һәңнүлх* сравните с *һаңных* ‘выть, визжать’ [КРС 1977: 157]; *хәңцкәд* ср. *ханьцх* ‘быть в близких (дружественных) отношениях с кем-л.’ [КРС 1977: 576]; *әәлтә* ср. *ааль* ‘каприз’ [КРС 1977: 18]; *хәлсн* ср. *хальсн* ‘оболочка, кожица, кожура’ [КРС 1977: 572]; *хәнәхл* ср. *ханях* ‘кашлять’ [КРС: 576]; *әнһкәд* ср. *аньх* ‘зажмуривать’ [КРС 1977: 44]; *әрәхә* ср. *араха* ‘рагу (мифическое чудовище)’ [КРС 1977: 46]; *хәльмгин* ср. *хальмг* ‘калмык’ [КРС 1977: 572]; *хәтәр* ср. *хатяр* ‘редкий’ [КРС 1977: 584]; *әнәтә* ср. *анята* ‘редкий’ [КРС 1977: 44]; *әльхн* ср. *альхн* ‘ладонь’ [КРС 1977: 39]; *тәнәд* ср. *таньх* ‘узнавать’ [КРС 1977: 477].

Также исследователями наблюдается образование [э] из среднего гласного [э], например, *темән* — *тәмән* (‘верблюд’), *тек* — *тэк* (‘козел’), *сек* — *сэк* (‘открывать’). Вышеуказанные фонетические особенности торгутского говора можно отметить в языке сказительницы Т. С. Тягиновой, также встречаются случаи употребления гласного [э] вместо среднего гласного [э]: *тэк*, *тәмән*, *сэк*.

Гласный [э] соответствует звуку, обозначенному буквой [e] в «ясном письме», ср.: *erken* ‘порог’, *serikü* ‘просыпаться’, *netür* ‘укрытие’ — современное написание *эркн*, *серх*, *непр*. Старописьменная гласная [e] в калмыцких говорах соответствует звуку, который нередко оказывается под влиянием последующих гласных и переходит в [ø], [y], [и] старописьменного ойратского языка (ойр. *ebügen* ‘старик’, *ebül* ‘зима’, *eşigei* ‘войлок’; торг. *өвгн*, *үвл*, *ишкә*; дерб. *өвгн*, *өвл*, *ишкә*; буз. *эвһн*, *эвл*, *ишкә*). Указанное влияние последующих гласных на гласный [э] в языке Т. С. Тягиновой можно проследить на следующем примере: *өндр* ср. *эндр* ‘сегодня’, старописьменный ойратский *ene ödör*.

Лексические особенности торгутского говора являются довольно значительными. Из лексических диалектизм, встречающихся в языке сказительницы, можно отметить следующие: *баав* ‘мать’, *баажа* ‘отец’, *элк* ‘какой’, *элд* ‘где’, *элдэрэн* ‘куда’ и др.

Среди приведенных примеров следует отметить лексику *баав*, которая в торгутском говоре имеет значение 1) мама; 2) тетя (по отцовской линии), а в дербетском — ‘отец, папа’, и лексику *баажа*, имеющую значения 1) отец; 2) дядя; 3) старший брат [КРС 1977: 71].

При образовании множественного числа с основами на гласный звук наиболее употребителен аффикс *-с* в торгутском говоре, который нередко заменяет *-д* дербетского и бузавского говоров. Нами отмечены следующие случаи употребления аффикса *-с* множественного числа: *унһс*, *эмтс*.

Система склонения говоров калмыцкого языка, в отличие от литературного калмыцкого, имеет свои особенности. Аффиксы родительного падежа зависят от конечного звука основы и сингармонической рядности. Аффикс *-э* более свойствен дербетскому говору, аффикс *-ан (-эн)* — торгутскому. Последний аффикс употребляется со словами, оканчивающимися на краткий (неясный) гласный и согласный, кроме *-н*. В рассматриваемом материале нами отмечена форма родительного падежа с аффиксом *-ан (-эн)*. Например, *саран* ‘месяца’, *Бадман* ‘Бадмы’, *гөлмән* ‘сети’, *күрнән* ‘хорька’, *захан* ‘воротника’, *эцкә* ‘отца’, *үдән* ‘полудня’.

На сегодняшний день в торгутском диалекте калмыцкого языка можно отметить сохранение формы *öde* ‘вверх, к’ направительного падежа старописьменного ойратского языка в виде аффикса *-ад (-эд)*, ср. *ūla öde* (к горе) — *уулады*; *gere öde* (к дому) — *гэрәде* [Убушаев 2010: 17]. На материале фольклорных произведений из репертуара Т. С. Тягиновой нами также зафиксирована указанная форма направительного падежа — *герэдән* ‘к своему дому’.

Фонетические и грамматические особенности торгутского говора, отраженные в языке Т. С. Тягиновой, указывают на территориальную отнесенность диалектной лексики. Локально окрашенные лексемы с достаточной степенью достоверности выявляют различные сегменты действительности.

Основной пласт локально окрашенной лексики, использованной информантом, образует две основные лексико-тематические группы

(далее — ЛТГ): «Природа» и «Человек». Распределение лексем по ним не является равномерным. Систематизация данной лексики во многом определена особенностями сегментации внеязыковой действительности, а также своеобразием конкретно-чувственного образа-представления, связанного в сознании диалектоносителей с реалиями территорий, на которых кочевали предки калмыков — ойраты, иначе западные монголы, издревле обитавшие в Джунгарии и западных областях Монголии.

Локально окрашенные лексические единицы идеографической группы «Природа», извлеченные из текстов, составляющих репертуар сказительницы, покрывают область животного мира. «Животный мир» составляют лексико-семантические группы (далее — ЛСГ):

- «птицы», «части тела птиц»: *богшуда* ‘воробышек’ ср. с общепринятым *богшурһа* воробей [КРС 1977: 103]; *хүмэ* ‘крыло’ ср. с *живвр* [Краткий русско-калмыцкий словарь 1969: 226].
- «дикие животные»: *бабуха* ‘летучая мышь’ ср. *бавуха* [КРС 1977: 73].

Диалектные лексические единицы по теме «Человек», представленные в рассмотренных образцах фольклора, характеризуют человека с точки зрения родственных отношений (чаще классифицирующая лексика), здоровья — нездоровья. В ЛТГ «Человек» выделяется микрогруппа «Семейные отношения»: *баав* ‘мать’, *баажа* ‘отец’.

Тексты из репертуара сказительницы содержат пласт диалектной лексики медицинской тематики, относящейся к наименованиям больных, номинации болезней. Данную ЛСГ составляют следующие лексемы:

- «болезни»: *хоохр гем* ‘оспа’ ср. *цецг гем*, *цоохр гем* [КРКС 1969: 331],
илжрң шарх ‘ветряная оспа’ ср. *цаһан алхц* [КРКС 1969: 71];
киилг ‘краснуха’ ср. *торһн киилг* ‘а) корь, б) краснуха’ [КРС 1977: 298], *халун дөрдг* ‘тиф’ ср. *кижг* 1) эпидемия, заразная болезнь, 2) тиф [КРС 1977: 298] и *көртгә халун гем* ‘сыпной тиф’ [КРС 1977: 319];
хальдвртә гем, *му гем* ‘заразная болезнь’ ср. *кижг* 1) эпидемия, заразная болезнь [КРС 1977: 298] и *хальдврта гем* [КРКС 1969: 171]

- «названия больных людей»: *гемэр гемнш* ‘болезнью заболевший’, *гемтэ* ‘больной’.

Диалектный лексический пласт в языке сказительницы Т. С. Тягиновой отличается небольшим тематическим разнообразием, что свидетельствует о том, что язык информанта не носит ярко выраженного диалектного характера, но, тем не менее, они участвуют в формировании языковой картины мира этноса. Дальнейший анализ с привлечением более обширного фольклорного материала, записанного среди разных субэтнических групп калмыцкого народа, откроет новые аспекты изучения объединений локально окрашенной лексики как источника сведений о фрагментах региональной языковой картины мира.

Литература

Агуляева Б. С. Изучение калмыцких говоров // Смалта. Публикации начинающих исследователей / Publications beginners. 2015. № 2. С. 95–97.

Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста, 1985. 154 с.

Баянова А. Т., Бутаева А. О., Горяева Б. Б., Куканова В. В. Диалектная лексика в сказках как отражение региональной языковой картины мира (на материале записей Г. Й. Рамстедта) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XV Всероссийской научной конференции, проводимой в рамках IV Всемирного курултая башкир и посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Ф. Г. Хисамитдиновой (Уфа, 19–21 ноября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 37–42.

Бураева Т. В. Язык калмыцких народных сказок (на материале «Калмыцких сказок» Г. И. Рамстедта): автореф. дисс.... канд. фил. наук. Элиста, 2006. 25 с.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929. 436 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 768 с.

Кичиков А. Ш. Дербетский говор (Фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 87 с.

Кичиков А. Ш. О говоре донских (бузава) калмыков // Ученые записки КНИИЯЛИ КАССР. Вып. 5. Серия: филологическая. Элиста, 1967. С. 39–51.

КРКС — Краткий русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. энцикл., 1969. 712 с.

Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Прага: Б.и., 1929. 216 с.

Куканова В. В., Очирова Н. Ч. Общее или индивидуальное, норма или узус в Национальном корпусе калмыцкого языка: к постановке проблемы // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XII Региональной конференции (Уфа, 27–28 ноября 2012 г.). Уфа, 2012. С. 90–94.

Омакаева Э. У. Калмыцкий язык: история и современность // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М., 2010. С. 375–383.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967.

Очиров Н. О. Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1910. С. 61–75.

Павлов Д. А. Орфографический словарь литературного калмыцкого языка. Элиста, 1963. 230 с.

Павлов Д. А. Современный калмыцкий язык (фонетика и орфография) / отв. ред. Л. В. Бондарко. Элиста, 1968. 240 с.

Пюрбеев Г. Ц. Калмыцкий язык [электронный ресурс] // URL: <http://knowledge.su/k/kalmytskiy-yazyk> (дата обращения: 10.12.2016).

Рассадин В. И., Трофимова С. М. О группе переднеязычных согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 7–11.

РКС 1964 — Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. 803 с.

Тенишев Э. Р. О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 82–87.

Т. С. Тягинован амн урн үгин көрцгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с. Өвкнрин зөөр (Сокровища предков). На калм. и рус.яз.

Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.

Убушаев Н. Н. Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и ее функционирование: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М., 2010. 66 с.

Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.

References

Agulyaeva B. S. Study of the Kalmyk Dialects. *Smalta. Publications of Research Beginners*. 2015. No. 2. Pp. 95–97. (In Russ.)

Bardaev E. Ch. Modern Kalmyk Language. *Lexicology*. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Elista, 1985. 154 p. (In Russ.)

Bayanova A. T., Butaeva A. O., Goryaeva B. B., Kukanova V. V. Dialect Vocabulary in Fairy Tales as a Reflection of the Regional Language Picture of the World (on the Material of G. Y. Ramstedt's Records). In: *Actual Problems of Dialectology of Languages of Peoples of Russia. Conf. proc. within the framework of the IV World Bashkir Kurultai, dedicated to the anniversary of Prof. F. G. Khisamitdinova* (Ufa, 19–21 November 2015). Ufa, 2015. Pp. 37–42. (In Russ.)

Buraeva T. V. Language of the Kalmyk Folk Fairy Tales (on the Material of "Kalmyk Folk Tales" by G. J. Ramstedt). *Cand. Sc. thesis (philology) abstract*. Elista, 2006. 25 p. (In Russ.)

Essays on the History of the Kalmyk ASSR. Pre-October Period. Moscow: Nauka, 1967. (In Russ.)

Folklore Materials from the Repertoire of T. S. Tyaginova. Self-recording 2004–2010. N. G. Ochirova (preface). B. B. Goryaeva (comp., comment.). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2011. 208 p. (In Kalm. and Russ.)

Kalmyk–Russian Dictionary. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

Kichikov A. Sh. Concerning the Dialect of the Don (Buzawa) Kalmyks. *Bulletin of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History*. Is. 5. Ser. Philological. Elista, 1967. Pp. 39–51. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. Derbet Dialect (Phonetic and Morphological Research). Elista: Kalmgosizdat, 1963. 87 p. (In Russ.)

Kotvich V. L. Experience of Grammar of the Kalmyk Colloquial Language. 2nd ed. Prague: [w/o publ.], 1929. 216 p. (In Russ.)

Kukanova V. V., Ochirova N. Ch. General or Individual, Norm or Usus in the National Corpus of the Kalmyk Language: to Problem Statement. In: *Actual Problems of Dialectology of Languages of the Peoples of Russia. Conf. proc.* (Ufa, 27–28 November 2012). Ufa, 2012. Pp. 90–94. (In Russ.)

Ochirov N. O. Report on a Trip to Astrakhan Kalmyks in the Summer of 1909. In: *Bulletin of Russian Committee for the Study of Central and East Asia*. St. Petersburg, 1910. Pp. 61–75. (In Russ.)

Omaakaeva E. U. The Kalmyk Language: History and Modernity. In: *Kalmyks*. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya (ed.). Moscow, 2010. Pp. 375–383. (In Russ.)

Pavlov D. A. Modern Kalmyk Language (Phonetics and Orthography). L. V. Bondarko (ed.). Elista, 1968. 240 p. (In Russ.)

Pavlov D. A. The Spelling Dictionary of the Literary Kalmyk Language. Elista, 1963. 230 p. (In Russ.)

Pyurbееv G. Ts. The Kalmyk Language. Available at: <http://knowledge.su/k/kalmytskiy-yazyk> (accessed: 10 December 2016). (In Russ.)

Ramstedt G. J. Kalmyk Dictionary. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p. (In Germ.)

Rassadin V. I., Trofimova S. M. Concerning the Group of Apical Consonants in the Language of Derbets of Kalmykia and Mongolia. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2013. No. 1. Pp. 7–11. (In Russ.)

Tenishev E. R. Concerning the Language of Issyk-Kul Kalmyks. *Issues of Linguistics*. 1976. No. 1. Pp. 82–87. (In Russ.)

The Concise Russian–Kalmyk Dictionary. Moscow: Sov. encyclopedia, 1969. 712 p. (In Russ. and Kalm.)

The Russian–Kalmyk Dictionary. I. K. Ilshkin (ed.). Moscow: Soviet Encyclopedia, 1964. 803 p. (In Russ. and Kalm.)

Ubushaev N. N. Problem of Building of the Kalmyk Language Dialect System and its Functioning. Dr. Sc. thesis (philology) abstract. Moscow, 2010. 66 p. (In Russ.)

Ubushaev N. N. Dialect System of the Kalmyk Language. E. U. Omaakaeva (ed.). Elista: Dzhangar, 2006. 256 p. (In Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. Comparative Grammar of Mongolian Written Language and Khalkhas Dialect. Introduction and Phonetics. Leningrad, 1929. 436 p. (In Russ.)

Эпитеты Будды (на материале сутры «Царь благих пожеланий»)

Epithets of the Buddha (evidence from the sutra
“The King of Auspicious Wishes”)

Г. Б. Корнеев (G. Korneev)¹

¹ младший научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: cecerlig88@mail.ru.

Junior Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail:cecerlig88@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются переводы эпитетов Будды Шакьямуни на материале сутры «Царь благих пожеланий» в китайской, монгольской и ойратской буддийской традиции. Все перечисленные эпитеты этимологически восходят к санскриту, языку на котором был написан оригинал Аватамсака сутры, частью которой является текст «Царя благих пожеланий». Эпитеты будды в китайской традиции существуют в двух формах — санскритской кальке и китайском переводе, тогда как монгольские эпитеты переведены дословно. Сравнительный анализ переводов показывает, что хотя дальневосточная и центральноазиатская формы буддизма получили развитие в разное время и в разных условиях, это не влияло на каноническую литературу, и в том числе на перевод важнейших для нее имен и понятий.

Ключевые слова: Буддийский канон, санскрит, китайский язык, монгольский язык, ойратский язык, эпитеты будды, кальки.

Abstract. The article considers translations of epithets of Shakyamuni Buddha with evidence from the sutra “The King of Auspicious Wishes” – in Chinese, Mongolian and Oirat Buddhist traditions. All the mentioned epithets etymologically stem from Sanskrit, i.e. the language used to record the original text of the Avatamsaka Sutra, “The King of Auspicious Wishes” being a part of the latter. In Chinese tradition, there are two forms of epithets of the Buddha – a Sanskrit calque and Chinese translation; while the Mongolian epithets are word-for-word translations.

A comparative analysis of the translations reveals that despite the fact the two forms of Buddhism developed in different times and conditions, it introduced no significant influence on the canonical literature, including the translation of the cue names and basic concepts.

Keywords: Buddhist canon, Sanskrit, Chinese language, Mongolian language, Oirat language, epithets of the Buddha, calques.

Учение буддизма махаяны возникло в Индии и получило широкое распространение в центральноазиатском и дальневосточном регионе, повлияв на культуру, философию, литературу и общественную мысль многих народов. В силу того, что первые буддийские проповедники начали проникать в Китай уже в I в. н. э., а в Тибет не раньше VII в. [Торчинов 2005: 210–260], сравнительное изучение терминологии, используемой в переводах китайской и тибето-монгольской буддийских традиций, представляет существенный интерес для изучения истории развития и становления буддизма махаяны в двух крупнейших буддийских регионах Азии.

О необходимости сравнительного изучения канонической буддийской махаянской литературы Китая и Тибета говорил санскритолог С. Д. Серебряный: «Было бы интересно провести сравнительное исследование, чтобы выяснить, какой из ... текстов преодолел больше языковых и этнических рубежей» [Серебряный 2007: 19]. Однако, по нашему мнению, это исследование должно быть направлено не только на выяснение количества языковых и этнических рубежей, но и содержать комплексный анализ, от лингвистического и текстологического до философского. Учет явлений экстралингвистического порядка и, прежде всего, социокультурного и исторического контекстов способствовал бы всеобъемлющему изучению и текстов, и языка переводов, социально-исторической обстановки, предпосылок, условий и результатов работы разных переводчиков над переводами буддийских сочинений.

Среди многообразия махаянской конфессиональной литературы дальневосточного (Китай, Япония, Корея) и центральноазиатского (Тибет, Монголия) буддизма отдельный интерес исследователей всегда вызывали сутры Праджняпарамиты. Изучение класса этих текстов, как отмечает В. П. Андросов, «...насчитывает уже более 150 лет. Одним из его зачинателей был известный русский востоковед Василий Павлович Васильев (1818–1900). Заметный вклад в эту область знаний внес и выдающийся буддолог, индианист Федор Ипполитович Щербатской (1866–1942)» [Андросов 2000: 27]. Сутры Праджняпарамиты, начавшие формироваться вместе с появлением буддизма махаяны, вместе со стремительно распространявшимся махаянским учением подвергались трансформации и различным

редакциям. По этой причине китайский и тибето-монгольский буддийские каноны, являясь учением махаянского буддизма, имеют значительные отличия. Так, распространение буддизма в Китае началось с I в. н. э., а в IV–V вв., который стал влиятельной духовной силой, то «Тибетская буддийская традиция Махаяны (и, соответственно, тибетоязычный Канон) формировалась значительно позднее, — в VII–XII вв., т. е. в то время, когда формирование китайского буддизма фактически завершилось и связи китайских буддистов с Индией почти пресеклись. Поэтому тибетская традиция отражает буддизм в том виде, который он имел в последние века своего существования в Индии, в то время как китайский буддизм, несмотря на свое региональное своеобразие, отражает более ранний этап формирования махаянской традиции. Здесь важно отметить и то обстоятельство, что китайские переводы индийских канонических текстов (и прежде всего сутр) отражают также ранние редакции и версии санскритских памятников, тогда как тибетские переводы фиксируют позднейший этап формирования текстов и их более поздние варианты» [Избранные сутры ... 2000: 13]. Несмотря на некоторые расхождения, в составе буддийских текстов китайского и тибетского канона, множество произведений обеих традиций являются общими, с оговоркой, отмеченной выше и касающейся времени формирования сочинений. Одним из основных произведений китайского, а вместе с ним и дальневосточного буддизма является сводная из нескольких буддийских текстов Аватамсака сутра, в одной из важнейших частей которой, Гандавьюха сутре, содержится отрывок, называемый по-китайски «Обеты практики бодхисаттвы Самантабхадры» (Китайская форма имени Самантабхадры — «普贤菩萨¹» пин. *pǔ xián púsà*; палл. *Пусянь пуса*).

Говоря о влиянии Аватамсака сутры в целом на дальневосточный буддизм, Д. Т. Судзуки отметил: «Аватамсака сутра — это квинтэссенция всей буддийской мысли, буддийского духа и буддийского опыта» [Судзуки 2005: 65]. Буддолог и религиовед Е. А. Торчинов относит Аватамсака сутру к группе «теоретических», связанных с махаянской идеей Татхагатагарбхи, в основе которой лежит представление о том, что каждое живое существо

---

¹ Автор выражает благодарность А. Х. Корнеевой за помощь в передаче китайских написаний.

имеет природу Будды, которая «должна быть реализована, переведена из потенциального положения в актуальное» [Торчинов 2005: 100]. Далее ученый отмечает, что Аватамсака сутра окончательно сформировалась в Центральной Азии, Согдиане и Хотане во второй половине IV в., а будучи переведенной на китайский язык, произвела «настоящий переворот в понимание китайцами буддизма и во многом определила дальнейшее направление эволюции дальневосточной Махаяны» [Торчинов 2005: 100].

В предисловии к книге «Избранные сутры китайского буддизма», объясняя необычайную популярность текста «Обеты практики бодхисаттвы Самантабхадры», Е. А. Торчинов пишет: «... „Обеты практики бодхисаттвы Пусяня“ хотя и выдержаны в духе философской доктрины Аватамсака сутры, достаточно просты и предназначены для изучения не только учеными монахами, но и рядовыми верующими» [Избранные сутры... 2000: 22]. По причине своей простоты и действенности на религиозное сознание верующих в дальневосточном буддизме этот текст обрел новую форму, не в составе Аватамсака сутры, а отдельно от нее, как особая молитва, исполнявшаяся верующими в определенное время.

В настоящей статье мы рассмотрим переводы эпитетов Будды Шакьямуни, наиболее часто встречающихся в китайских и тибето-монгольских буддийских текстах, в частности в тексте «Царь благих пожеланий». Отметим, что изучение особенностей перевода сложных философских терминов и понятий в китайской и тибето-монгольской буддийских традициях — задача для большого коллектива ученых: китаеведов, тибетологов, монголистов, специалистов по буддийской философии и культуре указанных регионов. Кроме того, в подобных исследованиях нельзя не учитывать и тот факт, что буддийские канонические произведения первоначально складывались и бытовали в устной традиции, и лишь спустя длительное время были зафиксированы на письме, причем часто многие известные произведения буддизма записывались в различных по времени фиксации и месту фиксации формах. И уже в этих различных формах проникали в другие этнические культуры, зачастую имея значительные расхождения по составу, структуре, словесной форме и доктринальным моментам. Переведенные на национальные языки, они сохранялись в этнических культурах в

разных редакциях, также весьма часто подвергавшихся искажениям, связанным с культурными особенностями региона их бытования.

Первый из представленных эпитетов *Бхагаван* (санскр. *bhagavān*) относится как к Будде, так и к Вишну, и к Шиве. С санскрита этот эпитет переводится как ‘счастливый, благодатный, прекрасный’ [Кочергина 1996: 474]. Отсутствие подходящего эквивалента в тибетском языке заставило переводчиков искусственно создать особый смысловой перевод — *bcom ldan 'das*, который можно перевести как ‘Победивший [демонов], Совершенный [в двух накоплениях], Вышедший [из сансары]’. Монголы перевели его с тибетского языка дословно — *ilaḷü tegüs nögčigsen*, а ойраты *ilaḷun tögüsün üleqsen*. Незначительные отличия двух монгольских форм тибетского эквивалента, вероятно, были продиктованы историческими и культурными условиями, связанными с осознанием ойратами родства с монголами, но не тождества двух народов. В китайской буддийской традиции эпитет *Бхагаван* имеет три эквивалента: 出有壞 (пин. *Chū yǒu huài*). Перевести этот эпитет на русский язык не удалось; 薄伽梵 (пин. *Báojiāfàn*) — фонетическая калька с санскритского оригинала *bhagavān*, 世尊 (пин. *Shìzūn*) — дословно ‘Миром почитаемый’. Этот эпитет традиционно переводят как ‘Почитаемый в Мирах’.

Следующий по частоте встречаемости эпитет — Татхагата. Е. А. Торчинов отмечает, что это санскритское слово полисемично. Позиция долгого гласного *a* в термине меняет его значение от ‘Так пришедшего’ до ‘Так ушедшего’, что обыгрывается в некоторых буддийских сутрах. Такая семантическая игра возможна только в санскрите, и потому в китайской буддийской традиции эпитет переводился как ‘Так пришедший’ — а у тибетцев, и вслед за ними монголов как ‘Так ушедший’ [Торчинов 2005: 17]. Однако подобное утверждение не точно. У монголов имеется два варианта перевода этого эпитета — *tegünčilen iregsen* и *tegünčilen ajiraγsan*, оба из которых имеют значение ‘Таково пришедший’ и ‘Таково шествующий’. Эпитет *tegünčilen iregsen*, вероятно, более простой, и от того поздний, так как монгольский глагол *irekü*, имеющий значение ‘приходить’, более просторечен, чем глагол *ajiraγxu* ‘приходить, шествовать’, который принадлежит высокому стилю, и используется в эпитете *tegünčilen ajiraγsan*.

В китайской буддийской традиции этот эпитет звучит как 如來 (пин. *Rúlái*), что в переводе на русский язык означает ‘Так пришедший’. Таким образом, китайский вариант, думается, восходит к одной из основополагающих идей буддизма махаяны, к идее ‘татхаты’ (санскр. *tathatā*), переводимой как ‘Таковость’ и определяемой как «истинные свойства или существо объекта или явления, не замутненного внешними иллюзиями».

Ойратскую же версию этого эпитета *tögünčilen boluqsan*, отличную от монгольского варианта, вероятно, нужно объяснять некоторым отличием ойратского языка от монгольского, в частности, одной особенностью высокого стиля ойратского языка, связанного с употреблением глагола *bolxu*. (По аналогии с совр. калм. *өөд болх* ‘отправиться [куда-то]’). Ойратский эпитет *Будды-Татхагаты* *tögünčilen boluqsan*, возможно, нужно объяснять грамматикализацией глагола *bolxu* ‘становиться, делаться кем или чем-либо’ в ойратском языке, который приобрел значение ‘становиться, появляться, приходиться’. Отличие ойратской версии эпитета от монгольской, по-видимому, будет объясняться тем, что эти, хотя и близкородственные народы, как было указано ранее, не отождествляли себя как один этнос. Рассмотренные примеры доказывают, что и китайский, и монгольский варианты этого эпитета имеют сходное значение, вопреки высказыванию Е. А. Торчинова, упомянутому ранее. Таким образом, эпитет Татхагата в китайской и тибето-монгольской буддийских традициях переведен идентично.

Эпитет *Джина* (санскр. *jina*) переводится с санскрита как ‘победитель’ [Кочергина 1996: 224]. Тибетский и монгольский переводы также единодушны в интерпретации этого слова как ‘победитель’ — тиб. *rgyal ba*, монг. *ilaγuγsan*, ойр. *ilaγuqsan*. Китайские переводчики в разных случаях использовали для перевода этого санскритского эпитета два китайских эквивалента: 勝者 (пин. *Shèngzhě* ‘победитель’) — дословный перевод с санскритского *jina* и 耆那 (пин. *Qínà*) — фонетическая калька с санскрита¹.

¹ Нужно заметить, что в современном калмыцком языке ойратский эпитет *ilaγuqsan* не сохранился, оставшись формой старого письменного языка, его тибетская форма, *rgyal ba*, сохранилась в виде имени собственного *Джал*, и фамилий *Джсалаев* и *Джсалов*.

Sugata — еще один широко используемый эпитет Будды. С санскрита он переводится как ‘Пришедший во благе’ [Кочергина 1996: 186]. В тибето-монгольской буддийской традиции этот эпитет является калькой с санскрита: тиб. *bde bar gshegs pa* ‘хорошо ушедший’, монг. *sayibar oduysan*, ойр. *sayibe:r oduqsan* ‘хорошо ушедший’ [Яхонтова 2010: 101]. Китайские буддисты также используют лишь один термин 善逝 (пин. *Shàn shì*), переводимый на русский язык как ‘Спокойно ушедший’.

Другой эпитет *Сарваджня* ‘Всеведущий’ (санскр. *sarvajña*), в китайской традиции существует в двух формах: 切智 (пин. *Yīqiè zhì*) ‘Всезнающий, Всеведущий’ и 薩婆若 (пин. *Sà pó ruò*). Последний является отдаленной фонетической калькой с санскрита. Тибетцы и монголы переводят его одинаково, следуя санскритскому оригиналу — тиб. *kun mkhyen-pa* или *thams cad mkhyen pa* ‘Всеведущий’, монг. *qamuy-i medeqči* или *qamuy-i ayilduyči* ‘Всезнающий и Всеведущий’. Как нам кажется, форма *qamuy-i ayilduyči* представляет собой более высокий стиль, тогда как форма *qamuy-i medeqči* более просторечная и, возможно, более поздняя. В ойратском языке эпитет также представлен в двух формах *xamugi ayiluduqči* и *xamugi medeqči*.

Эпитет *муни* (санскр. *muni*) имеет значение ‘могущий, мудрец’ [Яхонтова 2010: 100]. Для него китайские переводчики подобрали лишь один эквивалент — 釋迦牟尼 (пин. *Shìjiā móu ní*), используя при этом фонетическую кальку. Тибетцы и вместе с ними монголы также ограничились лишь одним эквивалентом — *čidayči*, имеющим значение ‘осиливший, одолевший, способный, имеющий возможность’, ойраты при переводах этого эпитета использовали санскритский эквивалент *muni* и очень редко, согласно нашим наблюдениям, в основном в поздних работах использовали форму *čidaqči*. Видимо, эти поздние ойратские тексты связаны с монгольскими работами.

Рассмотренные нами эпитеты Будды свидетельствуют о том, что обе буддийские традиции берут начало в махаянской традиции индийского буддизма. В китайскую и тибето-монгольскую конфессиональную культуру эти термины попали из санскрита, что подтверждают китайские фонетические кальки и тибетские дословные переводы, калькирующие санскритские оригиналы. Обе традиции,

возникнув из махаянского буддизма Индии, развивались в разное время и в разных условиях, что отразилось в различиях перевода, акцентах и интерпретациях одних и тех же санскритских слов. Вопреки высказанной ранее версии, и в китайской, и в тибето-монгольской переводческих традициях санскритское понятие «Татхагата» переводится как ‘Так пришедший’.

Рассмотренные эпитеты свидетельствуют, что, несмотря на социокультурные различия двух махаянских традиций, каноническая литература и в частности ее терминология переводились по схожим принципам.

Сокращения

калм. — калмыцкий, кит. — китайский, монг. — монгольский, ойр. — ойратский, палл. — транскрипционная система Палладия (Кафарова), пин. — пиньинь, санскр. — санскрит, тиб. — тибетский.

Литература

Андросов В. П. Буддизм Нагарджуны: Религиозно-философские трактаты. М.: Вост. лит., 2000. 799 с.

Избранные сутры китайского буддизма / пер. с кит. Д. В. Поповцева, К. Ю. Солонина, Е. А. Торчинова. М.: Наука, 2000. 464 с.

Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь Изд. 2-е. М.: Рус. яз., 1996. 944 с.

Серебряный С. Д. Лotosовая сутра: многообразный мир, который мы только начинаем для себя открывать // Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. 2-е изд., испр. и доп. / А. Н. Игнатович; В. В. Северская. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2007. С. 10–65.

Судзуки Д. Т. Очерки о Дзэн-буддизме. М.: Наука, 2002. 472 с.

Торчинов Е. А. Введение в буддизм. Курс лекций. СПб.: Амфора, 2005. 430 с.

Яхонтова Н. С. Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения Н. С. Яхонтовой. М.: Вост. лит., 2010. 615 с. (Серия: Памятники письменности Востока).

References

Androsov V. P. Nagardzhuna Buddhism: Religious and Philosophical Treatises. Moscow: Vost. lit., 2000. 799 p. (In Russ.)

Kochergina V. A. The Sanskrit–Russian Dictionary. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk, 1996. 944 p. (In Sanskr. and Russ.)

Selected Sutras of Chinese Buddhism. D. V. Popovtsev, K. Yu. Solonin, E. A. Torchinov. Moscow: Nauka, 2000. 464 p. (In Russ.)

Serebryaniy S. D. Lotus Sutra: a Diverse World that we are just Beginning to Discover. In: The Sutra about Innumerable Values. The Sutra of the Lotus Blossom of the Wonderful Dharma. The Sutra of the Achieving the Acts and the Dharma of Bodhisattva Comprehensive Wisdom. 2nd ed. A. N. Ignatovich. V. V. Severskaya. Moscow: Ladomir, 2007. Pp. 10–65. (In Russ.)

Suzuki D. T. Essays on Chan Buddhism. Moscow: Nauka, 2002. 472 p. (In Russ.)

Torchinov E. A. Introduction to Buddhism. Course of Lectures. St. Petersburg: Amphora, 2005. 430 p. (In Russ.)

Yakhontova N. S. Oirat Dictionary of Poetic Expressions. The facsimile of the manuscript. N. S. Yakhontova (transl., comment.). Moscow: Vost. lit., 2010. 615 p. Ser. Monuments of Eastern Writing. (In Russ.)

Чанкинг именной группы в свете разработки синтаксического подкорпуса Национального корпуса калмыцкого языка (предварительные замечания)*

Chunking of a Nominative Group in the Context of Development of the Syntactical Sub-Corpus of the Kalmyk National Corpus (preliminary notes)

*В. В. Куканова (V. V. Kukanova)*¹

¹ кандидат филологических наук, директор, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Ph. D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Аннотация. В данной работе рассматриваются проблемы чанкинга именной группы в свете разработки подкорпуса Национального корпуса калмыцкого языка. На сегодняшний день корпус снабжен морфологической и синтаксической разметками, другие виды аннотирования до настоящего времени не разрабатывались, в их числе синтаксический подкорпус. В статье описываются именные группы, составные элементы именной группы, а также алгоритм анализа, критерии, границы.

Ключевые слова: Национальный корпус калмыцкого языка, синтаксический подкорпус, чанкинг, именная группа.

Abstract. The work considers the problems of chunking of a nominative group in the context of development of a sub-corpus of the Kalmyk National Corpus. At present the Corpus is provided with morphological and syntactical tracking mechanisms, other types of data annotation — including a syntactical sub-corpus — have not been elaborated so far. The article describes nominative groups, component elements of a nominative group as well as the analysis algorithm, criteria and borders.

Keywords: Kalmyk National Corpus, syntactical sub-corpus, chunking, nominative group, word combination.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Структурно-вероятностный синтаксис монгольских языков», № 15-04-00553).

Национальный корпус калмыцкого языка является аннотированной системой текстов на калмыцком языке современного периода, преимущественно второй половины XX в. Его использование в качестве материала исследования и для составления лексикографических работ открывает широкие возможности для лингвиста, занимающегося изучением проблем в области лексики и грамматики. Однако на данный момент корпус снабжен только морфологической и синтаксической разметками, другие виды аннотирования до настоящего времени не разрабатывались [Куканова 2014; Куканова, Каджиев 2014]. Одной из актуальных задач является развитие корпуса и в направлении аннотирования синтаксической структуры калмыцкого предложения.

Существует два способа. Прежде всего следует указать на то, что в создании синтаксического корпуса с использованием нисходящего и восходящего анализа, существенное различие сводится к тому, как продвигается анализ: от «корня» к «листьям» (от главного к зависимому) или «листьев» к «корню» (от зависимого к главному). Эффективность применения того или иного подхода к калмыцкому предложению в настоящий момент не известна, поскольку отсутствуют какие-то практические данные, на которые можно было бы опереться в выборе подхода к анализу. Но для обоих подходов первоначальным этапом должна быть выработка синтаксических формальных правил, которые используются для проверки гипотез. Применение формального подхода, очевидно, также не решит проблему эффективности автоматического синтаксического разбора, поскольку при контекстно-свободной грамматике два варианта *уc уух* 'пить воду' и !!! *шурэ уух* 'пить стол' будут правильными с точки зрения реализованной грамматической связи, при контекстно-зависимом подходе, т. е. с применением правил семантических ограничений, второй вариант будет признан неправильным с точки зрения семантики. Но и для разработки парсера, основанного на правилах контекстно-зависимой грамматики, необходимо описание формальных правил, на которые уже впоследствии наслаиваются правила семантики.

В данной работе мы сфокусируем внимание на синтаксически связанных непересекающихся фрагментах предложения — именной

группе. В калмыцком языке традиционно выделяются именные и глагольные группы, в их числе содержится большая группа фрагментов предложения, которые носят аналитический характер. В данной работе мы не рассматриваем их, поскольку было принято решение начать с описания «простых» именных сочетаний.

Принято выделять базовую именную группу, под которой понимается, что главный элемент — это имя, что от него зависят другие элементы или подчиняются ему и что данная конструкция носит элементарный характер, т. е. не содержит рекурсивный элемент. Другими словами, соблюдается правило нерекурсивности. Однако в калмыцком языке требование рекурсивности мы несколько изменяем, как, например, в случае конструкции NP -> Gen + N, где N=Gen рассматриваем как элемент, реализующий определительные отношения в первую очередь, а во вторую — как элемент, управляемый главным словом. Во многом в трактовках синтаксической связи мы опирались на классическую работу Ю. С. Маслова «Введение в языкознание» [1987].

Именная группа может состоять из вершины (обязательного компонента), премодификатора и постмодификатора (необязательных компонентов). Главный элемент, или вершина, выполняет функцию субстантива, в его качестве могут выступать:

- 1) существительное (N);
- 2) местоимение-существительное (Pron-N);
- 3) местоимение-прилагательное (Pron-Adj);
- 4) прилагательное (Adj);
- 5) числительное (Num);
- 6) причастие¹ (Ptcp1);
- 7) функционально близкая к именной группе конструкция (словосочетание), вершиной которого являются неопределенные количественные слова.

Для их описания мы использовали следующие условные символы:

- NP — именная группа,
- с — case,
- num — number,

---

¹ Субстантивированное причастие.

- Noun — существительное,
- Pron — местоимение,
- Adj — прилагательное,
- Num — числительное,
- Adv — наречие,
- -> — знак раскрытия,
- = — знак совпадения в той или иной граммеме,
- ← — зависимый элемент, расположенный слева от вершины,
- | — знак примыкания к левому элементу,
- | — знак примыкания к правому элементу,
- x — любой элемент граммемы,
- + — элемент присоединения,
- Type — родовое понятие, тип, класс предметов,
- CommonNoun — имя нарицательное,
- f — в функции;
- Ass — комитатив, совместный падеж;
- Ptcp1 — причастие;
- Name — имя;
- Surname — фамилия;
- Patronic — отчество;
- N. — сокращённый инициал имени лица;
- N.P. — сокращённые инициалы имени и отчества лица;
- Post — послелог;
- Conj — союз;
- Term — предельный падеж;
- Ins — творительный падеж;
- Abl — удалительный падеж;
- Dat — дательный падеж.

Полужирным выделены вершины в группе.

Вершина может иметь различные виды зависимых, которые ее определяют. По-другому их называют модификаторами. В калмыцком языке они могут стоять только в препозиции, поэтому их называют премодификаторами, в качестве которых могут выступать:

- 1) прилагательные (*байн кун* ‘богатый человек’, *хурдн мөрн* ‘быстрая лошадь’ и т. д.);
- 2) местоимения-прилагательные (*эн гер* ‘этот дом’, *тер хашиа* ‘тот забор; та ограда’);

- 3) числительные-прилагательные (*негдгч класс* ‘первый класс’, *хойрдгч машин* ‘вторая машина’);
- 4) именные адъюнкты — генетивные, совместные и т. д. конструкции (*ухата көвүн* ‘умный мальчик’, *хальмгин укр* ‘корова калмыка’);
- 5) одиночное причастие или причастный оборот, выступающий в роли релятивных оборота (*Дөрвн сард хурһ көкүлсн хөөдиг* ‘овцематкам, кормившим в течение четырех месяцев ягнят’);
- 6) послеложные группы (*герин тускар* ‘о доме’);
- 7) конструкции типа отглагольное имя + существительное (*умилһна дегтр* ‘книга для чтения’);
- 8) отрицательные конструкции (*көл уга ширэ* ‘стол без ножки’).

Рассмотрим виды именных групп.

1. Именные. Здесь вершиной является часть речи в функции субстантива, которая может иметь одиночное или развернутое определение:
  - а) одиночное имя (вершина);
  - б) существительное в косвенном падеже + имя (*школын журнал* ‘школьный журнал’, *мөртэ күн* букв. ‘человек с лошадью’);
  - в) послеложная группа: имя + послелог (*дурна тускар* ‘о любви’);
  - г) отглагольное имя + имя (*саалһна аппарат* ‘доильный аппарат’);
  - д) имена собственные:
    - сочетание имен собственных;
    - несобственные наименования — сочетание имени нарицательного и собственного.

Шаблон	Пример
	<i>Именные</i>
NP -> Noun	<i>ширэ</i> ‘стол’
NP -> Noun (с=Ass, num=x)	<i>бүшмүдтэнь</i> ‘та, что в платье’
NP -> Adj (с=n, num=x)	<i>цецн</i> ‘мудрый’

NP -> Num	<i>хоюрн</i> ‘обе/оба’
NP -> Ptcpl (c=Nom)	<i>санси</i> ‘думающий’
NP -> Num Noun (c=x)	<i>цөөкн яман</i> ‘несколько коз’
NP -> Num Adj Noun (c=x)	<i>цөөкн бичкн яман</i> ‘несколько маленьких коз’
NP -> Noun (c=x) + Noun (c=x)	<i>куукн сурхульч</i> ‘девочка-школьница’
NP -> Noun (c=x) Neg	<i>шил уга</i> букв. ‘стекло нет’
NP -> Noun (c=Gen) ← Noun (c=x, num=x)	<i>эцкин гер</i> ‘дом отца’ <i>эцкин герэс</i> ‘из дома отца’
NP -> Noun (n, c=Ass) ← Noun (c=x, num=x)	<i>машитэ залу</i> букв. ‘мужчина с машиной’ <i>машитэ залуһур</i> ‘к мужчине с машиной’
NP -> Noun (c=Dat, n=x) ← Noun (c=x, num=x)	<i>сурхульчирт заавр</i> ‘указания учащимся’ <i>медэтнрт дөңг</i> ‘помощь старикам’ <i>үүртэн ицлһн</i> ‘надежда на друга’ <i>үвлд белдлһн</i> ‘подготовка к зиме’
NP -> Adj Noun (c=x, num=x)	<i>цаһан чирэ</i> ‘светлое лицо’ <i>цаһан чирэтэ</i> ‘со светлым лицом’
NP -> Adj Adj Noun (c=x, num=x)	<i>сээхн цаһан чирэ</i> ‘красивое белое лицо’ <i>сээхн цаһан чирэтэ</i> ‘с красивым белым лицом’
NP -> Ptcpl Noun (c=x, num=x)	<i>ирси күн</i> ‘пришедший человек’
NP -> Post ← Noun (c=x, num=x)	<i>ширэ деер</i> ‘на столе’
NP -> Noun (c=Gen) ← Noun (c=x, num=x)	<i>услһна аппарат</i> ‘питьевой аппарат’ <i>услһна аппаратд</i> ‘к питьевому аппарату’
NP -> Noun (c=Acc) ← Noun (c=x, num=x)	<i>чидл үзүллһн</i> ‘демонстрация силы’
NP -> Adv ← Noun (c=Ass)	<i>йир күчтэ залу</i> ‘очень сильный мужчина’
<i>Имена собственные</i>	
NP -> Name Surname Patronic (c=x, num=x)	<i>Иван Сергеевич Тургенев</i>
NP -> Adj Name Surname Patronic (c=x, num=x)	<i>алдр Лев Николаевич Толстой</i> ‘великий Лев Николаевич Толстой’
NP -> Pron-Adj Name Surname Patronic (c=x, num=x)	<i>мана Лев Николаевич Толстой</i> ‘наш Лев Николаевич Толстой’
NP -> Pron-Adj Adj Name Surname Patronic (c=x, num=x)	<i>мана алдр Лев Николаевич Толстой</i> ‘наш великий Лев Николаевич Толстой’
NP -> N.P. Surname (c=x, num=x)	<i>И.С. Тургенев</i>

NP → Adj N.P. Surname (c=x, num=x)	<i>алдр Л.Н. Толстой</i> ‘великий Л.Н. Толстой’
NP → Pron-Adj Adj N.P. Surname (c=x, num=x)	<i>мана алдр Л.Н. Толстой</i> ‘наш великий Л.Н. Толстой’
NP → Pron-Adj N.P. Surname (c=x, num=x)	<i>мана Л.Н. Толстой</i> ‘наш Л.Н. Толстой’
NP → Patronic (Name (c=Gen)) Name (c=x, num=x)	<i>Манжсин Нимгр</i> ‘Манджиев Нимгир’
NP → Adj Patronic (Name (c=Gen)) Name (c=x, num=x)	<i>алдр Манжсин Нимгр</i> ‘великий Манджиев Нимгир’
NP → Pron-Adj Adj Patronic (Name (c=Gen)) Name (c=x, num=x)	<i>мана алдр Манжсин Нимгр</i> ‘наш великий Манджиев Нимгир’
NP → Pron-Adj Patronic (Name (c=Gen)) Name (c=x, num=x)	<i>мана Манжсин Нимгр</i> ‘наш Манджиев Нимгир’
NP → N. Surname (c=x, num=x)	<i>И. Тургенев</i>
NP → Adj N. Surname (c=x, num=x)	<i>алдр Л. Толстой</i> ‘великий Л. Толстой’
NP → Pron-Adj Adj N. Surname (c=x, num=x)	<i>мана алдр Л. Толстой</i> ‘наш великий Л. Толстой’
NP → Pron-Adj N. Surname (c=x, num=x)	<i>мана Л. Толстой</i> ‘наш Л. Толстой’
NP → Noun (c=Nom) + Name (c=Nom)	<i>күүкн Цаган</i> ‘девочка Цагана’
NP → Pron-Adj Noun (c=Nom) + Name (c=Nom)	<i>чини күүкн Цаган</i> ‘твоя девочка Цагана’
NP → Pron-Adj Adj Noun (c=Nom) + Name (c=Nom)	<i>чини сээхн күүкн Цаган</i> ‘твоя красивая девочка Цагана’
NP → Adj Noun (c=Nom) + Name (c=Nom)	<i>сээхн күүкн Цаган</i> ‘красивая девочка Цагана’
NP → Name (c=x) + Noun (c=x)	<i>Цаган күүкн</i> ‘девочка Цагана’ <i>Цаганла күүкнлэ</i> ‘с девочкой Цаганой’
NP → Adj Name (c=x) + Noun (c=x)	<i>сээхн Цаган күүкн</i> ‘красивая девочка Цагана’
NP → Name (c=x, num=x)	<i>Бадм</i> ‘Бадма’
NP → Adj Name (c=x, num=x)	<i>өндр Бадм</i> ‘высокий Бадма’
NP → Pron-Adj Name (c=x, num=x)	<i>тана Бадм</i> ‘Ваш Бадма’

NP → Noun (n, c=Ass) ← Name (c=x, num=x)	<i>машитэ Бадм</i> ‘Бадма с машиной’
NP → Surname (c=x, num=x)	<i>Нимгиров</i> ‘Нимгиров’
NP → Noun (n, c=Ass) ← Surname (c=x, num=x)	<i>машитэ Нимгиров</i> ‘Нимгиров с машиной’
NP → Noun (n, c=Gen) ← Name (c=x, num=x)	<i>Нинан Бадм</i> ‘Бадма Нины’
NP → Type (c=x, n=a) + Surname (c=x, num=x)	<i>нойон Тундутов</i> ‘нойон (князь) Тундутов’
NP → Adj ⊥ Type (c=x, num=x) + Surname (c=x, num=x)	<i>алдр нойон Тундутов</i> ‘великий нойон (князь) Тундутов’
NP → Type (c=x, num=x) + Name Patronic Surname (c=x, num=x)	<i>нойон Данзан Давидович Тундутов</i> ‘нойон-князь Данзан Давидович Тундутов’
NP → Adj ⊥ Type (c=x, num=x) + Name Patronic Surname (c=x, num=x)	<i>алдр нойон Данзан Давидович Тундутов</i> ‘великий нойон-князь Данзан Давидович Тундутов’
NP → Type (c=x, n=x) + Name Surname (c=x, num=x)	<i>нойон Данзан Тундутов</i> ‘нойон-князь Данзан Тундутов’
NP → Adj ⊥ Type (c=x, num=x) + Name Surname (c=x, num=x)	<i>алдр нойон Данзан Тундутов</i> ‘великий нойон-князь Данзан Тундутов’
NP → Type (c=x, num=x) + Name (c=x, num=x)	<i>нойон Данзан</i> ‘нойон-князь Данзан’
NP → Adj ⊥ Type (c=x, num=x) + Name (c=x, num=x)	<i>алдр нойон Данзан</i> ‘великий нойон-князь Данзан’
NP → Type (c=Nom) + CommonNoun (c=Nom)	<i>хол Ижл</i> ‘река Волга’
NP → Adj ⊥ Type (c=Nom) + CommonNoun (c=Nom)	<i>гун нур Байкал</i> ‘глубокое озеро Байкал’
NP → CommonNoun (c=x) + Type (c=x)	<i>Ижл хол</i> ‘Волга-река’ <i>Ижл холд</i> ‘в / на Волге-реке’
NP → Adj ⊥ CommonNoun (c=x) + Type (c=x)	<i>гун Байкал нур</i> ‘глубокое Байкал-озеро’

2. Адъективные. Здесь вершиной является прилагательное, которое понимается условно и включает в себя слова, которые могут вступать в определительные отношения с вершиной.

а) имя, модифицирующее прилагательное, + прилагательное + имя (*малар + байн + кун* ‘человек, богатый скотом’);

б) наречие, модифицирующее прилагательное, + прилагательное + имя (*ийр + сэн + күүкн* ‘очень хорошая девочка’);

в) наречие, модифицирующее имя в совместном падеже, + имя в совместном падеже + имя (*ийр + ухата + көвүн* ‘очень умный мальчик’);

г) имя в аблативе + прилагательное + имя (*сээнэс сэн сурхульч* ‘лучший из лучших ученик’).

Модификатор-адъектив может появляться в следующих конструкциях:

а) одиночное прилагательное + имя (*көк теңер* ‘синее небо’);

б) однородные прилагательные + имя (*байн + хар + цусн* ‘густая черная кровь’);

в) причастие или причастный оборот (*нарсн өдр* ‘день рождения’, *чирэһэн түркдг крем* ‘крем для лица’).

Шаблон	Пример
<i>Адъективные</i>	
NP -> Noun (c=Inst) ← Adj	<i>алтар байн күн</i> ‘золотом богатый человек’
NP -> Noun (c=Term) ← Adj	<i>өвдгцэ гун</i> ‘глубокий до колена’
NP -> Noun (c=Abl) ← Adj	<i>эмтнлэ сэн</i> ‘с людьми хороший’
NP -> Noun (c=Dat) ← Adj	<i>көвүнд күнд</i> ‘тяжелый [для] мальчика’
NP -> Adv ← Adj	<i>ийр өндр бахн</i> ‘очень высокий столб’
NP -> Noun (c=Abl) ← Adj	<i>мууһас му күн</i> ‘худший из худших человек’
NP -> Neg ← Adj	<i>хурдн уга</i> ‘небыстрый’

3. Местоименные. Модификатором вершины выступает местоимение (например, указательное или личное): местоимение-прилагательное + имя (*мини + девтр* ‘моя тетрадь’).

Шаблон	Пример
<i>Местоименные</i>	
NP -> Pron-N (c=n, num=x)	<i>чи</i> ‘ты’
NP -> Pron-Adj (c=n, num=x)	<i>манахс</i> ‘наши’
NP -> Adj Pron-Adj	<i>күндтэ манахс</i> ‘наши’

4. Количественные. Модификатором вершины служит числительное или числа: числительное (или последовательность числительных) + имя (*хойрдгч + кәдлми* ‘вторая работа’, *арви + арслң* ‘десять рублей’, *арви долан арслң* ‘семнадцать рублей’).

Шаблон	Пример
<i>Количественные</i>	
NP -> Num Noun (c=x)	<i>хойр альми</i> ‘два яблока’ <i>негдгч дивизь</i> ‘первая дивизия’
NP -> ... Num Num Noun (c=x)	<i>нәәми зун жирн хойр арслң</i> ‘862 рубля’

5. Сочиненные — группа однородных именных групп, возможно объединённых союзом (например, *Бадм болн Цаһан* ‘Бадма и Цагана’). Возможен случай с личным местоимением (например, *би болн Саша* ‘я и Саша’).

Шаблон	Пример
<i>Сочиненные</i>	
NP -> Noun (c=x) + Conj + Noun (c=x)	<i>көвүн болн куукн</i> ‘мальчик и девочка’
NP -> Pron (c=x) + Conj + Pron (c=x)	<i>чи болн бидн</i> ‘ты и мы’
NP -> Noun (c=x) + Noun (c=x) + Num (f=Conj)	<i>көвүн куукн хойр</i> ‘мальчик и девочка’ (букв. ‘мальчик и девочка вдвоем’)
NP -> Noun (c=x) + Noun (c=x) ...	<i>дегтр, девтр, бичур...</i> ‘книга, тетрадь, ручка ...’
NP -> Pron (c=x) + Noun (c=x)	<i>би болн эцкм</i> ‘я и мой отец’
NP -> Pron (c=x) + Pron (c=x) + Num (f=Conj)	<i>чи бидн хойр</i> ‘ты и я вдвоем’ (букв. ‘ты и мы вдвоем’)

Что касается сочетаний с послелогом, то следует отметить, что можно использовать данные статистики и сведения о грамматике послелогов, о правилах сочетаемости с существительными, стоящими в определенных падежах.

Послелог	Перевод	Падеж
<i>амар</i>	вдоль, у	Gen
<i>бур</i>	каждый, всякий; еже=; с предыдущим прич. буд. вр. каждый (всякий) раз, как...; по мере того, как..., сколько ни..., как ни..., а..., чем..., тем...	Nom
<i>дараһар</i>	подряд	Nom
<i>деегур</i>	над, поверх, через, по	Nom
<i>деер</i>	на, возле, около; пока; вместе с, с	Nom; Gen
<i>деерэһар</i>	поверх, над	Nom
<i>деерэһур</i>	по	Nom
<i>дор</i>	под, в	Nom
<i>доп</i>	внутри; в; во; среди, между; в течение	Nom; Gen
<i>дундаһур</i>	сквозь, по центру	Gen
<i>заагар</i>	сквозь	Nom
<i>заагур</i>	между, меж, сквозь; не то, не то	Nom; Gen
<i>зуур</i>	с прич. буд. вр. перед, во время, когда; между тем как; при; с указ. мест. и со словами, обозначающими время, переводится по их знач.	Gen
<i>кевэр</i>	согласно, по	Nom
<i>нааһар</i>	почти	Gen
<i>һар</i>	свыше, более	Nom
<i>өмнэһур</i>	перед, впереди	Gen
<i>өөгүр</i>	вблизи, рядом, мимо	Gen
<i>өөр</i>	у, около, рядом, возле	Gen
<i>сүүлэр</i>	после, за	Gen
<i>туршар</i>	в течение, на протяжении, за	Gen
<i>учрар</i>	из-за, ввиду, вследствие; чтоб, чтобы	Gen
<i>хажуһар</i>	около, мимо	Gen
<i>хоорндаһур</i>	между, в промежутке	Gen
<i>шидр</i>	около, вблизи, у, при; к, под	Nom; Gen

Таким образом, рассмотрены структуры синтагм в калмыцком языке, где вершиной является имя существительное. Исходя из рассмотренных синтагм, можно выработать следующие критерии:

- 1) все узлы зависимостей именных групп представляют собой линейную последовательность без разрывов;
- 2) вершиной являются именные части речи;
- 3) знаки препинания в таких группах отсутствуют, за исключением сочинительных именных последовательностей;
- 4) зависимые элементы находятся слева от вершины, кроме сочиненных и отрицательных комплексов;
- 5) именная синтагма может состоять из одной единицы и более, следовательно, анализатору необходимо обращаться к контексту +1 и более токена.

Границы именных групп могут проводиться в следующих случаях:

- 1) в начале предложения;
- 2) перед знаками препинания;
- 3) после союза *хойр* 'и';
- 4) перед глаголом в личной форме, а также перед атрибутивными глагольными формами;
- 5) после отрицательной частицы *уга* 'нет';
- 6) перед наречием, если сразу же за ним следует глагол.

Таковы в целом результаты работы по выработке критериев установления границ именных групп, тем не менее работа далека до завершения, возможно уточнение информации о границах и критериях. Следующим этапом станет разработка глагольных групп, при этом уже возможно использовать имеющийся массив данных по именовым группам для выработки алгоритма извлечения синтаксических фрагментов из текста.

Литература

Куканова В. В. Принципы семантической разметки Национального корпуса калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 137–143.

Куканова В. В., Каджиев А. Ю. Алгоритм работы морфологического парсера калмыцкого языка // Письменное наследство и информационные технологии [Текст]: Материалы от V Междунар. науч. конф. (Варна, 15–20 сентября 2014 г.) / отв. ред. В.А. Баранов, В. Желязкова, А.М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 116–119.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.

References

Kukanova V. V. Principles of a Semantic Marking of the National Corpus of the Kalmyk Language. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2014. No. 2. Pp. 137–143. (In Russ.)

Kukanova V. V., Kadzhiev A. Yu. Algorithm of the Morphological Parser of the Kalmyk Language. In: *Written Heritage and Information Technology. Conf. proc. (Varna, 15–20 September 2014)*. V. A. Baranov, V. Zhelyazkova, A. M. Lavrentiev. Sofia; Izhevsk, 2014. Pp. 116–119. (In Russ.)

Maslov Yu. S. *Introduction to Linguistics*. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. 272 p. (In Russ.)

**Научно-информационный портал
«Материалы и исследования по монгольским языкам»:
структура и контент***

The Science and Data Portal “Materials and Studies on the Mongolic Languages”: the Structure and Content

А. Т. Баянова (A. T. Bayanova)¹,

В. В. Куканова (V. V. Kukanova)²

¹ зав. Научной библиотекой им. П. Э. Алексеевой, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

Head of the P. Alexeeva Scientific Library, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

² кандидат филологических наук, директор, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Ph. D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Аннотация. В данной работе рассматриваются структура и контент научно-информационного портала «Материалы и исследования по монгольским языкам». Данный информационный ресурс позволяет аккумулировать исследования и материалы, в том числе лексикографические источники. Структуру портала условно можно разделить на три части: с одной стороны — материалы, в их числе рукописи, электронные ресурсы; с другой — словари, разговорники; с третьей — непосредственно исследования. Отдельной компонентой являются биографии лингвистов-монголоведов, где приводятся основные работы ученых.

Ключевые слова: научно-информационный портал, монгольские языки, исследования, рукописи, словари, книжные памятники.

Abstract. The paper examines the structure and content of the science and data portal “Materials and Studies on the Mongolic Languages”. The information resource allows to accumulate corresponding studies and materials, including lexicographic sources. The structure of the portal can be nominally divided as follows: materials, including manuscripts and digital resources; dictionaries and phrase books; the research studies proper. In a separate part are the biographies of Mongolic linguists alongside with the scholars’ main works.

Keywords: science and data portal, Mongolic languages, studies, manuscripts, dictionaries, book monuments.

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке проекта РГНФ № 15-04-12038/в «Создание и развитие научно-информационного портала «Материалы и исследования по монгольским языкам».

Интернет-технологии как средства электронной коммуникации активно внедряются и в сферу науки. Одним из инновационных способов решения проблемы формирования единого научно-информационного пространства с целью максимального приближения научных источников к исследователю является создание научно-информационных порталов. Использование подобных Интернет-решений позволяет эффективно использовать физические и интеллектуальные возможности человечества и ускорить процесс работы с источниками и научной литературой по интересующей ученого проблематике.

Первое, с чем сталкивается исследователь в разработке новой темы, — с проблемой сбора информации для проведения исследования. Если раньше ученый посещал библиотеку в целях поиска материала, каталогизировал научную литературу, заказывал ее и только после этого начинал ее изучение, то в последнее время появилась возможность воспользоваться Интернет-ресурсами. Но не все исследователи прибегают к Интернету для поиска материала по историографии вопроса (проблемы). Во-первых, в ходе поиска даже через «продвинутые» поисковые системы возникает так называемая «зашумленность», в результате не всегда выдаются только научные изыскания, очень много «мусора» (новости, реклама и др.), никаким образом не связанного с научными исследованиями. Во-вторых, результаты разбросаны по различным источникам, которые сложно найти и обработать из-за разных форматов (html, diVu, pdf и др.). В-третьих, исследователь сталкивается с проблемой при поиске информации, когда поисковая система выдает предметно не ограниченные результаты. Так, например, если исследователю необходимо найти, предположим, материалы по фонетической системе монгольского языка, то поисковая система может выдать результаты, с одной стороны, не только по фонетике монгольского языка, но и, с другой, по любым исследованиям на материале монгольского языка.

Таким образом, назрела необходимость создания такого рода информационно-справочных систем, способных решить задачи обеспечения ученых материалом по историографии вопроса или проблемы в узкоспециализированном пространстве. На это нацелен

и проект «Материалы и исследования по монгольским языкам», поддержанный Российским гуманитарным научным фондом в 2015 г. Необходимость создания подобного портала очевидна и актуализирована возросшим в обществе интересом к восточным языкам, каковыми является группа монгольских языков. Переведенные в цифровой формат материалы и исследования по монгольским языкам, аккумулированные в одной системе и описанные по одному стандарту, предоставят широкие возможности для ученых-монголоведов, поскольку электронная библиотека — это качественно новый уровень организации и распространения информации. При этом информационно-справочная система сопровождается библиографическим описанием (ключевые слова, аннотация, выходные данные и др.), а также просмотром текстов в режиме он-лайн.

Целью данной статьи является описание технологии создания научно-информационного портала «Материалы и исследования по монгольским языкам», а также структуры и контента портала. Работа строилась в нескольких направлениях: 1) изучение проблемы защищенного просмотра текстов; 2) структурирование базы данных в соответствии со стандартами отечественного и зарубежного библиотечного дела; 3) проведение каталогизации источников, посвященных изучению монгольских языков; 4) оцифровка научных текстов на русском, калмыцком, бурятском, монгольском, английском языках. Первоначально был протестирован ряд технологических решений для создания каталога и электронной библиотеки (GreenStone, ResCarta, Либер и др.), каждое из которых обладало как преимуществами, так и недостатками [Загорулько и др. 2011].

Наиболее впечатляющим технологическим решением является LibeR, однако стоит данное программное обеспечение весьма дорого. В результате нами было принято решение остановиться на бесплатном решении ResCarta, которое обеспечивает защищенный просмотр файлов и не позволяет скачивать материалы на персональный компьютер.

Данный портал создаст условия для инкорпорации и интеграции научных ресурсов по монгольским языкам в единое информационное пространство и сделает возможным содержательный и свободный доступ к этим источникам [Федоров и др. 2007]. Науч-

ная значимость проекта несомненна, поскольку, с одной стороны, отсутствуют какие-либо репрезентативные электронные ресурсы, посвященные данной проблематике (если сравнить, например, с исследованиями по русскому или английскому языку), с другой — наличие электронной библиотеки поднимет на новый уровень исследования, посвященные проблемам монгольских языков.

Следующим этапом работы над проектом были оцифровка научных изданий для создания электронной библиотеки, а также их каталогизация. В первую очередь были отсканированы рукописные и литографические источники XVIII–XIX вв., редкие словари и грамматики, находящиеся в фондах Российской научной библиотеки, Научной библиотеки Восточного факультета СПбГУ и Научной библиотеки Калмыцкого научного центра РАН (КИГИ РАН). Зная, что многие современные электронные библиотеки обладают плохим качеством изображений, были выработаны критерии, направленные на обеспечение требуемого уровня сканирования, которых и придерживались при выполнении данного вида работы (300 dpi). Для оцифровки изданий использовалась программа FineReader Pro 11, приобретенная для реализации проекта РГНФ «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и развитие», который выполнялся в 2012–2014 гг. Сканирование производилось на планшетном сканере в формате PDF.

Важным компонентом контента портала является библиографическое описание источников, которое основано на определенных общепринятых правилах, согласно ГОСТ. Каталогизация позволяет систематизировать и идентифицировать большой массив отсканированных источников, обеспечивает оптимальные возможности системы поиска информации на портале. Контент портала включает каталог и собственно библиотеку (полнотекстовые источники).

Портал условно можно разделить на три части: с одной стороны — материалы, в их числе рукописи, электронные ресурсы; с другой — словари, разговорники; с третьей — непосредственно исследования. Отдельной компонентой являются биографии лингвистов-монголоведов, где приводятся основные работы ученых.

Раздел «Материалы» состоит из: 1) ссылок на электронные ресурсы, в их числе базы данных, корпуса; 2) рукописей. Рукописи

были собраны из различных источников, которые были найдены в Интернет-пространстве, а также были оцифрованы в фондах Российской научной библиотеки, Научной библиотеки Восточного факультета СПбГУ, Научной библиотеки Калмыцкого научного центра РАН, Национального архива Республики Калмыкия. Большое количество рукописей хранится в архиве и в личных фондах Института восточных рукописей РАН, однако они доступны только для работы непосредственно в фондах Института.

Раздел «Словари» состоит из лексикографических источников, в основном из словарей XVIII–XIX вв. Большую ценность представляют словари на старописьменных графических системах. Роль ранних двуязычных и многоязычных рукописных и первых печатных словарей монгольских языков велика: они занимают особое место как в истории книжной культуры, так и в письменной традиции монгольских народов. Отметим, что словари начали появляться еще в XVIII в., однако период наиболее активного развития лексикографической работы пришелся на XIX в., когда усилились социально-экономические связи с Востоком, в том числе и с монгольским миром. В этот же период зарождается отечественное востоковедение, которое бурно развивается во второй половине XIX в. и начале XX в. Лексикографические источники по своему типу являются переводными, практически отсутствуют толковые, синонимические и другие виды словарей, что также обусловлено политическими и религиозными (христианизация) задачами общества XIX в. Собранные рукописные или печатные словари порой являются единственным источником для исследования истории лексической системы монгольских языков, наряду с рукописными памятниками и ксилографами. Объем словарей, как правило, небольшой, но имеются и довольно большие словари, входной язык либо монгольские языки, либо европейские языки (немецкий, французский, шведский, русский и др.). В некоторых словарях даются сведения о составителе, диалекте, о территории, где собран лексический материал для словаря.

В силу разных причин собранные словари оказались в течение долгого времени не известными, упоминания об их существовании не многочисленны, отрывочны, хотя лингвисты время от времени

привлекали их в качестве материала для исследования, тем самым вводили в научный оборот отдельные фрагменты.

Что касается структуры словарной статьи в словарях, имеющих на разрабатываемом портале, то следует сказать, что словарная статья может включать не только слово из оригинального языка и слова (эквивалента) из переводного языка, но также иметь расширенную структуру, включая пометы о диалектной принадлежности, перечень фразеологизмов, примеров и т. д.

Монгольская лексикография развивалась в основном по традициям русской лексикографии — алфавитное расположение заголовочных слов. Основой для словаря служил список лексем на том или ином языке, которым впоследствии осуществлялся поиск эквивалента. Конечно, словарь включал наиболее стабильную, традиционную часть лексической системы монгольских языков. При наличии многовековых традиций и многочисленных лексикографических источников достаточно слабо изучена история монгольской лексикографии, хотя следует отметить работу Б. Д. Цыренова [2013].

Раздел «Исследования» состоит непосредственно из трудов, которые посвящены изучению монгольских языков. В данную категорию входят как монографии, коллективные труды, статьи, доклады, тезисы, так и авторефераты, диссертации. Все они отражают определенные этапы в развитии монголоведения как науки. Можно условно выделить несколько этапов в развитии монголоведения — «монгольского» в широком смысле языкознания. В XVIII в. происходило зарождение науки о монгольских языках, в XIX в. — становление, что проявилось в написании грамматик, содержащих общие сведения о грамматике того или иного языка монгольской группы, в подготовке словарей. В XX в., особенно во второй его половине, появляются работы, посвященные частным вопросам в каждой проблемной области. Однако важно отметить, что развитие монгольского языкознания соответствовало общим паттернам в лингвистике, парадигмам, устоявшимся в науке.

Сфера использования проекта достаточно широка: предлагаемый ресурс можно применять не только в собственно исследовательских целях, но и в процессе обучения в высших учебных заведениях, которые специализируются на восточных языках (например,

Санкт-Петербургский государственный университет, Калмыцкий государственный университет, Бурятский государственный университет, Институт языкознания РАН, Институт востоковедения РАН, Институт восточных рукописей РАН, Калмыцкий научный центр РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии РАН и др.). Создаваемый ресурс представляет собой базу работ, посвященных разным аспектам исследования монгольских языков. Разрабатываемая электронная библиотека размещена в Интернете.

Литература

Загорулько Ю. А., Боровикова О. И., Кононенко И. С. Обеспечение содержательного доступа к лингвистическим информационным ресурсам на основе технологии порталов знаний // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318. № 5. С. 99–104.

Федоров В. В., Антопольский А. Б. Стратегия развития электронных библиотек России [электронный ресурс] // URL: http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irr/2007/number_2/number_2_3/number_2_3549/ (дата обращения: 01.09.2016).

Цыренов Б. Д. Монголоязычно-русская лексикография (структура, принципы, семантизация). Улан-Удэ: ГБУ РЦ «Бэлиг», 2013. 208 с.

References

Fedorov V. V., Antopolskiy A. B. Strategy of Development of Electronic Libraries of Russia. Available at: http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irr/2007/number_2/number_2_3/number_2_3549/ (accessed: 1 September 2016). (In Russ.)

Tsyrenov B. D. Russian Lexicography in Mongolian (Structure, Principles, Semanticization). Ulan-Ude: Belig, 2013. 208 p. (In Russ.)

Zagorulko Yu. A., Borovikova O. I., Kononenko I. S. Maintenance of the Linguistic Information Resources Content Access on the Basis of Knowledge Portals Technology. Bulletin of Tomsk Polytechnic University. 2011. Vol. 318. No. 5. Pp. 99–104. (In Russ.)

Ойратские ксилографы, хранящиеся в частных коллекциях Синьцзяна КНР*

Oirat Woodcut, Stored in Private Collections Xinjiang China

*Б. В. Меняев (B. Menyayev)*¹

¹ младший научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: menyayevbv@kigiran.com.

Junior Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: menyayevbv@kigiran.com.

Аннотация. Статья посвящена описанию ойратских ксилографов, хранящихся в частных коллекциях в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Автор описывает пять ксилографов, которые являются культурным достоянием ойратов Китая. Ксилографы, хранящиеся в частных коллекциях ойратов, являются редкостью, так как способ их изготовления не имело широкого распространения.

Ключевые слова: ойраты, Синьцзян, ксилограф, Зая-пандита, частная коллекция.

Abstract. The article is devoted to description of the Oirat block prints that are stored in private collections in the Xinjiang Uighur Autonomous Region of China in Oirat families. The author describes the five woodcuts, which are the cultural heritage of Oirats. Woodcut from Oirats are rare, since their production was not common in Oirats.

Keywords: Oirats, Xinjiang, woodcut, Zaya Pandita, private collection.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РГНФ № 16-04-00281 «Частные коллекции калмыцких (ойратских) рукописей в России и Китае (по материалам археографических экспедиций 2012–2014 гг.)».

Ксилограф — это оттиск на бумаге с деревянной дощечки. Общеизвестно, что ксилографы у ойратов были редкостью и на сегодняшний день обнаружено их небольшое количество. В первой половине XX в. Б. Лауфер писал об отсутствии у ойратов книгопечатания [1927: 27]. Б. Я. Владимирцов говорит о двух ксилографах [2003: 54]. Позже Д. Кара писал, что их число не более десяти [1972: 173]. Х. Лувсанбалдан писал, что ксилографы в коллекциях г. Улан-Батора насчитывают восемь экземпляров [Лувсанбалдан, Бадмаев 1970: 80]. А. Г. Сазыкин говорит о 15 ксилографах [1986: 277]. Точное количество ксилографов на «ясном письме» в настоящее время не известно.

Существуют разные объяснения причин слабой распространенности ксилографов среди ойратов. По мнению некоторых исследователей, сама предметность рукописной книги, ее «плоть» воспринимались как святыня, как хранилище сакральных знаний. Поэтому рукописная книга имеет непосредственную связь с тем, кто заказал ее переписку, а «ксилограф», считается, не одушевленным [Бичеев 2003: 78]. Этим, возможно, и объясняется их столь незначительное количество. Несмотря на это, ойратские ксилографы имеются в различных архивах. Во время научных экспедиций в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая (далее — СУАР КНР) в результате поисков рукописей и старинных книг на «ясном письме» нами были обнаружены и зафиксированы пять ксилографов, хранящихся в частных коллекциях:

1. *Xutuq-tu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan genel kemēkü yeke külgüni sudur orošiboī*. Популярное каноническое сочинение «Сутра Золотого света». Размер: 40×10,5 см, 130 листов.

2. *Xutuqtu saqlaši ügei nasun belge biliqtü kemēkü yeke kölgüni sudur*. Каноническое сочинение, относящееся к культуре будды долготлетия Амитаюса. Размер: 20×8,5 см, 17 листов.

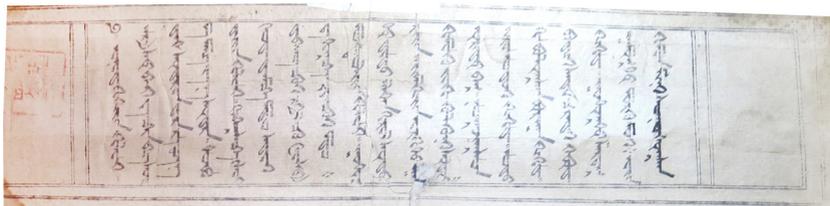
3. *Xutuqtu biligiyn činadu kürüqsen tasuluqči očir kemēkü yeke kölgöni sudur orošiboī*. Каноническое сочинение буддизма Махаяны («Ваджрочхедика праджня-парамита сутра»). Размер: 22,7×9 см, 30 листов.

4. *Xutuqtu biligiyin činadu kürüqsen tasulaqçı oçir kemëkü yeke kölgüni sudur*. Каноническое сочинение буддизма Махаяны («Ваджрачхедика праджня-парамита сутра»). Размер: 25×9 см, 41 лист.

5. *Xutuq-tu Darē ekeyin xorin nigen maqtāl kemëkü orošibo* «Двадцать один магтал Дара-эхе». Размер: 31×10 см, 20 листов.

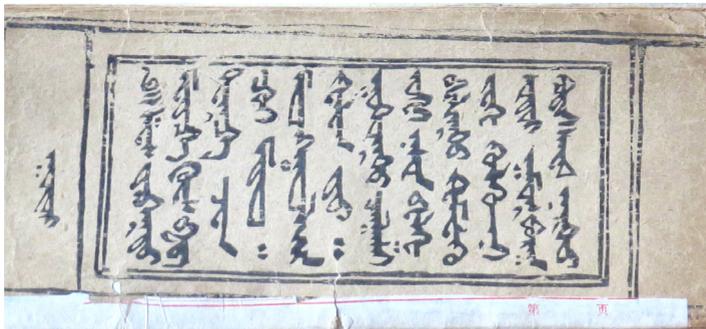
Все эти ксилографы, представляющие особый интерес для исследователей, находятся в частных коллекциях. В селении Бахлык уезда Текес Или-Казахской автономной области СУАР КНР в доме буддийского священнослужителя Увелзенга хранится ойратский ксилограф «Сутра Золотого света» (*Xutuq-tu suduriyin ayimagiysin erketü xān dēdū altan genel kemëkü yeke külgüni sudur orošibo*). Сутра была переведена Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599–1662) с тибетского языка. В перечне переводов она стоит пятой по счету [Лунный свет 1999: 62]. «Сутра Золотого света» является очень популярной и наиболее распространенной у всех монголызычных народов [Лувсанбалдан 1970: 11]. На каждом листе ксилографа стоит печать красного цвета. К сожалению, с течением времени красная тушь выцвела, и поэтому нам не удалось прочитать текст. По сообщению владельца, ксилограф раньше хранился в монастыре, основанном Зая-пандитой (ойр. *xutuqtuyin kürē*). Первый лист состоит из 19 строк, второй — 130 листов, на одной странице 20 строк. Последний 131-й лист имеет 17 строк. Пагинация полистная. Бумага, на которой отпечатан ксилограф, плотная. Интересную и важную информацию по истории ксилографа содержит его колофон. Так, инициатором печатания сутры являлись правитель Калмыцкого ханства Дондук Даши-хан и его супруга ханша Деджит (*öqligüyin ezen oloni ezen oyirodiyın noyon Don grob bkra šes kigēd neyideyin yeke ezen eke hatun Bde skyed*). В колофоне ксилографа Дондук Даши-хан назван ойратским нойоном. Следовательно, время изготовления ксилографа можно датировать годами правления Дондук Даши-хана, т. е. между 1741–1761 гг. В отношении ханши Деджит известно, что она являлась второй женой Дондук Даши-хана и мачехой наместника Убаши, который увел большую часть калмыцкого народа в Китай в 1771 г. Дондук Даши-хан был законодворцем и большим поборником образования среди калмыков [Голстунский 1880]. В колофоне также говорится о перевод-

чике с тибетского на ойратский язык Зая-пандите (olburi dēdū yeke amuyūulang-gi olxuyin tula Oqtorγui Dalai Rab-byam Za-Ya pandida orċiulbai). На письменной доске текст вырезал писец Мерген Гуши Цультим Джамцо (оноγой uxātu Mergen güüşī Çül-krim byam-co samuradan), а на бумагу переносил Гедун Занпо (onco dēdū-yi-gi kereqleqčī ketürkei biččī Dge-dun Bzangpo cāsun-du bičiqsen). По словам хранителя письменного памятника, ксилограф был вывезен с Волги в 1771 г.

Первый лист ксилографа «Хутуq-tu suduriyin ayimagiyin erketü хān dēdū altan gerel kemēkü yeke күлгүни sudur orošiboи» из коллекции священнослужителя Увелзenga

Еще один интересный ксилограф на «ясном письме» хранится в семье жителя поселка Джу Ма Чан, находящегося близ г. Монгол-Курээ, Хотол-Тугеса под названием «Сутра Махаяны, именуемая „Святая, обладающая неизмеримой жизнью и мудростью“» (Хутуqtu саqlаši үgei nasun belge biliqtü kemēkü yeke көлгүни sudur). Сутра посвящена культу Будды Амитаюса и является каноническим буддийским сочинением. Размер этого ксилографа 20×8,5 см, состоит из 17 листов, на каждом листе по 17 строк. Края листов склеены бумагой белого цвета. Эта сутра также является переводом Зая-пандиты. Заказчиком перевода был ученик Зая-пандиты Ачиту-цоржи. К слову, Ачиту-цоржи был инициатором многих переводов Зая-пандиты. К сожалению, в колофоне отсутствует информация об изготовлении самого ксилографа, т. е. о времени, резке и заказчике ксилографирования.

Лист ксилографа «Хутуqtу саqlаšĭ ügei nasun belge biligtü kemĕkü yeke kölgüni sudur» из коллекции Хотол-Тугеса

В коллекции Утнасуна Хошуда, который проживает в селе Хусумт Хара Усун уезда Монгол-Курээ, хранится ксилограф «Ваджраччхедика праджня-парамита сутра» (Хутуqtу biligiĭin čĭnadu kürüqsen tasuluqčĭ očĭr kemĕkü yeke kölgöni sudur orošĭbo). Обращает на себя внимание хорошая сохранность ксилографа, что говорит о надлежащем уходе и бережном отношении хранителя к нему. Важно отметить, что владелец является переписчиком сутр (sudur bosxodoq) и читающим их по просьбе верующих (nom пĕдеq). Размер ксилографа 22,7×9 см. Текст отпечатан на 30 листах плотной коричневой бумаги, на каждом листе от 13 до 19 строк. Края первого, второго и последнего листа обклеены скотчем. Колофон содержит информацию о заказчике, переписчике и резчике. Для полноты информации об изготовлении ксилографа мы даем транслитерацию колофона с переводом на русский язык: dorze zodpayin sudur öüni ariun süzüqtü Mōngkübya öqligüĭyin ezen bolun bartu bulyulbā öüni siyileqsen ariun šaqšābad tögüsüqsen dgeslong Bluzang Kalzhang: Ƴal tuulai jĭldu bartu silji bosxuba.: Amitani sayin buyan-du Bakā daxan bayasulcaba (Сутру «Дорджи дждва» повелел отпечатать истинно верующий милостынедатель Монкуджа, отпечатал же ее преисполненный святых обетов гелонг Лоузанг Галсанг. Отпечатали [сутру] в год огненного зайца. Хорошей добродетели живых существ возрадовался Бака). Данный ксилограф был отпечатан в 60–70-е гг. XX в. Доказательством этому служат

формы букв «z» и «с» «ясного письма», которыми отпечатан ксилограф. Они были приняты в СУАР КНР в 60-е гг. XX в.

Лист ксилографа «Хутуqtu biligiin činadu kürüqsen tasuluqči očir kemëkü yeke kölgöni sudur orošibo» из коллекции Утнасна Хошуда

Еще один интересный ксилограф «Ваджраччхедеми праджня-парамита сутры» мы обнаружили в частной коллекции знатока старинных ойратских книг Джууны, жителя г. Монгол-Курээ. Этот список интересен тем, что был изготовлен по инициативе торгутского хана Буян-Менке (1891–1917) и его супруги ханши Пуджин. Буян-Менке являлся прямым потомком калмыцкого хана Дондук Даши. Как видим, он, как и его предок, покровительствовал ксилографированию у ойратов. Этот памятник представляет собой очередной, третий, пример, ксилографирования «Ваджраччхедеми праджня-парамита сутры» ойратами.

Листы ксилографа «Хутуqtu biligiin činadu kürüqsen tasulaqči očir kemëkü yeke kölgöni sudur orošibo» из коллекции Джууны

Пятый ксилограф, который нам довелось обнаружить, — это «Двадцать одно восхваление Таре» (ойр. *Xutuq-tu Darē ekeyin xorin nigen maqtāl kemēkü ogošibo*). Этот источник хранится в семье историка, каллиграфа Джавын Досана, жителя г. Текес СУАР КНР. Ксилограф идентичен тому списку, который хранится в Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН в г. Санкт-Петербурге [Яхонтова 2014: 8]. Размер его 31x10 см. Ксилограф состоит из 20 листов. Левый край ксилографа был поврежден огнем, но текст и изображения просматриваются четко.

Листы ксилографа «*Xutuq-tu Darē ekeyin xorin nigen maqtāl kemēkü ogošibo*» из коллекции Джавын Досана

Таким образом, можно отметить, что ойратские ксилографы, обнаруженные в частных коллекциях в СУАР КНР, являются ярким свидетельством того, что книгопечатание у ойратов в XVIII–XX вв. было. Надеемся, что углубленное изучение этих ксилогра-

фов внесет заметный вклад в исследование письменной культуры ойратов.

Литература

Бичеев Б. А. Этнообразующие доминанты духовной культуры западных монголов (ойратов). Элиста: КалмГУ, 2003. С. 78–80.

Владимирцов Б. Я. Работы по литературе монгольских народов. М.: Вост. лит., 2003. 608 с.

Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Вост. лит., 1972. 194 с.

Лауфер Б. Очерк монгольской литературы / пер. В. А. Казакевича; под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л., 1927. 95 с.

Лувсанбалдан Х., Бадмаев А. В. Калмыцкое ксилографическое издание сутры «Алтан гэрэл» // 320 лет старокалмыцкой письменности. Мат-алы научной сессии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. С. 80–93.

Сазыкин А. Г. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии наук от Б. Я. Владимирцова. // *Mongolica I.* Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884–1931 / ред. колл. А. Н. Кононов, Л. К. Герасимович, С. Г. Кляшторный, Е. И. Кычанов, А. Г. Сазыкин, В. М. Солнцев. М.: ГРВЛ, Наука, 1986. С. 265–297.

Яхонтова Н. С. Ойратские рукописи и ксилографы в собрании Института восточных рукописей РАН // Мир «ясного письма». Сб. науч. статей. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 5–26.

References

Bicheev B. A. Ethno-forming Dominants of the Spiritual Culture of Western Mongols (Oirats). Elista: Kalmyk State University, 2003. Pp. 78–80. (In Russ.)

Kara D. Books of Mongolian Nomads (Seven Centuries of Mongolian Script). Moscow: Vost. lit., 1972. 194 p. (In Russ.)

Laufer B. The Sketch of Mongolian Literature. V. A. Kazakevich (transl.). B. Ya. Vladimirtsov (ed.). Leningrad, 1927. 95 p. (In Russ.)

Luvsanbaldan Kh., Badmaev A.. V. Kalmyk Xylographic Edition of the Sutra “Altan gerel”. In: 320 Years of Old Kalmyk Script. Conf. proc. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1970. Pp. 80–93. (In Russ.)

Sazykin A. G. Mongolian Manuscripts and Woodcutters, Received in the Asian Museum of the Russian Academy of Sciences from B. Ya. Vladimirtsov. In: *Mongolica I.* In memory of academician Boris Yakovlevich Vladimirtsov. 1884–1931. A. N. Kononov, L. K. Gerasimovich, S. G. Klyashtorniy, E. I. Kychanov, A. G. Sazykin, V. M. Solntsev (ed.). Moscow: Nauka, 1986. Pp. 265–297. (In Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. Works on Literature of Mongolian Peoples. Moscow: Vost. lit., 2003. 608 p. (In Russ.)

Yakhontova N. S. Oirat Manuscripts and Woodcutters in the Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS. In: The World of “Clear Script”. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2014. Pp. 5–26. (In Russ.)

К проблематике исторического изучения оригинальных и переводных сочинений калмыцких буддийских священнослужителей

On the Problematics of Historical Studies of Original and Translated Compositions of Kalmyk Buddhist Priests

*Д. Н. Музраева (D. N. Muzrayeva)*¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: deliash@mail.ru
Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor, Senior Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: deliash@mail.ru.

Аннотация. Автор статьи обращается к проблемам истории создания сочинений на буддийскую тематику в среде ойратов, получивших письменность благодаря деятельности Зая-пандиты Намкай Джамцо. Статья воспроизводит сведения о сочинениях самого Зая-пандиты на ойратском языке, а также его последователей до начала XX в. (Д. Сетенов). Представленная работа содержит также краткий историографический обзор в области изучения ойратских письменных оригинальных и переводных текстов.

Ключевые слова: буддизм, священнослужители, переводы, канонические тексты, историография, «ясное письмо», рукописи, ксилографы.

Abstracts. The article examines the problematic aspects in the history of creation of Buddhist compositions among the Oirats that received their script system due to the activities of Zaya paṇḍita nam-mkha' rgya-mtsho. The article provides data on Zaya paṇḍita's Oirat compositions as well as those written by his followers up to the early 20th century (D. Setenov). The presented work also contains a short historiographic review in the field of studies of original Oirat and translated texts.

Keywords: Buddhism, priests, translations, canonical texts, historiography, "Clear Script", manuscripts, woodblock prints.

В представленной статье затронут ряд вопросов изучения письменных памятников, авторами (создателями) которых являются калмыцкие буддийских священнослужители. В ней хотелось сказать несколько слов об изучении языка памятников и самих письменных переводных и оригинальных памятников в историческом ракурсе. Изучение таких текстов в плане историческом (люди, эпохи, личности, история языка(ов)) позволит составить представление о том, как трансформировался «тодо бичиг» и само отношение к работе по переводу, отношение к буддизму в советскую эпоху, как изучали эти памятники в дореволюционной России и в послереволюционной, в советскую эпоху и в постперестроечную и т. д. В настоящее время, — когда мы наблюдаем стирание граней между исследователями-буддологами и практикующими буддистами, такой разброс в направлениях, школах буддизма и интерес к ним, при этом у каждого из них свои адепты, последователи, популяризаторы, — наверное, можно проследить и то, на какие тексты они опираются, что общего, а что разнится, что черпают из общеканонических основополагающих текстов, а что видоизменяется и со временем разрастается у каждого направления в свое собственное. Все эти вопросы можно изучать под разными углами зрения с опорой на подобные тексты.

В данной работе мы обращаем внимание лишь на ту часть корпуса ойратских письменных источников, содержание которых составляет буддийская тематика.

Зарождение и становление ойратской литературы уходит своими корнями в середину XVII в. Если судить о процессе развития ойратской литературы на самых ранних этапах ее сложения, то оно оказывается неразрывно связанным с деятельностью Зая-пандиты Намкай Дзамцо (1599–1662). Так считает большинство ученых-монголоведов и ойратоведов [Поппе 1966; Бадмаев 1968б; Павлов 1970]. Именно с середины XVII в. ойратская литература выделилась из состава общемонгольской литературы, образовав ее самостоятельную ветвь, и вплоть до начала XX в. продолжала по своему составу развиваться в русле общемонгольской письменной словесности [Михайлов 1977; Сазыкин 1988], в которой, однако, доминирующее положение занимала конфессионально ориентированная литература.

Как мы уже сказали, сведения о биографии ойратского Зая-пандиты, а также о его просветительской и переводческой деятельности мы можем почерпнуть из его биографии, составленной в конце XVII – начале XVIII в. одним из его ближайших учеников Раднабхадрой [Biography... 1967; Бадмаев 1968а; Норбо 1999; Раднабхадра 1999; Хүрэлбаатар 1995: 52–54].

О неослабном интересе к письменному наследию ойратов свидетельствуют и ранние, и современные публикации переводов ойратских текстов. Это научное направление связано с именами таких классиков отечественной монголистики и тибетологии, как И. Я. Шмидт, К. Ф. Голстунский, О. М. Ковалевский, А. В. Попов, А. М. Позднеев и др.

А. М. Позднеев выступал редактором изданий текстов на ойратском «ясном письме» и некоторых их переводов. Хорошо известно о сотрудничестве ученого с калмыцкими и бурятскими ламами, результатом которых явились публикации таких изданий, как «Калмыцкие сказки», ойратский текст «Прибежища» Д. Сетенова, ряд учебных изданий по буддизму [Сетенов 1914; Шастина 2003].

Особо следует сказать о научных мероприятиях, посвященных юбилеям «ясного письма» и его создателя [Kalmyk-Oirat Simposium 1966; 320 лет... 1970; Научный симпозиум 1999]. К юбилейным датам был приурочен сборник «Некоторые вопросы ойратоведения», в котором была представлена статья Б. Ринчена о культурно-историческом значении создания «ясного письма» [Ринчен 1999].

Таким образом, резюмируя сказанное, можно заключить, что история переводов классических буддийских сочинений (канонических и неканонических, расширяющих объем наших знаний о собственно литературной практике) в период, непосредственно предшествующий созданию Зая-пандитой «ясного письма» и после создания «ясного письма» самим Зая-пандитой и его учениками, выглядит необычайно интересной и насыщенной яркими событиями, связанными с созданиями ойратских версий переводов известных памятников и их историей в среде ойратов и калмыков. Здесь сделано очень многое в плане характеристики биографии самого Зая-пандиты, определения состава знакомых ему и переведенных им сочинений, установления их тибетских оригиналов, что откры-

вает нам выход к более ранней литературной истории этих произведений до их прихода в Тибет, а для некоторых — и вхождения в буддийский канон. Историография вопроса наглядно демонстрирует значительный вклад отечественных исследователей в мировое ойратоведение, одновременно с этим надо признать, что немало сделано в этой области исследований учеными Монголии и других стран. Вместе с тем в этой области остается еще множество нерешенных проблем, создающих большой простор для исследования в XXI в.

Как можно судить, собрание переводов Зая-пандиты уже в момент его создания было структурировано по объектам описания и основным темам сочинений, которые использовались в тех практиках, которые требовали подобных текстов, по отдельным группам. Об этом в биографии Зая-пандиты с его собственных слов говорится так: «Осенью того [1661 г.] Сэнгэ и Цэван-Джялмо отправили посланца с лошадей и хадаком просить [Зая-пандиту] перевести жизнеописание Падма-Самбхавы, на что [Зая-пандита]-хутухта сказал:

— Если желаете узнать, какие деяния [для учения Будды] приемлемы, а какие неприемлемы, то я перевел „Боди мор“, „Пачой“ и много других сочинений о том, что приемлемо, что неприемлемо.

Если желаете знать жития святых, то я перевел „Биографию Будды“, „Бучой“, „Биографию Маларайбы“ и множество других [жизнеописаний].

Если желаете знать об обряде созерцания, то я перевел „Гунрик“, „Цэдбак“, „Нигуца хурангуй“, „Ямандака“, „Дорбэн догшит“ и множество других больших и малых описаний способов созерцания.

Если желаете узнать, как в нынешней калпе явился Будда и проповедовал святое учение, [а также узнать] хронологию ханов, то я перевел „Номун гарулга“, „Чихула хэрэгту“, „Угийн санг“ и многое другое.

Если желаете читать переводы поучений Будды, то я перевел „Найман минган шилугту“, „Алтан гэрэл“, „Тарпа чэнпо“, „Панчаракша“ и множество других больших и малых книг с поучениями [Будды]» [Раднабхадра 1999: 80; Норбо 1999: 86].

Названные здесь сочинения, по тексту биографии, могли быть сгруппированы по тематике самим Зая-пандитой. Перечень его

переводов не имеет рубрикации, но, как кажется, эта рубрикация может быть восстановлена по группам текстов, причем указания на ее существование или возможность ее существования извлекаются из текста биографии Раднабхадры. Перед списком переводов Зая-пандиты указаны основные жанры переведенных текстов — «Сутры, тантры, поучения, шастры» [Раднабхадра 1999: 61; Норбо 1999: 53].

Из рассматриваемой биографии Зая-пандиты явствует, что переведенные им сочинения, похоже, все наличествующие на момент сообщений единым собранием, были переписаны по повелению Сэнгэ в 1653 г. и Алдаром-Тайжди в 1654 г. [Раднабхадра 1999: 73; Норбо 1999: 74–75]. Самое же собрание переводов, согласно изданию с комментариями А. Г. Сазыкина, оформлялось в период от года барса до года барса — в 1638–1662 гг. [Раднабхадра 1999: 61–62], хотя эта датировка имеет альтернативы [Раднабхадра 1999: 112–113; Норбо 1999: 53]. В эти хронологические указания укладывается и период 1650–1662 г., а также период с 1638 г. по 1650 г.

Идентификация сочинений, которые переводились Зая-пандитой и его последователями, сопряжена со значительными трудностями. К их числу относится неустойчивость заголовков сочинений, именование сочинений не по заголовку, а по приметным фрагментам текстов, по первой строке или последней строке, по именам божеств, упоминаемых в тексте или божеств, которым посвящаются сочинения. Известные сложности такого плана встречаются даже при сравнении списка переводов Зая-пандиты, приведенного Раднабхадрой.

Объектами изучения при анализе переводческого наследия Зая-пандиты становятся разные группы текстов.

Во-первых, ойратские версии буддийских памятников, где необходимо выявлять копии-списки переводов Зая-пандиты и переводы, принадлежащие другим переводчикам.

Во-вторых, тибетские версии текстов, переведенных Зая-пандитой, которые необходимы нам с целью определения непосредственных оригиналов ойратских версий буддийских памятников, созданных Зая-пандитой.

При изучении корпуса буддийских письменных памятников, имевших распространение у калмыков, нам представляется необхо-

димым учитывать и то, что калмыцкие гелюнги могли приобретать и хранить буддийские сочинения на монгольском языке и пользоваться ими, например, при составлении собственных оригинальных сочинений.

Если в отношении последней трети XVII в. можно утверждать, что собрание образцов буддийской книжности у ойратов составляли сочинения, переведенные Зая-пандитой и его учениками, и, вероятно, какое-то количество книг на тибетском языке, которые имели в своем распоряжении ойратские буддийские священнослужители, то на протяжении двух последующих столетий ойратские монастыри и хурулы аккумулировали у себя значительное число буддийских рукописей и ксилографов, созданных в различных буддийских центрах (монастыри Бурятии, Монголии, Тибета) и содержащих сочинения на разных языках — тибетском, монгольском, ойратском. Полигlossия ойратской буддийской литературы и ее читателей и пользователей, — даже если они и принадлежали почти исключительно к ойратской церковной иерархии, — существенно отличает образовательный и культурный потенциал калмыцкого буддизма и буддийской культуры от аналогичной ситуации в Монголии и, тем более, в Тибете, в котором внутренняя диглоссия не была связана с многоязычием, иницируемом, с одной стороны, конфессиональной и культурной средой, с другой — социальной средой.

Специфика корпуса традиционной буддийской книжности у ойратов и калмыков, пополнявшейся оригинальными сочинениями, определяется рядом внешних факторов. Первый из них — это относительная изолированность, удаленность мест расселения калмыков в XVII в. от конфессионально-культурных центров, во многом определявших единство других монголоязычных народов, близких к Тибету. Второй фактор — неполнота сохранности книжного наследия ойратов, в особенности в среде калмыков, где в XVIII–XIX вв. в силу своего рода экстерриториальности калмыков в пределах России местом концентрации письменной и книжной культуры оказались буддийские центры, и по этой причине даже светская, например, историческая литература оказалась как бы отстраненной от общественного книжного достояния, письменность «тодо бичиг» использовалась вне буддийской церковной сферы в основном как деловая. Третий фактор — ойратские рукописи по-

падали в академические коллекции по большей части не из регионов расселения калмыков в Европейской части России, а из районов традиционного проживания ойратов, из Монголии и сопредельных территорий.

По причине дифференциации форм письменности и сосредоточения книжности в буддийской церковно-монастырской сфере состав сочинений, имевших распространение у калмыков, с одной стороны, оказывался традиционным и сводился к собранию канонических сочинений, с другой стороны, уже относительно поздно, на рубеже XIX–XX вв. он стал пополняться оригинальными сочинениями калмыцких лам. Даже история тех сочинений, которые составляют фундамент калмыцкой дореволюционной литературы [Бадмаев 1981] описана в научной литературе не вполне отчетливо, тексты этих памятников изучаются по доступным изданиям без обобщений археографического характера.

В текстологическом отношении буддийское книжное наследие, сохранявшееся у калмыков, недостаточно изучено. Даже известные сочинения лишь относительно недавно благодаря наличию каталогов могут быть сгруппированы по выявленным спискам, текстологический анализ их вырисовывается на горизонте как задача отдаленного будущего. Более или менее ясен состав ксилографов, попадавших к калмыкам и сохранившихся в их среде.

Основным источником для изучения дошедшего до нас корпуса ойратских рукописных и старопечатных текстов буддийского содержания являются библиотеки и архивы, и прежде всего — каталоги этих архивов. Объемное собрание буддийских текстов хранится в архиве КалмНЦ РАН, а также в Институте восточных рукописей РАН и в Научной библиотеке Восточного факультета СПбГУ, ойратские рукописи имеются также в других собраниях России и за рубежом.

Каждое собрание, где имеются ойратские буддийские книги, имеет свою историю, документированную собирателями и отраженную в истории учреждения, где хранится то или иное собрание. Собрание КалмНЦ РАН, хранящее те рукописные памятники, которые пережили вместе с их владельцами все социальные и культурные потрясения XX в., объединяет коллекции гелюнгов, некоторые персональные коллекции хранятся в отдельных районах Калмыкии.

Книги и ксилографы из собрания Институт восточных рукописей и СПбГУ отражают интересы ученых-монголоведов, пополнявших книжные собрания и изучавших монголоязычные письменные памятники, а также маршруты экспедиций путешественников по Монголии и Центральной Азии.

К большому сожалению, у нас очень мало свидетельств наблюдения над непосредственным бытованием книг среди ойратов и калмыков. На этом фоне весьма важно и интересно свидетельство Яна Потоцкого, который видел, как жена принимавшего его хозяина-калмыка, читала книгу на «тодо бичиг». Бесценны свидетельства распространения грамотности и бытования книжности у астраханских калмыков, представленные в трудах Н. Очирова [Избранные труды... 2002: 52, 55–65]. Но такие сведения, к сожалению, единичны.

Ценными источниками из области книжности в целом и из области истории отдельных текстов и отдельных рукописей являются колофоны, указывающие на дату создания и владельца, и писца рукописи, однако и они встречаются в ограниченном числе изучаемых документов.

Дальнейшее исследование всего корпуса памятников, сохранившихся в Калмыкии вплоть до начала XXI в., будет способствовать пониманию роли и места буддизма в литературе и культуре монгольских народов и в диалоге культур монголоязычных народов с их соседями.

Литература

Бадмаев А. В. Зая-пандита (списки калмыцкой рукописи «Биографии Зая-пандиты»). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968а. 75 с.

Бадмаев А. В. Роль Зая-пандиты в истории духовной культуры калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968б. 28 с.

Бадмаев А. В. Калмыцкая литература XVIII века // История калмыцкой литературы: в 2 тт. Т. 1. Дооктябрьский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 227–245.

Избранные труды Номто Очирова (Научное издание). Элиста: АПП «Джангар», 2002. 152 с. (Серия «Номин зөөр» («Научное наследие»).

История и культура монгольских народов: источники и традиции: материалы Междунар. симпозиума, посв. 400-летию со дня рождения Зая-пандиты. г. Элиста, 14–16 сент. 1999 г. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 1999. 132 с.

Михайлов Г. И. Ойрдын утга зохиолын тухай // Монголын уран зохиолын тойм. II. Ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1977. Х. 180–201.

Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописьменного монгольского Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова; науч. ред. В. П. Санчиров. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

Павлов Д. А. Зая-пандита — создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка // 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста: Респ. типогр. управления по печати при СМ КАССР, 1970. С. 40–79.

Поппе Н. Н. Роль Зая-пандиты в культурной истории монгольских народов. Стенограмма доклада, читанного в Филадельфии 27-го декабря 1958 г. // Kalmyk-Oirat Simposium. Philadelphia: The Society for the Promotion of Kalmyk Culture, 1966. P. 57–72.

Раднабхадра. Лунный свет. История рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи. Перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина. Транслитерация текста, предисловие, комментарий, указатели и примечания А. Г. Сазыкина. Памятники культуры Востока. Санкт-Петербургская научная серия. Т. VII. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.

Ринчен Б. Тод монгол бичиг, түүний соёлын ач холбогдол // Тод үсэг судлалын зарим асуудал. Улаанбаатар: ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн, 1999. С. 291–295.

Руководство к познанию ламайского вероучения. С тибетского на калмыцкий язык перевел Дордже Сетенов, старший бакша хурулов Больше-Дербетовского улуса ставропольских калмыков. Петроград: Тип. Имп. Акад. наук, 1914. 111 с.

Сазыкин А. Г. Монгольская литература [XVIII в.] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 5. 1988. С. 635–641. (<http://www.feb-web.ru/feb/ivl/v15/v15-6352.htm>).

320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста: Респ. типогр. управления по печати при СМ КАССР, 1970. 234 с.

Хурэлбаатар Л. Монгол орчуулгын товчоон (Сонгодог орчуулгын зарчим, уран чадварын асуудалд). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1995. 159 х.

Шастина Н. П. А. М. Позднеев (Подготовка к печати, примечания А. Г. Сазыкина) // Mongolica–VI. СПб., 2003. С. 7–18.

Biography of Caya Pandita in Oirat Characters (*Rabjamba Ćay-a bandida-yin tuyūji saran-u genel kemekü ene metü bolai*). Redigit acad. prof. Dr. Rinchen / (Предисловие, транслитерация, издание текста Ж. Цолоо) // Corpus Scriptorum Mongolorum. Т. V. Fasc. 2–3. Ulanbator: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл. 1967. 101 с.

Kalmyk-Oirat Simposium [Калмыцко-ойратский сборник]. Philadelphia: The Society for the Promotion of Kalmyk Culture [О-во ревнителеев калмыцкой культуры], 1966. 225 p.

References

320 Years of Old Kalmyk Script. Conf. proc. Elista: Print. shop of Publ. Department, 1970. 234 p. (In Russ.)

Badmaev A. V. Zaya Pandita (Copies of the Kalmyk Manuscript “Biographies of Zaya Pandita”). Elista: Kalm. Book Publ., 1968a. 75 p. (In Russ.)

Badmaev A. V. The Role of Zaya Pandita in the History of Spiritual Culture of the Kalmyk People. Elista: Kalm. Book Publ., 1968b. 28 p. (In Russ.)

Badmaev A. V. Kalmyk Literature of the 18th Century. In: History of Kalmyk Literature. In 2 vol. Vol. 1. Pre-October Period. Elista: Kalm. Book Publ., 1981. Pp. 227–245. (In Russ.)

Biography of Caya Pandita in Oirat Characters (*Rabjamba Ćay-a bandida-yin tuyūji saran-u genel kemekü ene metü bolai*). Redigit acad. prof. Dr. Rinchen / (Preface, transliteration, text edition by J. Tsoloo) // Corpus Scriptorum Mongolorum. Т. V. Fasc. 2–3. Ulan-Bator: Academy of Sciences Publ., 1967. 101 p. (In Mong.)

Guide to Cognition of the Lamaic Creed. Dordzhe Setenov (transl.), the senior baksha of the Khuruls of Bolshe-Derbetovsk ulus of Stavropol Kalmyks. Petrograd: Print. shop of Imper. Acad. of Sciences, 1914. 111 p. (In Russ.)

History and Culture of Mongolian Peoples: Sources and Traditions. Conf. proc., dedicated to the 400th anniversary of the birth of Zay-Pandita (Elista, 14–16 September 1999). Part 2. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 1999. 132 p. (In Russ.)

Kalmyk-Oirat Simposium [Kalmyk-Oirat collection]. Philadelphia: The Society for the Promotion of Kalmyk Culture, 1966. 225 p. (In Eng.)

Khurelbaatar L. Mongolian Translation Bureau (on the Principles of Classical Translation and Skills). Ulaanbaatar: State Publ., 1995. 159 p. (In Mong.)

Mikhailov G. I. On Oirat Literature. In: Review of Mongolian Literature. II. Ts. Damdinsuren, D. Tsend (ed.). Ulaanbaatar: Academy of Sciences Publ., 1977. Pp. 180–201. (In Mong.)

Norbo Sh. Zaya Pandita (Materials for Biography). D. N. Muzraeva, K. V. Orlova, V. P. Sanchirov (transl.). V. P. Sanchirov (ed.). Elista: Kalm. Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)

Pavlov D. A. Zaya Pandita, the Founder of the Old Kalmyk Script and the Kalmyk Literary Language. In: 320 Years of Old Kalmyk Script. Conf. proc. Elista: Print. shop of Publ. Department, 1970. Pp. 40–79. (In Russ.)

Poppe N. N. The Role of the Zaya Pandita in the Cultural History of Mongolian Peoples. Transcript of the report read in Philadelphia on 27 December 1958. In: Kalmyk-Oirat Simposium. Philadelphia: The Society for the Promotion of Kalmyk Culture, 1966. Pp. 57–72. (In Russ.)

Radnabhadra. Moonlight. The History of Rabdzham Zaya-Pandita. The facsimile of the manuscript. G. N. Romyantsev, A. G. Sazykin (transl.). A. G. Sazykin (translit., comment., index). Cultural Monuments of the East. St. Petersburg scientific series. Vol. VII. St. Petersburg: Petersburgskoe vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Russ.)

Rinchen B. Bright Mongolian Script and its Cultural Significance. In: Some Research Issues of Bold Literacy. Ulaanbaatar: Institute of Linguistics of Mongolian Academy of Sciences, 1999. Pp. 291–295. (In Mong.)

Sazykin A. G. Mongolian Literature of the 18th c.. In: History of World Literature. In 8 vol. USSR Academy of Sciences. A. M. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka, 1983–1994. History of World Literature: in 9 vol. Vol. 5. 1988. Pp. 635–641. (<http://www.feb-web.ru/feb/ivl/v15/v15-6352.htm>). (In Russ.)

Selected Works by Nomto Ochirov. Elista: Dzhangar, 2002. 152 p. Ser. Scientific Heritage. (In Kalm.)

Shastina N. P. A. M. Pozdneevev (Preparing for Printing, Remarks of A. G. Sazykin). In: Mongolica–VI. St. Petersburg, 2003. Pp. 7–18. (In Russ.)

Тематическая группа «пища» в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»

The Thematic Group “Food” in the Definition Dictionary of the Kalmyk Heroic Epic of Jangar

*Н. М. Мулаева (N. Mulaeva)*¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: mulaevanm@kigiran.com
Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: mulaevanm@kigiran.com

Аннотация. В статье исследуется в аспекте создания Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» тематическая группа «пища», включая напитки, в которой преобладают мясные и молочные продукты, являющиеся важным компонентом материальной культуры калмыцкого этноса и выполняющие различные социальные и обрядовые функции. Лексемы данной тематической группы в эпосе не отличаются многообразием, что связано с особенностями кочевого скотоводческого быта калмыков. В текстах эпоса представлены редко употребляемые лексемы либо лексемы, вышедшие из употребления в современном калмыцком языке. Разрабатываемый Толковый словарь языка эпоса «Джангар» позволит комплексно изучить и выявить словообразовательные и семантические связи языковых единиц указанной выше тематической группы.

Ключевые слова: калмыцкий язык, корпус текстов эпоса «Джангар», толковый словарь, тематическая группа «пища».

Abstract. The article studies the thematic group “food” (including beverages) where meat and milk products prevail, the latter being an important component of material culture of the Kalmyks and, thus, performing various social and ritual functions. Lexemes of the thematic group are not that diverse within the Epic which is due to the peculiarities of the Kalmyks’ nomadic way of life; texts of the Epic contain uncommon or obsolete lexemes. The Definition Dictionary of the Kalmyk Heroic Epic of Jangar being developed now shall allow to comprehensively study and reveal the word-building and semantic relations between linguistic units of the mentioned thematic group.

Keywords: Kalmyk language, text corpus of the Epic of Jangar, definition dictionary, celestial bodies, definitions.

1. Введение

Эпос «Джангар», по праву входящий в число выдающихся эпических памятников мировой культуры и являющийся базовым эпическим текстом ойратоязычных этносов, послужил материалом для создания одноязычного «Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса „Джангар“», разрабатываемого в Калмыцком научном центре РАН, основные положения работы которого изложены в ряде публикаций [Омакаева 2015а; Куканова 2016].

Словник данного словаря составлен на материале песен из репертуара джангарчи Ээлян Овла (10 песен), Мукебена Басангова (6 песен), Давы Шавалиева (5 песен), Насанки Балдырова (1 песня), Бадмы Обушинова (1 песня), Малодербетовского (3 песни) и Багацохуровского циклов (3 песни).

Цель статьи заключается в систематизации и анализе лексем, относящихся к тематической группе «пища (трофонимы)¹», а также в апробировании ряда словарных статей с заголовочными словами, включенными в словник Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», указанной выше тематической группы.

2. Дискуссии

Для системного толкования заглавных слов исполнители словарной группы работают не со словами в алфавитном порядке, а с определенными лексическими единицами одной тематической группы², которые позволят давать наиболее полные, точные, адекватные определения заголовочным словам по одинаковым формулам-толкованиям. Основной принцип толкования заглавных слов — однотипное описывается одинаково (по одной модели); особое внимание при толковании уделяется характеристике всех различительных признаков лексем.

Трудности при толковании заголовочных слов заключаются в том, что отсутствует «Толковый словарь современного литературного калмыцкого языка», а также в недостаточном понимании

---

¹ Трофонимы — это языковые единицы, обозначающие продукты питания и названия блюд.

² См. подробно: [Бачаева 2015; Мулаева 2015].

семантики слов и отдельных выражений языка эпоса «Джангар», в силу архаичности текста эпоса в нем содержится большое количество слов, значение которых не известно. Для того чтобы дать точное толкование, нужно провести реконструкцию значения слова [Куканова 2016: 11].

Главная задача Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» — помочь читателю глубже понять смысл слов, в особенности стержневых (ключевых) слов эпического текста, для чего пользователю предлагается максимально подробная информация о всех релевантных свойствах каждого заголовочного слова. Толкование должно быть ориентировано на языковую компетенцию среднего пользователя [Омакаева 2015б].

3. История вопроса

Пища является значительным элементом материальной культуры народа, отображающим социальные отношения людей, особенности быта и хозяйствования, природно-климатические условия проживания носителей языка. Лексемы, связанные с наименованием пищи на материале эпоса «Джангар», подробно изучены в монографии Г. Ц. Пюрбеева [2015], в статьях А. Е. Пахутова [2004], С. Е. Бачаевой [2014] и др.

В эпосе реконструируется образ жизни ойратов — предков калмыков, кочевников-скотоводов, — которые традиционно занимались коневодством, верблюдоводством, разведением крупного рогатого скота и овцеводством¹ (*дөрвн зүсн мал* ‘скот четырех видов’², мясо которых использовали для изготовления

---

¹ Калмыки не держали коз (*яман*) или имели их очень мало; с их разведением была связана масса суеверий, в том числе, что животное имеет внешнее сходство с нечистой силой («шулмусом») [Болдырева 2008: 22], это подтверждается материалами эпоса: *шар яман болжһ һарад ...* ‘превратившись в желтую козу’ (о способностях ведьм-бесовок к оборотничеству) [БМ: III]; *яман эдл хоңшарта* ‘как у козы, морда его была’ [БЦ: III] (сравнение).

² *Аав ээж хойрнь / Альк нег дөрвн зүсн мал / Хулдэж авад, / Хажуһас хөөрмг хэшиго болв* ‘Отец с матерью / Купили скот / Четырех видов, / Перестали просить хөрмег у людей’ [ЭО: I].

мясных и молочных продуктов), а также добывали дичь¹, ловили рыбу.

В «Джангаре» представлены две социальные категории людей: родовитые / знатные, богатые (*угта / байн кун*) и неродовитые, малоимущие и бедные (*уг уга / угатя кун*) [Пюрбеев 2015: 55]. Если на пиру у богдо Джангара подносят разнообразные яства (*аль сангсн идэ-унд*), то в поселении бедняков Хонгору дают бадью простой воды². Пища является не только источником существования, а средством социального общения людей так, например на совместных пирах (*арзин сүүр*) богдо Джангара с его богатырями, так и на трапезах самих богатырей собираются только приближенные, равные по социальному происхождению, для обсуждения государственных дел, разрешения конфликтов и других вопросов³ [Пахутов 2004: 415–416].

---

¹ Богатыри, находясь в походе и устраивая привал, жарят на огне целые туши животных — изюбря и оленя (*буһин / марлын махн*) [Пюрбеев 2015: 48–49]: *Гүүлгэж йовжс йовад, / Бун киисэд, / Мөрэн болдар боһчад, / Төмрэр төгчэд хайчкад, / Түмн күмн бактадг, / Түүкэ улан чачриг татчкад, / Утан уга һалан түлэд, / Ур уга цэһэн чанад, / Буһ марл хойриг / Олвн-сольвн шарчкад, / Сур мет, сунад, / Суха мет, улаһад, / Унтдг болна.* ‘Ехал-ехал, соскочил с [коня] / Лучшей сталью заковал ноги [коня], / Лучшим железом стреножил [коня]. / Раскинул ярко-красный шатер, / Что может вместить десять тысяч человек; / Развел огонь без огня, / Вскипятил чай без пара, / Изжарил мясо изюбря и оленя, / Съел его. / Заснул он, растянувшись, как ремень, / Раскрасневшись, как таволжник’ [ОБ: П].

² «өлссн, ундассн юмн болхнь, / эн ус өгич!» *гнһэд, тэвв.* ‘«Если [мальчик] голоден, жажду испытывает, / Воды ему дай!», — сказала, отправив его’ [ЭО: П].

³ *Зун нэгэмн кэлтэ / Зууһин алтн ширэ деерэн / Эзн богд Жаһһрнь / Арзин сүүрд келжэнэ: / Нама гидг болхнь, / Үүрин арвин хойр бодһ минь, / Шаран зурһан миһһн баатр минь, / Гегйэ шар алтн тугим / Бэрх зөвтэ кун бээнт?* ‘Владыка богдо Джангар, / [Сидящий] на стовосьминожном / Золотом троне / Говорит на пиру: / — Если [вы] чтите меня, / Друзья, двенадцать богатырей моих, / Шесть тысяч верных богатырей моих, / [Скажите], есть ли [среди вас] человек, кто мог бы нести [во время походов] / Мое яркое золотисто-желтое знамя’ [БМ: П].

4. Тематическая группа «Пища» в эпосе «Джангар»

Тематическую группу «пища», представленную в «Джангаре», можно разделить на несколько микрогрупп, в которых преобладает пища животного происхождения со значениями «мясо» (*махн*) и «молоко» (*усн*). Все напитки кочевников (*ундн*) в той или иной степени связаны с молоком, самый распространенный из них — чай с молоком (*устэ цэ*), особо почитаемый напиток у калмыков, чай является национальной ценностью для калмыцкоязычной этнокультуры [Жуковская 1979].

общие наименования пищи	<i>хот</i> ‘пища, еда’, <i>хот-хол</i> ‘парн. букв. пища (еда)-питье’, <i>идэн</i> ‘пища, кушанье; яства’, <i>кумс</i> ‘продовольствие; провизия’, <i>ундн</i> ‘напиток; питье’, <i>идэн-ундн</i> ‘парн. пища-напитки’
наименования мясных (рыбных) продуктов	<i>махн</i> ‘мясо’ (<i>укрэ махн</i> ‘говядина’, <i>хөөнэ махн</i> ‘баранина’, <i>мөрнэ махн</i> ‘конина’, <i>буһин махн</i> ‘мясо изюбря’, <i>марлын махн</i> ‘оленина, мясо марала’), <i>шөлн</i> ‘суп-бульон’, <i>шарсн захсн</i> ‘жареная рыба’, <i>өөкн</i> ‘жир’
наименования молочных продуктов	<i>тосн</i> ‘масло’, <i>ээдмг</i> ‘кислая творожная масса’, <i>хөөрмг</i> ‘творожная масса, разбавленная молоком’
наименования молочных напитков	<i>усн</i> ‘молоко’, <i>цэ</i> ‘чай’, <i>ээрг</i> ‘айрак, кумыс из кобыльего молока’, <i>кир</i> ‘горячий напиток из молока и воды’, <i>эрк</i> ‘арака (молочная водка)’, <i>арз</i> ‘молочная водка второй перегонки’, <i>хорз</i> ‘молочная водка третьей перегонки’, <i>арз-хорз</i> ‘парн. арза и хорзо’, <i>арз-эрк</i> ‘парн. арза и арака’, <i>эрк-арз</i> ‘парн. арака-арза’, <i>эрк-хорз</i> ‘парн. арака и хорзо’, <i>дарц</i> (<i>дарс</i>) ‘вино’

¹ *Арзин сүүр бэрдг / Бумбин цаһан өргэдэн / Эзн богд Жаңһр ахлгчта / Шалдг арвн хойр бодңуд / Шахцл уга арзин сүүриг / Тэвн дөрвн дунһра күцэд, / Батын амтар балһулдг, / Балтан амтар тамшалһдг / Балң-улан арзин сүүр / Бэрэд суунал* ‘В бумбайском белом дворце, / Где проводят пиры, / Во главе с владыкой богдо Джангаром / И двенадцатью отборными вепрями [витязями] / Свободно расположившись / В пятьдесят четыре круга восседают богатыри, / Пьют они арзу, ароматную как мед, / Пьют арзу, отдающую запахом пряника, / [Так] за ароматной красной арзой / Восседают они’ [БМ: III].

² *Аршан* (от *санскр.* Raçāyana) ‘нектар, освященная вода’ [БАМРС 2001: 161], см. подробно: [Манджиева, Кичикова 2016: 106].

наименования жидкостей	<i>усн</i> ‘вода’, <i>усн-ундн</i> ‘парн. вода, питье’
наименования сладостей	<i>бал</i> ‘мед’, <i>балта</i> ¹ ‘пряник’
наименования других лексем	<i>дееж</i> ‘почетное угощение; лучшая часть, лучший кусок; начаток (питья, еды)’; <i>идэни дееж</i> ¹ ‘почетное угощение, кушанье’; <i>аршан</i> ² ‘нектар, животворная вода, святая вода’

Как видно из приведенной таблицы в тексте эпоса отсутствуют эквиваленты слов ‘говядина’, ‘баранина’ и т. д., которые представлены сочетаниями: *үкрэ махн* ‘букв. коровы мясо (говядина)’, *хөөнэ махн* ‘букв. барана мясо (баранина)’, в этих словах сема *махн* ‘мясо’ является объединяющей, а первые компоненты композитов создают дифференцирующие семы в значении [см. подробно: Куканова 2013: 44–45]. Как отмечает В. И. Рассадин, в калмыцком языке довольно популярен лексико-морфолого-синтаксический способ образования слов, суть которого состоит в лексикализации различных синтаксических сочетаний, таких как *үкрэ махн* (*үкрэ махйн*) ‘говядина’, *гахан махн* (*гахаан махйн*) ‘свинина’, *хөөнэ махн* (*хөөнэ махйн*) ‘баранина’, *шин жэилэ чимг* (*шин жэилэ чимёк*) ‘новогоднее украшение’ и т. п. Аналогичные сочетания называют синтаксическими лексемами — синлексами¹ [Рассадин 2015: 22]. Спорно выделение такого рода сложных слов в виде отдельной вокабулы в словаре, мы же в своей работе в статьях элементов, образующих сложное слово, делаем ссылки на данную запись, где оно будет истолковано и будет дан переводной эквивалент [Куканова, Бембеев 2012]. В разрабатываемый Толковый словарь эпоса эти слова включены в словарную статью заголовочного слова *махн* ‘мясо’, как коллокации².

¹ Под синлексами в рамках синлексикологической теории понимаются устойчивые (по составу и порядку следования составных элементов — лекс) словосочетания (а точнее – лексосочетания) [см. подробно: Климовская 2008: 44].

² Коллокации — статистически устойчивое сочетание двух и более лексических единиц, характерных для определенного текста или для всего языка, это значимая часть и главная особенность лексического состава языка, описывающая языковой материал.

5. Обязательные конкретизаторы

Практически все лексемы тематической группы «пища» эпоса, за исключением некоторых, например: *хот* ‘пища, еда’, *махн* ‘мясо’, *усн* ‘молоко’, *усн* ‘вода’, — относятся к безэквивалентной лексике. Если толкование лексем *хот* в калмыцком языке и *пища* в русском языке одинаковы в прямом значении (то, чем питаются, продукты питания), то при толковании слов, относящихся к безэквивалентной лексике необходимо их детальное описание, так как их эквивалентов в других языках не имеется [Куканова 2016: 8].

При дефиниции наименований молочных напитков обязательным конкретизатором в толковании является лексема *ундн* ‘напиток’ (*аэрг* — *гуунэ укрин искэжэ кесн ундн* ‘айран — напиток из квашеного кобыльего или коровьего молока’; *кимр* — *уснас болн уснэс кегдсн халун ундн* ‘кимер — горячий напиток из молока и воды’), а при дефиниции наименований сладостей обязательным конкретизатором — прилагательное *эмтэхн* ‘сладкий’ (*бал* — *зерлг зөг цецгүдин шууснэс кезэ харһдг эмтэхн юмн* ‘мед — сладкое вещество, вырабатываемое пчелами из цветочного нектара’; *балта* — *балар зуурад, олн зүсн кев-янзтаһар болһсн эмтэхн хавтха жөөлкн һуйр* ‘пряник — сладкое мягкое мучное изделие в виде лепешки или плоской фигурки из теста на сахарном или медовом сиропе с добавлением пряностей’).

6. Образцы словарных статей

Для составления толкований заглавных слов относящихся к тематической группе «пища», представленных в эпосе «Джангар», использовались следующие труды: «Опыт лингвистического исследования эпоса „Джангар“» [Годаева 1976], «Толковый словарь традиционного быта калмыков» [Пюрбеев 1996], «Русско-калмыцкий словарь» [1964], «Калмыцко-русский словарь» [1977], в целях сравнения толкований — электронный ресурс словарей русского языка, разработанный Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН [slovari.ru].

Левая часть словарной статьи начинается с заглавного слова. Основным критерием включения слова в Толковый словарь является

его фактическое использование в текстах песен эпоса «Джангар». Правая часть словаря объясняет значения заголовочного слова и включает следующие зоны: 1) абсолютная частотность употребления слова в текстах эпоса; 2) транскрипция на латинском языке; 3) частеречная принадлежность; 4) толкование заглавного слова; 5) иллюстративные примеры из эпоса; 6) источник (название песни и главы эпоса); 7) коллокации (список таких сочетаний дается за символом «□»; 8) фразеологизмы — за символом «◇»; 9) символ «⇒» обозначает отсылку к слову с таким же значением.

Ниже приводим образцы словарных статей Толкового словаря, где список иллюстративных примеров из эпоса дан в сокращенном варианте.

ХОТ 30 |хот⁴| б. н.

- 1) эдлдг, тежэл кедг юмн, хот-хол
 ‘пища (то, чем питаются, продукты питания)’
  - *Хойр хээсн махнд эс цаддг / Хот амтэ хоолмһа / Хойр көвүн санжэ* [МД: III].
  - **халун хээсн хот өгх** ‘в котле горячую пищу подать’
  - *Хэр һазрт хатрад йовхла, / Халун хээсн хот өдгд / Эгч-дүүһин оңһа угал* [ЭО: VIII].
- 2) иддг юмн, идж болх юмн
 ‘еда (то, что едят, что можно есть)’
  - *Чи, гертэсн һарад, / Кедү хонг, кедү сар / Нег ухр хот / Ууһад уга йовнач?* [ШД: II]
- 3) йирин му хот
 ‘пропитание (пища, обычно бедная, скудная)’
  - *Хотын төлэ / Хонад, тенэд, темрэд йовжэ, / Аран Шажн нутгта / Алдр богд Жаңһр гидгиг темцэжэв* [ШД: IV].
- 4) элвг, элвг-делвг, олн зүсн хот-хол (хот)
 ‘яства (кушанья, обычно избобильные, разнообразные, изысканные)’
  - **хотыннь өрэлнь тэвх** ‘остаток своего яства оставить’
  - *Хоңһр ардаснь көөлдн / «Хотыннь өрэлэн тэвлэв, / Кукн, мөрэн өгич!»* *гиһэд сурад йоввл* [БМ: V].
- 5) хот хурдг болн зэрмнь шингдг күүнэ болн аң-адусна хот шингэдг эрктн
 ‘желудок (орган пищеварения у человека и животных, в котором происходит накопление и частичное переваривание пищи)’
  - *Мус сурна: / «Таниг гижэ, медсн угав, / Худл уга сорад, көкэд, / Хотан тежэдг билэв»* [ОБ: I].

- 6) *хууч*. *үг*, *гесн*, *гүзэн*, *гесн-гүзэн*, *оома*
 ‘чрево (*устар.* живот, брюхо, утроба)’
- **арзд амнь халх, хорзд хотнь халх** ‘от арзы уста согреются, от хорзы чрево согрется’
  - *Арзд амнь халвл, / Хорзд хотнь халвл, / Көвүн / «Хойр нертэ билэв» гihэд келвл* [БМ: I].
  - **ундасгсн унднь хэрх, өлгсн хот цадх** «жажда утолится, чрево насытится»
  - *Ундасгсн ундн хэрв, / Өлгсн хот цадв, / Өөдэн-уру сольгсн нүдн чикрв* [БЦ: I].
- 7) *хойр* үгэс тогтсн давхр *нернэ* тогтацд орна, үлгүрнь: *асхн хот*, *хорма хот*
 ‘входит в состав сложного наименования, состоящего из двух компонентов’
- *Асхн хот болад ирв* [ШД: II].
  - *Эзн нойн Жаңһр босад, / Бийнь хорма хот болдгинь өргэд авл* [БМ: IV].

◇ **хотга цусн болх**

эрэ-эмтэ, *цуста* (*цустсн*), *шавтсн*, *чинэн-чидл* уга күүнэ тускар
 ‘о еле живом; окровавленном и обессиленном человеке’

- **хотга цусн болх** ‘быть еле живым’
- *Хол һазрт йовсн / Харвада көвүн-адуч / Хотта цусн болад, / Хольврад унад одв* [ШД: III].

◇ **хотын амн халх**

эрк-чаһр ууһад согтх

‘становиться пьяным, хмельть от выпитого спиртного (*букв.* желудок разгорячиться)’

- **хотын амн халх** ‘желудок разгорячиться’
- *Арзан ууһад, / Амнь халлдад, / Хорз ууһад, / Хотын амнь халлдад, / Агтрм идэд, / Өйднь дүүрэд ирв* [ШД: V].

КҮМС 4 |kümsⁿ| б. н. = **ХОТ-ХОЛ**

хот-хол, *хот-хоолын көрң*, *хотын көрң*; *хотын* (*хот-хоолын*, *тежэлин*)
 эдл-ууш

‘продовольствие (продукты питания; запасы продовольствия, запасы еды); провизия (*уст.* пищевые продукты)’

- *Күмснь чилэд, бийнь түрэд, / Эрэ гижэ / Дорд орнд күргв* [МД: II].
- **күмсэн батлж авх** ‘запас еды приготовить’
- *Хан һард күмсэн батлж авад, / Жаңһриг деерэн сууһад, / Дорагшан делэд нисэд һарв* [МД: II].

ЦЭ 12 |сᠠ| б. н.

хатаһад болвсерулсн урһмл цээг буслһад кесн каңкнсн ундн ‘чай (ароматный напиток, настоенный на высушенных специальным образом и обработанных листьях чая)’

▪ *Түрг хан бийнь / Үдин **цээһән** зооглж бээһэд, / Хойр ууһад, һурвдгчинь өмнән тэвснь цальгрв [ЭО: VIII].*

□ **цээһән уух** ‘чая испить’

▪ *Маңһдуртнь өрүн **цээһән** / Уучкад, йовж йовад, / Аршан хар нульмсан цацад, / Ар Бумбин оран санад, ууляд, / Оцл Көк Галзнаннь өөр күрэд ирв [ЭО: I].*

□ **ур уга цээһән чанх** ‘приготовить чай без пара’

*Ур уга **цээһән** чанад, / Буһ марл хойриг / Ольвн-сольвн шарчкад, / Сур мет, сунад, / Суха мет, улаһад, / Унтдг болна [ОБ: I].*

□ **зандн гидг цээһән чанх** ‘приготовить крепкий ароматный чай’

▪ *За гидг мод түләд, / Зандн гидг **цээһән** чанад, / Түүкә улан чачран татад, / Суха мет улаһад, / Сур мет сунад унтв [ЭО: IX].*

МАХН 113 |мах^n| б. н.

1) хотд олзлдг алсн аһурсна бүкл махна эңгнь

‘часть туши (тушки) убитого животного, употребляемая в пищу’

▪ *Хойр көвүн **махан** утлад чанв [МД: III].*

▪ *Девд мөңн шалван иләд, / Босад, захснаннь **махнас** / Дәкәд шарад идв [ЭО: I].*

□ **мах чанх** ‘варить мясо’

▪ *Жаңһрар **махан** чанулж оркад, / Унтад бээдг хойр көвү өврэд, / Инәһэд бәәнәв [МД: III].*

□ **мах идх** ‘есть мясо’

▪ — *Эмгн, һал түлтн, / **Махан** идий, — гинәд суув [МД: III].*

□ **буһин мах** ‘мясо марала’

▪ *Хан һәрд күрч ирв, / Нег бийдән тавн зун / Буһин **мах** ачгсн ирв [МД: II].*

□ **буһ марлын махн** ‘мясо изюбря и марала’

▪ *Хаананни хээрлдгнь — / Халун буһ марлын **махн** шарлта бээдвү [БМ: I].*

□ **күлгин махн** ‘мясо коня (кюлюка)’

▪ *Хар буурл күлгин **мах** идәд, / Бөдүн ясинь амарн һарһж зальгад, / Нәрн ясинь хамрарн һарһж зальгад, ... [ШД: I].*

2) күүнә эс гиж аһурсна цогц-махмуд эврәннь һадр болн дотрк дүртән ‘тело (организм человека или животного в его внешних и внутренних физических формах)’

- **махинь цэкүр-цэкүр утлх** ‘разрубить тело на куски’
- *Хоңһр дарунь / Махинь цэкүр-цэкүр утлад, / Гаң мөрнь уснд хайв* [ЭО: I].
- 3) агчж чаддг күүнэ болн аһурсна арсн-махна эрктн (мөч) ‘мышца (человека, животного: тканевый орган, способный сокращаться)’
- **зуран хар мах дахулх** ‘спинные черные мышцы охватить’
- *Шор сээхн сүүлинь / Сеглэж бээһэд, / Зуран хар мах дахулв;* [МД: I]
- **далын хар бэргр махн** ‘черные бугристые мышцы лопаток’
- *Далн хойр шар алтн товчинь / Далын хар бэргр махнд / Дээвлтл татад товчлв* [МД: I].
- **махнь цумлх** ‘мышцы порвать’
- *Яснднь күртл / Хар махинь цумлад, / Орад одв тоха;* [ЭО: I]
- 4) хойр үгэс тогтсн давхр нернэ тогтацд орна, үлгүрнь: махн болд ‘входит в состав сложного наименования, состоящего из двух компонентов, например: *махн болд* ‘чистая сталь’
- **махн болд** ‘чистая сталь’
- *Алмс болдар ирлгсн, / Махн болдар мөрглгсн, / Доклһнднь долан давхр ширм һал асдг* [БЦ: I].
- **махн болд альхн** ‘пластина из чистой стали’
- *Цө болд товчта, / Махн болд альхта, / Гүш торһн салдрһта, / Гүрмр торһн оосрта, / Хадг зандн иштэ / Маля һартан бэрэд, ...* [БЦ: I].

эрк 38 |ärk^c| б. н.

- үсиг шишлц эв-арһар болвсрулж кесн кү согтах ундн ‘арака (молочная водка, приготовленная особым способом)’
- *Дала ик гижэ, / Усн күртл уга йовгсн цеггт / Эрк махн хойрарн / Арвн хойр сара күмсн болв* [МД: III].
  - **эрк (эркэн) уух** ‘выпить араки’
  - *«Эрк уужэ, / Алдг үг келдгэн / Яһжэ уурхв?» гижэ уульв* [ЭО: III].
  - **эркин сүүр** ‘пир (пиршество) с аракой’
  - *Тер зөвинь соңсад, / Бас чигн нег долан хонгт / Эркин сүүр болв* [ЭО: I].
  - **арвн тавн шаазн эрк** ‘пятнадцать чаш араки’
  - *Киштин хар эркэс / Ки уга / Арвн тавн шаазн эрк* [Хоңһр уув] [БЦ: II].
  - **цөгц эрк** ‘чарка араки’
  - *Ирхләнһ, хан күүкн / Гурвн цөгц эрк өгв* [ЭО: I].
  - **бедртэ эрк** ‘бочка с аракой’
  - *Түмн нег миңһн күмнд / Дарлһ эс өгдг / Бөк Мөңгн Шигширг / Түлг мөңгн бедртэ эркиг / Барун өвдг деерэн авч суудг болна* [БЦ: II].
  - **хар дарцг эрк** ‘прозрачная арака’

- *Хар Кинсин бээшн дотрнь / Хар дарцг эркин сүүрт / Хэрл уга орс* [БЦ: I].
- **киитн хар эрк** ‘холодная прозрачная арака’
- *Күж күк хойрнь / Уңһдхата бээнэ, / Киитн хар эркнь / Бедртэ бээнэ* [БМ: V].
- ◇ **эрк зөөх** (күүкнд зэнг орулх) ‘сватать, посылать сватов’
- *Замбл хан / Мини күүкнд эрк / Зөөһэд ирлэ* [ШД: II].

8. Выводы

Таким образом, пища, напитки, в которой преобладают мясные и молочные продукты, являются важным компонентом материальной культуры калмыцкого этноса и выполняют различные социальные и обрядовые функции. Лексемы данной тематической группы в эпосе не отличаются многообразием, это связано с особенностями кочевого скотоводческого быта калмыков, в текстах эпоса представлены редко употребляемые лексемы, либо лексемы вышедшие из употребления в современном калмыцком языке.

Разрабатываемый Толковый словарь языка эпоса «Джангар» позволит комплексно изучить и выявить словообразовательные и семантические связи языковых единиц указанной выше тематической группы.

Сокращения

МД — Малодербетовский цикл

БЦ — Багацохуровский цикл

ЭО — цикл песен из репертуара Ээлэн Овла (Овла Эляева)

БМ — цикл песен из репертуара Басңһа Мукөвүн (Мукебена Басангова)

ШД — цикл песен из репертуара Шавалин Дава (Давы Шавалиева)

ОБ — песня из репертуара Овшин Бадм (Бадмы Обушинова)

б. н. — *бээлһнэ нерн* ‘имя существительное’

парн. — парное слово

хууч. үг — *хуучрсн үг* ‘устаревшее слово’

Литература

Бачаева С. Е. Лексическая сочетаемость имен прилагательных, обозначающих размер и величину (на материале песен эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка) // Актуальные проблемы современного монголоведения. Сб. науч. трудов. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 103–115.

Бачаева С. Е., Очирова Н. Ч., Мулаева Н. М. Лексика традиционного быта калмыков в эпосе «Джангар» в национально-культурном контексте // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. 10 (2). С. 106–110.

Болдырева В. М. Об особенностях традиционного хозяйства и связанных с ними представлений и верований у эркетеневских калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 18–23.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: АCADEMIA, 2001. Т. 3. 440 с.

Жуковская Н. Л. Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания) // Советская этнография, 1979, № 5. С. 65–75. URL: http://nomadica.ru/biblioteka/se_79_5_zhukovskaya.html (дата обращения: 12.09.2016).

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Климовская Г. И. Дело о синлексах (к вопросу о функциональном подходе к номинативному материалу языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 44–54. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/delo-o-sinleksah-k-voprosu-o-funktsionalnom-podhode-k-nominativnomu-materialu-yazyka> (дата обращения: 05.10.2016).

Куканова В. В., Бембеев Е. В. К проблеме электронных словарей калмыцкого языка // Информационные технологии и письменное наследие. Е1'Manuscript-2012: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.). Петрозаводск; Ижевск, 2012. С. 146–149.

Куканова В. В. Лексикографическая интерпретация сложных слов (композитивов) в калмыцком языке и их отражение в нормативных словарях // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 41–46.

Куканова В. В. Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: принципы и проблемы составления словарных статей // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования». Мат-лы III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 7–12.

Манджиева Э. Б., Кичикова Н. А. Сакральное значение топонимов Республики Калмыкия с компонентами «аршан», «цаган» и «хар»: лингвокультурологический аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 7. Волгоград: Изд-во «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», 2016. С. 105–109.

Мулаева Н. М. Дефиниции растений в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 64–74.

Омакаева Э. У. Основные проблемы составления толкового словаря языка эпического текста (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // XLIV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.: Тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015а. С. 107–109.

Омакаева Э. У. Проблемы семантической классификации и лексикографического описания деструктивных глаголов (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Актуальные проблемы современного монголоведения. Сб. науч. трудов. Элиста: КИГИ РАН, 2015б. С. 86–93.

Пахутов А. Е. Этнографические реалии в эпосе «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества: материалы Междунар. науч. конференции (г. Элиста, 22–24 авг. 1990 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 415–422.

Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.

Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (=Жаңһр дуулвр: сойл болн келн) / на русском и калмыцком языках. 2-е изд., перераб. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2015. 280 с.

Рассадин В. И. Краткая практическая грамматика современного калмыцкого языка. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015. 73 с.

РКС 1964 — Русско-калмыцкий словарь: под ред. И. К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.

Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар» / ред. Б. Д. Муниев, Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

slovari.ru — Электронный ресурс словарей русского языка, разработанный Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: <http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения: 05.10.2016).

References

Bachaeva S. E. Lexical Compatibility of Adjectives Indicating the Size and Magnitude (on the Material of Songs of the Epos “Dzhangar” and the National Corpus of the Kalmyk Language). In: Actual Problems of Modern Mongolian Study. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2015. Pp. 103–115. (In Russ.)

Bachayeva S. E., Ochirova N. Ch., Mulaeva N. M. Lexicon of Traditional Life of Kalmyks in the Epos “Dzhangar” in the National-cultural Context. *Bulletin of the Buryat State University*. 2014. 10 (2). Pp. 106–110. (In Russ.)

Boldyreva V. M. Concerning Peculiarities of Traditional Economy and Related Representations and Beliefs of Erketenevsk Kalmyks. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2008. No. 3. Pp. 18–23. (In Russ.)

Kalmyk–Russian Dictionary. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

Klimovskaya G. I. The Case of Synlexes (Concerning the Functional Approach to the Nominal Material of the Language). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2008. No. 3 (4). Pp. 44–54. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/delo-o-sinleksah-k-voprosu-o-funktsionalnom-podhode-k-nominativnomu-materialu-yazyka> (accessed: 5 October 2016). (In Russ.)

Kukanova V. V. Lexicographical Interpretation of Complex Words (Composites) in the Kalmyk Language and their Reflection in Normative Dictionaries. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2013. No. 1. Pp. 41–46. (In Russ.)

Kukanova V. V. The Explanatory Dictionary of the Language of Kalmyk Heroic Epos “Dzhangar”: Principles and Problems of Compilation of Dictionary Entries. In: “Dzhangar” and Epic Traditions of Turkic-Mongolian Peoples: Problems of Preservation and Research. Conf. proc., dedicated to the 75th anniversary of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS (Elista, 15–16 September 2016). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2016. Pp. 7–12. (In Russ.)

Kukanova V. V., Bembeev E. V. Concerning Electronic Dictionaries of the Kalmyk Language. In: Information Technologies and Written Heritage. Conf. proc. El’Manuscript-2012 (Petrozavodsk, 3–8 September 2012). Petrozavodsk; Izhevsk, 2012. Pp. 146–149. (In Russ.)

Mandzhieva E. B., Kichikova N. A. Sacral Significance of Toponyms of the Republic of Kalmykia with Components “Arshan”, “Tsagan” and “Khar”: Lingvoculturological aspect. *Bulletin of Volgograd State Pedagogical University*. 2016. No. 7. Pp. 105–109. (In Russ.)

Mulaeva N. M. Definitions of Plants in the Explanatory Dictionary of the Kalmyk Heroic Epos “Dzhangar”. *Ural-Altai Studies*. 2015. No. 3 (18). Pp. 64–74. (In Russ.)

Omaeva E. U. The Main Problems of Compiling an Explanatory Dictionary of the Language of the Epic Text (on the Material of the Kalmyk Heroic Epos “Dzhangar”). In: XLIV International Philological Scientific Conference (St. Petersburg. 10–15 March 2015). St. Petersburg: Philological Department of St. Petersburg State University, 2015a. Pp. 107–109. (In Russ.)

Omaeva E. U. Problems of Semantic Classification and Lexicographical Description of Destructive Verbs (on the Material of the Kalmyk Heroic Epos “Dzhangar”). In: Actual Problems of Modern Mongolian Studies. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2015b. Pp. 86–93. (In Russ.)

Pakhutov A. E. Ethnographic Realities in the Epos “Dzhangar”. In: “Dzhangar” and the Problems of Epic Creativity. Conf. proc. (Elista, 22–24 August 1990). Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 415–422. (In Russ.)

Pyrbeev G. Ts. Epic “Dzhangar”: Culture and Language. 2nd ed Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Russ. and Kalm.)

Pyrbeev G. Ts. The Explanatory Dictionary of Traditional Life of Kalmyks. Elista: Kalm. Book Publ., 1996. 176 p. (In Russ.)

Rassadin V. I. Concise Practical Grammar of the Modern Kalmyk Language. Elista: Kalmyk State University, 2015. 73 p. (In Russ.)

Russian–Kalmyk Dictionary. I. K. Ilishkin (ed.). Moscow: Sov. encyclopedia, 1964. 803 p. (In Russ. and Kalm.)

Slovari.ru. Electronic resource of dictionaries of the Russian language, developed by the Institute of Russian language named after V.V. Vinogradov Institute of Russian Language RAS. An Internet resource: <http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (accessed: 5 October 2016). (In Russ.)

The Large Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vol. G. Ts. Pyurbeev (ed.). M.: ACADEMIA, 2001. Vol. 3. 440 p. (In Mong. and Russ.)

Todaeva B. Kh. Experience of Linguistic Research of the Epos “Dzhangar”. B. D. Muniev, G. Ts. Pyurbeev (ed.). Elista: Kalm. Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. Food of Nomads of Central Asia (Concerning Ecological Bases of Formation of Nutrition Model). *Soviet Ethnography*. 1979, No. 5. Pp. 65–75. (In Russ.)

Синтагматика имен прилагательных, обозначающих геометрическую форму объекта (на материале Национального корпуса калмыцкого языка)*

Syntagmatics of Adjectives Denoting a Geometrical Shape of an Object (evidence from the Kalmyk National Corpus)

*Н. М. Мулаева (N. Mulaeva)*¹,

*С. Е. Бачаева (S. Bachaeva)*²

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: mulaevanm@kigiran.com.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: mulaevanm@kigiran.com.

² кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: basaeg@mail.ru.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: basaeg@mail.ru.

Аннотация. В статье исследуется синтагматика имен прилагательных, обозначающих геометрическую форму объекта, на материале Национального корпуса калмыцкого языка. К именам прилагательным, обозначающим геометрическую форму объекта, в калмыцком языке относятся лексемы, называющие плоские фигуры, тела, а также прилагательные, обозначающие свойства и характеристики фигур и тел. В основном прилагательные, обозначающие геометрическую форму, являются заимствованными и не зафиксированы в двуязычных словарях калмыцкого языка, что свидетельствует об их невысокой степени значимости для носителей языка в повседневной языковой деятельности. Большая часть прилагательных, обозначающих геометрическую форму объекта, сочетается с именами, называющими части тела. Некоторые прилагательные (*хурц* 'острый', *ло* 'прямой', *матъхр* 'кривой', *дөрвлжн* 'квадратный') способны к участию в оценочных познавательных процессах.

Ключевые слова: Национальный корпус калмыцкого языка, прилагательные, сочетаемость, синтагматика, коллокации.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта № 16-14-08005.

Abstract. The article considers the syntagmatics of adjectives denoting geometrical shapes of objects with evidence from Kalmyk National Corpus; the adjectives are the ones that denote planar figures, physical bodies, properties and characteristics of the figures and bodies. The adjectives are largely loan words and have not been introduced into Kalmyk bilingual dictionaries which signifies that those are not that significant for language speakers in their daily communications. Most of the adjectives denoting geometrical shapes of objects combine with words that denote parts of the body. Some of the adjectives (*khurts* ‘sharp’, *gho* ‘straight’, *mat'khr* ‘curved mind’, *dörvljn* ‘square’) can be used to characterize attitudinal cognitive processes.

Keywords: Kalmyk National Corpus, adjectives, co-occurrence, syntagmatics, collocations.

1. Введение

Комбинаторная лингвистика — направление в языкознании, изучающее синтагматические отношения языковых единиц и их комбинаторный потенциал. В ее основе, с одной стороны, лежит понятие синтагматики, которое трактуется как аспект языка, соотношенный с правилами сочетаемости одноуровневых единиц, с другой — понятие комбинаторики, предметом которой является составление и изучение «комбинаций» единиц языка [см. подробно: Влавацкая 2011; 2012].

Описание сочетаемости прилагательного включает обязательный анализ его связей в системе языка и особенностей функционирования в речи [Аракин 1972: 5–8]. На синтагматическом уровне выявляются лексические наполнения каждого соединения, порядок размещения компонентов и синтаксические позиции, на парадигматическом уровне — одинаковые и отличительные признаки в семантике и место и роль в системе языка [Аузяк 2015].

2. История вопроса

Синтагматика прилагательных на материале русского языка изучена Е. В. Рахилиной [2000; 2008], которая подробно описала принципы семантической организации атрибутивных сочетаний предметных имен с качественными прилагательными различных типов.

В калмыцком языкознании исследования, посвященные данной проблематике, отсутствуют, лексическая сочетаемость имен прилагательных фрагментарно рассмотрена в статьях С. Е. Бачаевой [2015; 2016], Н. М. Мулаевой [2016].

3. Цели и задачи

Цель данной статьи заключается в изучении синтагматики и оценочного потенциала имен прилагательных, обозначающих геометрическую форму объекта, на материале Национального корпуса калмыцкого языка (<http://kalmcorp.org.ru/>, далее — НККЯ).

4. Имена прилагательные, обозначающие геометрическую форму объекта

В работе Ю. В. Николенко [2011] подробно изучены имена прилагательные, обозначающие геометрическую форму объекта в русском языке.

Геометрические тела образуются на основе плоских фигур, так или иначе расположенных в пространстве (например, многогранник — тело, поверхность которого состоит из конечного числа плоских многоугольников; конус — геометрическое тело, образованное вращением прямоугольного треугольника вокруг одного из его катетов), что дает основание отнести к естественной категории «геометрическая форма» как плоские фигуры планиметрии, так и объемные тела стереометрии.

Такой состав представляется релевантным и для языковой категории «геометрическая форма». Вслед за Ю. В. Николенко [2011: 126–128], к именам прилагательным, обозначающим геометрическую форму объекта, мы относим прилагательные, называющие:

1) плоские фигуры: *линейн* ‘линейный, линейчатый’, *мошкмл* ‘спиральный’, *һо* ‘прямой’, *матъхр* ‘кривой’, *толин* ‘лучевой’, *булцта* ‘угольный, угловатый’, *утулц* ‘овальный’, *төгрг* ‘округлый, круглый’, *һурвлжн* ‘треугольный’, *дөрвлжн* ‘квадратный’.

Примеры из НККЯ: *һо хаалһ* ‘прямая дорога’, *һо булцт* ‘прямой угол’, *матъхр модн* ‘кривое дерево’, *матъхр көл* ‘кривые ноги’ и т. д.

Синтагматика прилагательных *утулц* ‘овальный’, *төгрг* ‘округлый, круглый’, *һурвлжн* ‘треугольный’, *дөрвлжн* ‘квадратный’ подробно рассмотрена ниже;

2) тела: *цилиндрическ* ‘цилиндрический’, *моһлиц* ‘шаровой, шаровидный, шарообразный’, *сферическ* ‘сферический, сферичный’, *кубическ* (*кубин*) ‘кубический, кубовой’.

Примеры из НККЯ: *моһлиц толһа* ‘шарообразная голова’, *моһлиц чолун* ‘шарообразный камень’;

3) их свойства и характеристики (*хавтха* ‘плоский’, *монцхр* ‘выпуклый’, *хотасн* ‘вогнутый’, *талта* ‘граненый’).

Примеры из НККЯ: *хавтха һуйр* ‘плоская лепешка’, *монцхр хамр* ‘выпуклый нос’, *талта чирк* ‘граненая рюмка’.

Прилагательные (*линейн* ‘линейный, линейчатый’, *цилиндрическ* ‘цилиндрический’, *сферическ* ‘сферический, сферичный’, *кубическ* (*кубин*) ‘кубический, кубовой’) являются заимствованными, возможно, по этой причине не употребляются в текстах НККЯ.

Прилагательные: *точечный* (от «точка»), *эллиптический*, *ромбический*, обозначающие плоские фигуры, а также *конусный*, *пирамидальный*, обозначающие тела в русском языке, не зафиксированы в «Русском-калмыцком словаре» [1964] и «Калмыцко-русском словаре» [1977], что свидетельствует об их невысокой степени значимости для носителей языка в повседневной языковой деятельности.

Прилагательные *многоугольный*, *прямоугольный*, *четырёхугольный*, называющие плоские фигуры в калмыцком языке, состоят из сочетаний двух слов, образуя сложные слова: *олн булцта* ‘многоугольный’, *һо булцта* ‘прямоугольный’, *дөрвн булцта* ‘четырёхугольный’.

Прилагательные, обозначающие свойства и характеристики фигур и тел, способны к участию в оценочных познавательных процессах и выражают:

а) интеллектуальный тип оценки: *хуриц нудн* ‘острый глаз’ (проницательный, хорошо воспринимающий); *матьхр ухан* ‘букв. кривое сознание’ (негативное мышление).

б) эстетические оценки: *һо хэрү* ‘прямой ответ’ (откровенный ответ).

в) этические оценки: *дөрвльжн өргн* ‘квадратный подбородок’ (по форме напоминающий квадрат), *монцхр маңна* ‘выпуклый лоб’ (выдающийся вперед).

5. Синтагматика прилагательных *төгрг* ‘круглый’, *утулц* ‘овальный’.

Синтагматика (сочетаемость) прилагательного *круглый* на материале русского языка детально изучена Е. В. Рахилиной [2000; 2008], К. А. Гиляровой [2002].

По мнению Е. В. Рахилиной, определение объекта как круглого предполагает наличие у него непрерывного, скорее замкнутого, контура или поверхности, со всех сторон равноудаленной от некоторой точки. Таковую поверхность очень легко изобразить рисунком и очень непросто описать словами. Единство значения прилагательного *круглый* оказывается не в общности результата этой своеобразной семантической трансформации — т. е. не в том, чтобы все объекты, к которым оно применяется, стали шарами, а в общности самих изменений, которые претерпевают разные формы, оказываясь круглыми¹». Лингвистический интерес, по мнению автора, представляют случаи, когда языковой образ объекта расходится с обыденным. Например, есть объемные объекты, которые воспринимаются как плоскостные: *круглое лицо*, *круглые глаза*, где возникает «плоскостная» интерпретация. Хотя с денотативной точки зрения *глаза* являются объемными объектами, — тем не менее, *круглые глаза* не значит ‘выпученные’, а ‘удивленно раскрытые’ — так что границы видимой плоскости представляют круг’ (ср. *большие глаза*). Слова же типа *овальный*, *квадратный* малоупотребительны и малоинтересны с лингвистической точки зрения² [Рахилина 2008: 152–162].

В диссертационном исследовании К. А. Гиляровой [2002] при описании концепта *круглый* проведено исследование полисемии

¹ Так, например, *круглая комната* вовсе не обозначает объект в форме шара, характеристика окружности относится только к полу и проецируется на форму всего объекта [Павлов 2007].

² Что подтверждается материалами калмыцкого языка, так, например, в НККЯ содержится всего шесть сочетаний прилагательного *хурвлэжн* с именами (*хурвлэжн альчур* ‘треугольный платок’, *хурвлэжн өнциг* ‘треугольный угол’, *хурвлэжн конверт* ‘треугольный конверт’, *хурвлэжн тииз* ‘треугольная печать’, *хурвлэжн бичг* ‘треугольное письмо’, *хурвлэжн көврдг* ‘треугольный торс’).

прилагательного *круглый* в 15 языках, выявлена радиальная структура значений концепта *круглый*, в основе которой лежат шесть образов-схем: схемы окружности, цикла, пути, полноты, гладкости и центра-периферии.

В результате сплошной выборки из НККЯ словосочетаний с прилагательным *тəгрғ* ‘круглый’ нами было выявлено, что наиболее частотными являются сочетания прилагательного *тəгрғ* ‘круглый’ с именами, называющими части тела: *толһа* ‘голова’ и *чирə* ‘лицо’ (*тəгрғ толһа* ‘круглая голова’, *тəгрғ чирə* ‘круглое лицо’). «Голова относится к топологическому типу шаров («образцовая» голова имеет форму вытянутого шара), а лицо — к выступам, поверхностям и контурам. Частотное сочетание *круглая голова* означает «голова правильной шарообразной формы», то есть в данном случае мы имеем дело с переходом объемных фигур в плоские» [Махова и др. 2009: 318]. Следующим по частотности в НККЯ является сочетание *тəгрғ нүдн* ‘круглые глаза’, реже встречается сочетание *тəгрғ цоғц* ‘букв. круглое тело’ (*тəгрғ цоғцнь, мəэчг кевтə гер дотраһар нааран-цааран долдалж...* ‘его круглое тело, словно мяч, перекачивалось по дому’).

6. Топологические типы, релевантные для описания прилагательных *тəгрғ* ‘круглый’, *утулц* ‘овальный’.

Е. В. Рахилина выделила топологические типы¹, релевантные для описания смысла *круглый* в русском языке, некоторые из них можно выделить и в калмыцком языке.

---

¹ Понятие топологического типа предложено Л. Талми [Talmy 1983]: в языковой картине мира все объекты видятся как представители нескольких эталонных форм, таких, как поверхности, емкости и т. д. Эти эталонные формы получили название топологические типы. Они «вбирают в себя» сложные наборы признаков. Каждый топологический тип характеризуется определенным, свойственным лишь данному типу, набором измерений.

Топологические типы, релевантные для описания прилагательных *төгрг* ‘круглый’, *утулц* ‘овальный’

тип объекта	<i>төгрг</i> ‘круглый’	<i>утулц</i> ‘овальный’	ограничения ¹
поверхности / пластины, имеющие определенную форму	<i>төгрг ширэ</i> ‘круглый стол’ <i>төгрг нудн</i> ‘круглые глаза’ <i>төгрг турун</i> ‘круглое копыто’ <i>төгрг репродуктор</i> ‘круглый репродуктор’ <i>төгрг буркэ</i> ‘круглая крышка’ <i>төгрг товч</i> ‘круглая пуговица’	<i>утулц ширэ</i> ‘овальный стол’	!!! ² <i>төгрг дегтр</i> ‘круглая книга’ <i>төгрг хаалх</i> ‘круглая дорога’
объемные объекты неопределенной формы	<i>төгрг нарн</i> ‘круглое солнце’ <i>төгрг толһа</i> ‘круглая голова’ <i>төгрг махла</i> ‘круглая шапка’ <i>төгрг хал</i> ‘букв. круглое пламя (шаровая молния)’ <i>төгрг өдмг</i> ‘круглый хлеб’	<i>утулц чирэ</i> ‘овальное лицо’ <i>утулц толһа</i> ‘овальная голова’	
выступы, выпуклости	<i>төгрг чирэ</i> ‘круглое лицо’ <i>төгрг халх</i> ‘круглые щеки’ <i>төгрг гесн</i> ‘круглый живот’		
углубления в поверхности, отверстия	<i>төгрг нукн</i> ‘круглая дыра’		
вертикальные стержни (колонны, возвышенности)	<i>төгрг бахн</i> ‘круглый столб’ <i>төгрг цогц</i> ‘букв. круглое тело’		

¹ По мнению Е. В. Рахилиной, существуют определенные ограничения на исходную форму объекта, если форма объекта, подчиненная его функции, абсолютно жестко фиксирована, то топологические изменения, которых требует *круглый*, также оказываются невозможными, и соответствующие сочетания (такие, как *круглая книга*, *круглые лыжи*, *круглая дорога/линия* и под.) запрещены [Рахилина 2008: 167].

² Символ «!!!» используется для обозначения неестественности словосочетания.

стержни ¹ , никак не ориентированные в пространстве (палки)	<i>төгрг модн</i> ‘круглая палка’		!!! <i>төгрг лыж</i> ‘круглые лыжи’
--	-----------------------------------	--	--

1

Прилагательное *утулң* ‘овальный’ является менее частотным в калмыцком языке, чаще всего встречается в сочетании с некоторыми именами, называющими части тела, например: *чирэ* ‘лицо’, где описательными компонентами служат слова *эцн* ‘худой’, *шовасн* ‘заостренный’, например: *эцн утулң чирэ* (*утулң эцн чирэ*) ‘худое овальное лицо’, *эццэвр утулң чирэ* ‘худощавое овальное лицо’, *шовасн утулң чирэ* ‘заостренное овальное лицо’. Встречается сочетание *утулң һу толһа* ‘овальная дынеподобная голова’, где слово *һу* ‘дынеподобная’ является «ярким оценивающим компонентом» [см. подробно: Махова и др. 2009: 315–316].

7. Выводы

К именам прилагательным, обозначающим геометрическую форму объекта, в калмыцком языке относятся прилагательные, называющие плоские фигуры, тела, а также прилагательные, обозначающие свойства и характеристики фигур и тел.

В основном прилагательные, обозначающие геометрическую форму, являются заимствованными и не зафиксированы в двуязычных словарях калмыцкого языка, что свидетельствует об их невысокой степени значимости для носителей языка в повседневной языковой деятельности.

Большая часть прилагательных, обозначающих геометрическую форму объекта, сочетается с именами, называющими части тела.

Некоторые прилагательные (*хури* ‘острый’, *һо* ‘прямой’, *матъхр* ‘кривой’, *дөрвлжн* ‘квадратный’) способны к участию в оценке познавательных процессов.

¹ Под «стержнями» понимаются вытянутые объекты жесткой формы, в которых закругляется вытянутая боковая поверхность [Рахилина 2008: 154].

Литература

Аракин В. Д. О лексической сочетаемости // К проблеме лексической сочетаемости. Сборник статей. М.: Наука, 1972. С. 3–12.

Аузьяк Г. Т. Семантическая сочетаемость прилагательных с существительными в современном немецком языке // Science Time. 2015. № 1 (13) // [электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-sochetaemost-prilagatelnyh-s-suschestvitelnymi-v-sovremennom-nemetskom-yazyke> (дата обращения: 05.09.2016).

Бачаева С. Е. Лексическая сочетаемость имен прилагательных, обозначающих размер и величину (на материале песен эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка) // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 103–115.

Бачаева С. Е. Сочетаемость прилагательных, обозначающих большой размер пространственной протяженности (на материале калмыцкого языка) // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 182–183.

Влавацкая М. В. Комбинаторная лингвистика: теоретико-методологические основы зарождения и развития // Научный диалог. 2012. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kombinatornaya-lingvistika-teoretiko-metodologicheskie-osnovy-zarozhdeniya-i-razvitiya> (дата обращения: 10.10.2016).

Влавацкая М. В. Теоретические проблемы комбинаторной лингвистики. Лексикология. Лексикография: монография / М. В. Влавацкая. Новосибирск: НГТУ, 2011. 508 с.

Гилярова К. А. Языковая концептуализация формы физических объектов: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 198 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Махова А. А., Ляшевская О. Н., Десятова А. В. Части тела с точки зрения топологии: корпусное исследование // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009. С. 313–320.

Мулаева Н. М. Синтагматика имен прилагательных *təɔrg* ‘круглый’, *utuɫɟ* ‘овальный’ // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 207–209.

НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка. URL: <http://kalmcorporu.ru/> (дата обращения: 17.11.2016).

Николенко Ю. В. Типы оценок, выражаемых с помощью имен прилагательных, обозначающих геометрическую форму объекта // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/typy-otsenok-vyrazhaemyh-s-pomoschyu-imen-prilagatelnyh-oboznachayuschih-geometricheskuyu-formu-obekta> (дата обращения: 10.10.2016).

Павлов Д. Н. Когнитивные стратегии обозначения формы объектов в русском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2007. 24 с.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 415 с.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

РКС 1964 — Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.

Talmy L. How language structures space // H. Pick, L. Acredolo (eds.), Spatial orientation: theory, research, and application. N. Y.: Plenum, 1983. P. 225–282.

References

Arakin V. D. About Lexical Compatibility. In: To the Lexical Compatibility Problem. Moscow: Nauka, 1972. Pp. 3–12. (In Russ.)

Azyak G. T. Semantic Combinability of Adjectives with Nouns in Modern German. *Science Time*. 2015. No. 1 (13). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-sochetaemost-prilagatelnyh-s-sushestvitelnymi-v-sovremennom-nemetskom-yazyke> (accessed: 5 September 2016). (In Russ.)

Bachaeva S. E. Lexical Compatibility of Adjectives Denoting the Size and Magnitude (on the Material of Songs of the Epos “Dzhangar” and the National Corpus of the Kalmyk Language). In: Actual Problems of Modern Mongolian Study. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2015. Pp. 103–115. (In Russ.)

Bachaeva S. E. The Combination of Adjectives Indicating the Large Size of the Spatial Extent (on the Material of the Kalmyk Language). In: Humanities of the South of Russia: International and Regional Interaction. Conf. proc., devoted to the 75th anniversary of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS (Elista, 14–15 September 2016). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2016. Pp. 182–183. (In Russ.)

Gilyarova K. A. Linguistic Conceptualization of the Form of Physical Objects. Cand. Sc. thesis (philology). Moscow, 2002. 198 p. (In Russ.)

Kalmyk–Russian Dictionary. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

Makhova A. A., Lyashevskaya O. N., Desyatova A. V. Body Parts from the Point of View of Topology: Corpus Research. In: Computer Linguistics and Intellectual Technologies. Conf. proc. (Bekasovo, 27–31 May 2009). Is. 8 (15). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2009. Pp. 313–320. (In Russ.)

Mulaeva N. M. Syntagmatics of adjectives *təgrg* ‘round’, *utulŋ* ‘oval’. In: Humanities of South of Russia: International and Regional Interaction. Conf. proc., devoted to the 75th anniversary of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS (Elista, 14–15 September 2016). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2016. Pp. 207–209. (In Russ.)

Nikolenko Yu. V. Types of Estimates Expressed by Means of the Adjectives Indicating the Geometrical Form of the Object. *Problems of Cognitive Linguistics*. 2011. No. 3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/typy-otsenok-vyrazhaemyh-s-pomoschyu-imen-prilagatelnyh-oboznachayuschih-geometricheskuyu-formu-obekta> (accessed: 10 October 2016). (In Russ.)

Pavlov D. N. Cognitive Strategies for Denoting the Form of Objects in Russian and English. Cand. Sc. thesis (philology) abstract. Orel, 2007. 24 p. (In Russ.)

Rakhilina E. V. Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Compatibility. Moscow: Russkie slovari, 2000. 415 p. (In Russ.)

Rakhilina E. V. Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Combinability. Moscow: Russkie slovari, 2008. 416 p. (In Russ.)

Russian–Kalmyk Dictionary. I. K. Ilshkin (ed.). Moscow: Sov. encyclopedia, 1964. 803 p. (In Russ. and Kalm.)

Talmy L. How language structures space. In: Spatial orientation: theory, research, and application. H. Pick, L. Acredolo (eds.). N. Y.: Plenum, 1983. P. 225–282. (In Eng.)

The National Corpus of the Kalmyk Language. Available at: <http://kalmcorporu.ru/> (accessed: 17 November 2016). (In Kalm.)

Vlavatskaya M. V. Combinatorial Linguistics: Theoretical and Methodological Bases of Origin and Development. *Scientific Dialogue*. 2012. No. 3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/kombinatornaya-lingvistika-teoretiko-metodologicheskie-osnovy-zarozhdeniya-i-ravzviya> (accessed: 10 October 2016). (In Russ.)

Vlavatskaya M. V. Theoretical Problems of Combinatorial Linguistics. Lexicology. Lexicography. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University, 2011. 508 p. (In Russ.)

Функциональные особенности сравнений в калмыцких богатырских сказках

Features Comparison In The Kalmyk Heroic Fairy Tale

*Ц. Б. Селеева (Ts. Seleeva)*¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: tsagana007@mail.ru.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: tsagana007@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сравнений в калмыцких богатырских сказках, являющихся выражением этноязыковой и культурной картины мира. В ходе исследования и анализа выявлены формальные типологические черты и функциональные свойства, присущие организационной структуре сравнительных конструкций в сказочном тексте. Кроме того, отмечаются национально-культурные признаки, жанровые и лексические особенности сравнений в стилистике калмыцких богатырских сказок.

Ключевые слова: богатырская сказка, традиционные формулы, сравнения, сказочная стилистика, языковые средства.

Abstract. The article considers the peculiarities of comparisons in the Kalmyk heroic tales, the expression of ethno-linguistic and cultural view of the world. The study and analysis the formal typological features and functional properties inherent in the organizational structure of comparative constructions in the fantastic text. Besides, national-cultural signs, genre and lexical features of comparisons in stylistics of the Kalmyk heroic tales are marked.

Keywords: the heroic fairy tale, traditional formulas, comparisons, fabulous style, language means.

Сказка является одним из основных фольклорных текстов, репрезентирующим национально-культурные архетипы и базисные модели духовной жизни этноса, — систему социальных отношений, нормы поведения, архаические представления о мире, ритуалы и обряды — выражающиеся особой структурированной системой языковых средств, семантики и символов. Наряду с фольклористическими исследованиями генезиса и жанровой специфики сказки учеными проводился лингвистический анализ текстов сказочного фольклора в различных аспектах [Веселовский 1940; Петрикина 1952; Павлова 1967; 1976; Голикова 1973; Зайцева 1977; 1978; Иванова 1979, Шапиро 1977; 1979; Давыдова 1979; 1981; Борковский 1981; Дмитриева 1988; Черноусова 1994; Тихомирова 1997].

Современные тенденции рассматривают фольклорный сказочный текст как целостную, самобытную поэтическую систему. В этой связи особую актуальность приобретает изучение языковой и стилевой систем калмыцких сказок с учетом роли устной традиции и традиционного стилевого фонда [Омакаева, Бадмаева 2004а; 2004б].

Традиционность языкового построения и национально-культурная специфика образной системы языка сказки обнаруживаются в сравнениях. Образное сравнение представляет собой художественно-изобразительное средство языка, «основанное на семантическом сходстве и характеризующееся наличием слова, выражающего идею подобия» [Егорова 2002: 85]. Образ сравнения отражает национальное мировосприятие: «отбор образов происходит в соответствии с нравами и обычаями народа, особенностями его культуры и истории» [Огольцев 2001: 5].

В калмыцких богатырских сказках наблюдаются примеры устойчивых сравнений, где объектом сравнения выступают предметы и понятия, связанные с повседневной деятельностью человека, его наблюдениями за окружающим миром:

1) человек и его жизнедеятельность — богатырь, старуха, посланник, родинка, палец, глаза, щека, сердце; гной, жир; сахар, шулмус, пир;

2) предметы быта — рукав одежды, платье-биизе, ремень; чаша, трубка, кнут, подпотник, золотые монеты, бумага, лекарственное снадобье;

- 3) оружие — меч, пуля, стрела;
- 4) явления природы — земля, гора, океан, лужа, камень, комья земли; мираж, туча, облако, снег, ветер, пожар, искра, паутина;
- 5) животные — волк, конь, тушканчик, буйвол, верблюд-самец, верблюжонок;
- 6) насекомые — муха, бабочка;
- 7) птицы — беркут, коршун, воробей, ласточка;
- 8) растения — тamarиск, дуб.

Кроме того, в структуру сравнений входят адъективные и субстантивные сочетания, ставшие символами, устойчивыми формулами, характерными именно для калмыцких богатырских сказок: *конь-аранзал, сиво-серый мерин, поджарый вороной (гнедой) конь, пятилетний конь, шелудивый жеребенок-двухлетка, обрубленный хвост коня, кормящая корова-трехлетка, голова буйвола, голова верблюда-самца, степная антилопа, солончаковый белый тушканчик, серый воробей, черная ласточка, косяк воробьев, косяк лебедей, жесткие пестрые глаза, глаза коршуна и беркута, десять священных белых пальцев, сопливый паршивец-мальчуган, старуха мусов, черный стальной меч, ружейная пуля, вольная стрела, весенний мираж, весенний ветер, белая гора из костей, красные камни, старый колодец, золотое платье-биize, белое лекарственное снадобье, свадебный пир.*

Формульные сравнения могут иметь как простейшую, так и развернутую форму выражения:

- ... *хасн бууһин сумн мет, хагсуһин гөһм мет жилвкэд одв* ‘словно пущенная из ружья пуля, словно паутина, блеснув, умчался [богатырь]’¹ [Хальмг туульс 1961: 142];
- *Хасн бууһин сумнла эдл, хаалһар гүүсн яһмн бит, хаврин хар салькн бит, өһд орсн түүмр бит, өһкнд орсн чон мет, тоормасн үргн гүүһэд, тооснаһн жигиһн гүүһэд йобб* ‘Словно пущенная из ружья пуля, словно тушканчик, бегущий по дороге, словно сильный весенний ветер, словно пожар, разгоревшийся в осоке, словно волк, попавший в жир, пугаясь пыли, скакал, убегая от пыли, мчался [конь]’ [Хальмг туульс 1972: 176].

---

¹ Здесь и далее перевод автора.

Рассматриваемые сравнительные конструкции по части речи опорного слова, с которым они связаны грамматически и семантически, являются приглагольными, присубстантивными и приадективными.

Языковая реализация сравнения чаще всего осуществляется в двучленной форме при помощи послелогов и частиц: *met* – *мет* ('как'), *chingä* – *чиңгэ*, *dǔngä* – *дүңгэ* ('размером с') и др.:

- *Арднь шавхгаснь харси шаврнь бууһин сумн мет жицигэд, жицигэд харч йовдг болна* 'Комья земли из-под копыт [коня] отлетали назад со свистом, как ружейные пули' [Хальмг туульс 1961: 142];
- *Дораснь делтрин чинэн хар үүлн харч ирэд, хур, мөндр, салькн һурвн үрү цокад, царин чиңгэ улан чолуд деерэснь теңгрин орна күүкд, көвүд унһаһад, һазад далад киискэхэд хайчкв* 'Снизу величиной с подпотник черное облако показалось — дождь, град и ветер нагрянули, сверху небесной страны девушки и юноши стали сбрасывать величиной с быка красные камни, и во внешний океан его заставили упасть' [Хальмг туульс 1961: 148].

В сказке имеются примеры бессоюзных сравнений, где значение сравнения выражено имплицированно. Такие сравнения, выполняющие уподобительно-усилительную функцию, могут быть употреблены в цепочке эксплицированных сравнительных конструкций:

- *Элэ бүрдүд нүдэрн эргүл дүңһрулн харвб* 'Глазами коршуна и беркута, повернув [в глазницах], посмотрел' [Хальмг туульс 1961: 142];
- *Эгчнь Улажнн Мергенн малтад харһэс авад, эмн һолинь хэлэхлэ, үлдин ир эрэ кирвэд, тасрл уга үлдсн бээж, харһэс авад, үүт-түүт күрдгө — үүлн цаһан эм түркэд, хонг үдтнь күрдгө хурдн цаһан эм түркэд, хойр долан хонгт эмтэ усар уһаһад, эдгэхэд авна* 'Старшая сестра Уладжин Мергена выкопала и вызволила его, — когда осмотрела жизненную артерию, [то поняла], что острие меча едва ее задело, — она не разорвалась, осталась целой, — [девушка] вынула [меч из раны] — как облако, белое лекарство помазала, спустя сутки быстродействующее белое лекарство помазала, в течение двух недель поила его живой водой и исцелила' [Хальмг туульс 1961: 170].

Имплицированные сравнения могут носить идентифицирующий характер и обычно выражаются глаголом:

- *Көвүнд өвгн келжэнэ: «нүр талан цогта, нүдн талан халта, төөрсн бух болсн, төишн һодль болсн, зун орнь зулч болсн, зурһан орнь элч болсн, деед орнь шулм болсн, дорд орнь бирд болсн, хааһас хааран тошч йовх күмч?»*, — *гижэ келв* ‘Старик говорит юноше: «С пламенем в лице, с огнем в глазах, ставший заблудшим буйволом, вольной стрелой ставший, посетивший сто стран, шести стран посланником ставший, в верхнем мире шулмусом ставший, в нижнем мире бирменом ставший, откуда и куда мчишься ты?», — сказал он’ [Хальмг туульс 1961: 143];
- *Тиигэд эмгн барун өвдг деерэн тэвэд, барун халхинь балвртлнь үмсв. Зун өвдг деерэн тэвэд, зун халхинь зүркэн хантлнь үмсв* ‘Тогда старуха, на правое колено посадив, правую щеку целовала, едва не расплющив. На левое колено посадив, левую щеку целовала до тех пор, пока сердце не насытилось’ [Хальмг туульс 1961: 146].

Имплицитированные и эксплицитированные сравнения в сказках употребляются не только как средство уподобления, но и как способ гиперболизации:

- *Отгинь нүүлһэд, авч ирэд, түм күрсн отган дуудад, миңһ күрсн хурлинь залад, боса күүнэ бөрвцэ, сууһа күүнэ сууца хүрм-гиич келһэд, нэр-наад келһэд, амрад, жирһэд бээв* ‘Кочевье [суженой] переселив, десяти тысячное кочевье свое, созвав, монашескую общину в тысячу монахов им определив, стоящему человеку по колено, сидящему человеку по бедро [подняв пыль,] устроили свадебное пиршество — в счастье и благоденствии пребывали’ [Хальмг туульс 1961: 167].

В сказочном вступлении, как правило, дается описание героя-богатыря и его характеристика, где иногда с помощью отрицательного сравнения, построенного на сопоставлении, подчеркивается его исключительность:

- *Ишкэд йовснасн нааран, мөрн-кулг кедү арнзл мет болвчн, көл дөрэлж мордад уга деерэн, теегин гөрэсн кедү хурдн болвчн алдржэ эс һардг төлэднь*, — *Йовһн Мергн гижэ нер авсн бээжэ* ‘Стал он зваться Пешим богатырем — Метким Стрелком за то, что с тех пор, как ступил, пошел он — как бы ни был кюлюк-скакун [стремителен], подобно аранзалу, в стремя не вдевал он ног и не садился верхом [на коня], какой бы быстрой ни была степная антилопа, не могла уйти [от его преследования]’ [Хальмг туульс 1961: 179].

Сравнительные обороты нередко используются как стилистический прием идеализации богатыря. Герой-богатырь не мыслит себя вне рода и семьи, поэтому его могущество подчеркивается через образ его суженой, отличающейся особой красотой, или через статус брата:

- *Гергнь герлднь үүл уйм, гегэнднь аду манм сээхи* ‘Супруга его была так красива, что в свете ее можно было шитьем-вышивкой заняться, в сиянии ее табун стеречь было можно’ [Хальмг туульс 1972: 178];
- *Кеер йовсн хан чиңгэ Мергн ахнь ээлдэж медэд, харжэ ирнэ* ‘Разъезжавший по степи, хану подобный старший брат его Мерген, предчувствуя [неладное], возвращается [домой]’ [Хальмг туульс 1961: 179].

В функциональном плане сравнение в калмыцкой богатырской сказке выступает не только как уподобление, но применительно к герою и его окружающему вещному и предметному миру оно используется и как средство выражения экспрессии. Такая функция особенно характерна для структур с компаративной семантикой, используемых в качестве средств гиперболизации. Так, в описании вещей и предметов, принадлежащих герою-богатырю, — меча, одежды, трубки, золотых монет, чудесного камня — используются сравнения с семантикой гиперболизации, чтобы подчеркнуть его особенность:

- *Цасн болтлнь давтсн, цаасн болтлнь нимглсн, деегиэн завдхлань деед Замб түвиг хоосрадг, дорагшан завдхлань дорак Замб түвиг хоосрадг шур хар нертэ үлдэри нежэд шувтрлдад авв* ‘[Шарада баатр взмахнул] своим черно-стальным мечом [, инкрустированным] кораллами, откованым так, что он стал подобен снегу, отточенным так тонко, что он стал подобен бумаге, если взмахнуть им вверх, то уничтожит верхний Замбу тив разом, если махнуть им по низу, то уничтожит нижний Замбу тив разом’ [Хальмг туульс 1961: 166];
- *Далн туулн мөрнэ үнтэ дарвд алтн биизиг далын герл дахулад өмсв* ‘Золотой [парчи] с широкими полами платье-биизе, стоимостью в семьдесят пятилетних коней, [поверх] лопаток, [источающих] свет, надел’ [Хальмг туульс 1961: 142];
- *Ан-Сахл Богдитин буурин толхан чиңгэ ханзан харһжэ авад, тэмкэн нерэд, бухин толхан дүңгэ цог тэвэд, утаһан пард-пард гийэд татад, мөрэн көтлэд йовжэана* ‘Ага-Сахал Богдитин ве-

личиной с голову верблюда-самца трубку достал, набил табаком величиной с голову буйвола уголь положил, затянулся и повел за собой коня' [Хальмг туульс 1972: 179];

- *Тигэд Бужн Дава хан <...> буурин толхан чиңгэ һанзд ботхна шилвинь дүңгэ сурул зүүчкэд, буру зөв уга эргүлэд, тэмкэн татад...* 'Так Буджин Дава хан <...> в трубку, что величиной с голову верблюда-самца, вставил мундштук, что величиной с голень годовалого верблюжонка, проворачивая вправо и влево, закурил' [Хальмг туульс 1972: 68];
- *Көвүн йовх болна. Хээрт Хар Күкл эж-эцк хойртнь, көвүһән иртл эдлэж бээтн гихэд, хавтхасн 15 мөрнь үнтэ, арвна шар алт һарһад өгчкэд, сөөвңгән дахулад һарна* 'Мальчик изъявляет желание поехать [с Хайрт Хара Кюкюлом]. Хайрт Хара Кюкюл родителям его на пропитание, пока их сын вернется, вынул и отдал десять золотых монет, что ценой в пятнадцать коней, взял [мальчика] помощника с собой, вышел' [Хальмг туульс 1961: 22];
- *Ода яһжэ алдг болхм гихэд, алдг арһинь олжэ ядад, Оһтһуһас ца-рин чинән чолу тәрмдјж унһаһад, тер мусинь элкн деернь тальвб* 'Богатырь' думал, как же теперь умертвить [муса], и не находил способа. [Тогда он произнес заклинания,] и с небес упал камень величиной с быка — на печень того муса он водрузил' [Хальмг туульс 1961: 144].

Описания с использованием сравнений и гиперболизации касаются не только главного героя-богатыря, но и образа богатырского коня, являющегося проявлением героической идеализации:

- *...цэгәнн ууһад дуусад, уулын чиңгән оһтһ сүүлтэ шарһиг авч ирјж тохтн гижэ келэд, тэвчкв* 'Напившись чаю, [богатырь закончил трапезу] и велел привести и оседлать солового [коня], величиной с с гору с обрубленным хвостом' [Хальмг туульс 1972: 179].

Большей частью сравнения дают образную характеристику действий и поступков сказочного героя и выполняют репрезентативную функцию. Они характеризуют быстроту, стремительность действий персонажей, которые передаются через сопоставление с быстротой искры, ветра, тушканчика, стрелы, ружейной пули, волка, разгоревшегося пожара и др.:

- *Күрл мөңгн дөрэд көльн күрхин тедүд, улв болгсн көвцг деер очн мет өсрэд тусв* ‘Едва ноги [богатыря] коснулись бронзовых серебряных стремян — на кожаную седельную подушку, словно искра, вскочил’ [Хальмг туульс 1961: 142];
- *...цаһан улв түнтг деерэн очн мет оч тусад, нүднд түрд, чикнд сард гигэд йовад оч* ‘на белую подушку [седла], словно искра, вскочил он и исчез, промелькнув перед глазами и просвистев в ушах’ [Хальмг туульс 1961: 192];
- *... хасн бууһин сумн мет, хаврин хар салькн мет, ишкэд орксн ормнь хуучн худгин бээрн мет, өсрэд һарсн шаврнь арднь уул болж үлдэд ...* ‘[мчался] словно пущенная из ружья пуля, словно сильный весенний ветер, места, где ступали копыта [коня], были подобны старым колодцам, разлетавшиеся из-под ног [коня] комья земли образовывали сзади горы’ [Хальмг туульс 1972: 57];
- *Тиигэд хасн бууһин сумн мет, хаврин жүрлһән мет, хагсуһин гөлм мет, жүлвкүлж тэвдг болна* ‘Так мчался [он], словно пущенная из ружья пуля, словно весенний мираж, словно паутина, блеснув, умчался [богатырь]’ [Хальмг туульс 1961: 149];
- *Бүдүн өвсиг бөклзүлэд, нәрхн өвсиг нэгхлүд, хасн бууһин сумн бит, хадлһнд орсн ялмн бит, хаврин хар салькн бит, өлңгд орсн түүмр бит, өөкнд орсн чон бит, тоормасн үргн гүүһэд, тооснасн жүсигшн гүүһэд, мөрнэ көлин ишкдлэс, өрсн шавр богиадан керән, хун керән чиңгэ деер, арднь үлдэд йобб...* ‘Толстые травы сгибая, тонкие травы покачивая, словно пущенная из ружья пуля, словно тушканчик, попавший в покос, подобно сильному весеннему ветру, словно пожар, разгоревшийся в осоке, словно волк, попавший в жир, пугаясь пыли, скакал, убегая от пыли, мчался, комья земли из-под ног коня, словно косяк воробьев и косяк лебедей, летели сзади’ [Хальмг туульс 1968: 101];
- *Күлг уһһна ду һарһад, чишкэд, хасн бууһин сумн кевтэ хагдад, хагин цаһан ялм кевтэ агдад, ясн цаһан уул кевтэ өндртэд... Өмнән авад хаяд йовсн шорань өмннь соньн уул болад чичрэд, ардан авад хаяд йовсн шораднь ардк цахрмуднь барс-бүрс гийһэд үзгэдд йовна* ‘Скакун, заржав, как жеребенок, словно пущенная ружейная пуля, летел, словно солончаковый белый тушканчик, прогибался он, словно белая гора из костей, устремлялся ввысь он. Комья земли, выбрасываемые вперед [из-под копыт коня], образовывали перед ним чудные горы и сотрясались, сквозь выбрасываемые назад комья земли едва виднелись позади сахараы’ [Хальмг туульс 1972: 137].

Гиперболические сравнения, используемые в описании особых примет противника, с которым богатырю приходится встречаться на своем пути, и реакции на него:

- *Сүүлднь Аг-Сахл Богдитн серв. <...> Шинжлхлэ, зун далиннь дор хурһи чиңгэ хуучн сөрвтэ* ‘Наконец Ага-Сахал Богдитин проснулся. Внимательно осмотрев [спавшего рядом богатыря], и под левой его лопаткой заметил старую родинку размером с палец [человека]’ [Хальмг туульс 1968: 180];
- *Хармин Хату Хариг тишгэж йовсиг үзчкэд ааһин дүңгэ нүднь аврлт угаһар урвад, арвн эрүн цаһан хурһинь альхн талан үүмлэдэд...* ‘[Пеший богатырь — Меткий Стрелок], увидел что творит Хармин Хату Хара, — глаза его, что размером с чашу, беспощадно наполнились [гневом], десять священных белых пальцев сомкнулись в кулак’ [Хальмг туульс 1972: 179].

Как правило, приключения и путешествия сказочного героя-богатыря связаны с архаическими ритуалами и обрядами инициации. Их отражением в богатырской сказке являются уход героя из своего социума (семьи, рода), временная изоляция и странствия в иных странах, в верхнем или в нижнем мире, где и происходят его контакты с духами: приобретение духов-помощников или борьба с демоническими противниками. Образ нижнего мира, представленный через сравнения, необычен, а его элементы гиперболически:

- *Көкүл долан һунжэн үкрин дүңгэ нохас баң-баң гигэд, сүүлэн шарвадад бээнэ* ‘Собаки, размером с семь коров трехлеток, громко лая, виляли хвостами’ [Хальмг туульс 1961: 191];
- *Эн ноханчн өөр үксн эмтнэ цусн дала болад, ясьн — Сөмр уул болж одсн бээнэ, — болна* ‘Возле собаки этой кровь умерших людей океаном стала, кости их горой Сумеру стали’ [Хальмг туульс 1961: 191].

Калмыцкая богатырская сказка рисует образ героя-богатыря, отличающегося физической силой и ловкостью, невероятной энергией и смелостью, отвагой и решимостью. Его богатырской энергии и героическому характеру требуется выход. Героическая энергия богатыря побуждает его к действию, в котором эта энергия реализуется, а обладание силой и смелостью — необходимое условие для превращения героической энергии в действие. «„Переполнение“ героя боевой энергией ведет к поискам встреч с богатырями, с кото-

рыми можно было бы помериться силами» [Мелетинский 2004: 341]. Использование гипербол в сравнениях при описании богатырского поединка придает особую экспрессию кульминационному моменту сказочного повествования:

- *Кесгэн ноолдв. Шү хар модиг хавтха шилвүр болтл ноолдад, далан усыг чалчаг болтл ноолдад, уулыг тегш һазр болтл ноолдад, кен негнэ авч чадад...* ‘Долго боролись они. Дрались так, что ствол дуба плоским, как кнут, стал, боролись так, что вода из океана лужей стала, гора сравнялась с землей, так боролись они, один другого не мог побороть’ [Хальмг туульс 1972: 180];
- *Тэкин арсн шалвриг тэкм деерэн тэвн нэгм эвкэд, буур кевтэ күрлдэд, бух кевтэ ташалдад, хоюрн таш-баи бэрлдэд ноолдна* ‘[Богатыри] штаны из куланьей шкуры на икрах пятьдесят восемь раз подвернули, как самцы верблюды, ревя, став боками друг к другу как быки, схватились вдвоем в поединке’ [Хальмг туульс 1961: 172].

Обладание героя богатырскими свойствами позволяет ему добиваться поставленной цели — благополучно пройти инициационные испытания и одержать победу над противником или соперником:

- *Эрвңгинь төгэлүлэд утлад, ааһин чиңгэ эрвңг утлэж амнднь авад шаав, сэн залу үквчн амнь тоста йовтха гинэд, һолыннь цуснаһн һорв ооһлэж ууһад, утхан хавтхлад, маш улан хальңг болад, һарад йовад одв ...* [Ага-Сахал Богдитин, убив противника,] жир вокруг [живота его] отрезал, размером с чашу жир отрезал и воткнул в рот, дескать, пусть хороший муж и умер, но рот его будет сытым; кровь из горла трижды испил, нож засунул в карман, захмелев, покраснел, выехав, пустился в дальнейший путь [Хальмг туульс 1972: 181].

Иногда при подаче образа в калмыцких богатырских сказках в сравнении используется прием литоты. Так, богатырский конь имеет величину с рукав одежды, силуэт, видимый богатырем вдали, сравнивается с бабочкой, ласточкой, но чаще всего с мухой:

- *Хаш мөңгн урлта, хала мөңгн турута, ханцна чиңгэ нэрхн хар кер мөртэ, шажн ишртмэж хойриг дээвлүлгсн Шажн Улан баатр эжэго эрм цаһан көдэд нутгелсн болдг ...* ‘На поджаром вороном гнедом

коне, что размером с рукав, с яшмово-серебряной [уздечкой] на губах, с жестяно-серебряными [подковами] на копытах, богатырь Шаджин Улан расшатавший основы веры и мира, раскинул свои кочевья в безлюдной степи' [Хальмг туульс 1972: 56];

- *Хойр нүдэрн харвхла, ик хол эрвэжэн дүцгэн юмн эвэң-эвэң гихэд, батхнин чиңгэн баран барс-бурс гихэд үзгдв* ... 'Когда [он] всмотрелся обоими глазами, то [увидел] вдали что-то мелькающее размером с бабочку, что-то мерцающее, размером с муху ему показалось' [Хальмг туульс 1972: 176–177];
- *Бээшнүрнь курэд ирхин алднд мусин эмгн харань харадан чинэн, барань батхнин чинэн болжэ харгдв* 'Он только было возвратился к себе во дворец — старуха мусов исчезла, показавшись вдали, став размером с ласточку, очертаниями размером с муху став' [Хальмг туульс 1961: 144];
- *Долан хонгт гүүхэд орксн цагт нег бор толна деер харч, делгэд, дөнн бүргдин нүдн һарад, ямр чигн хол һазр үлдв гилч гигэд хэлэж бээтл, теңэр һазр хойрин шавилһнас батхнин чиңгэ баран барң-барң гигэд, һарад ирнэ* 'Когда промчался он семь суток, взобрался он на один серый холм, посмотрел вокруг взглядом четырехлетнего беркута, пока он смотрел и думал о том, каково же расстояние, которое ему еще осталось преодолеть, — со стороны горизонта показался силуэт, размером с муху' [Хальмг туульс 1961: 169].

Для богатырской сказки чаще всего характерны сравнения, основанные на простом параллелизме — характер, поступки героя-богатыря, явления человеческой жизни сопоставляются с явлениями природы и животного мира:

- ... *хаврин хар салькн мет, хаалһд орсн ялмн мет, бөдүн өвсиг бөкүлл уга, нэрн өвсиг нээхлүлл уга, өркдин деерэһүр, үүлнэ дорәһүр һарад йовад одна* 'словно сильный весенний ветер, словно тушканчик, попавший на дорогу, толстые травы не сгибая, тонкие травы не качая, над дымниками [юрт], под облаками мчался [конь]' [Хальмг туульс 1972: 60];
- ... *үүлн өңгтэ көк бор мөрән көлгэд, ардаснь көөһэд һарна* '[Через некоторое время невестка Хатун-Татун] помчалась вслед [за Хартин Хара Кюкюлом] на сиво-сером мерине, похожем на облако' [Хальмг туульс 1961: 191];

- *Тиигэд Хартин Хар Кукл мөрэн хуухта му даан келэд эврэн бийнь нуста му көвүн болна. Нүднәннь өмн булцгднь бор богшудан чигэн өөр хуржэ, ард булцгднь хар харадан чигэн өөр хуржэ* ‘Тогда, Хартин Хара Кюкюл коня своего превратил в шелудивого жеребенка-двухлетку, а сам стал сопливым паршивым мальчуганом. В переднем углу глаз гной величиной с серого воробья скопился, в заднем углу глаз гной величиной с черную ласточку скопился’ [Хальмг туульс 1961: 191].

Традиционность, устойчивость, консервативность стилистических приемов сравнительных конструкций, их варьирование и количественное многообразие способствуют созданию яркого, красочного и живого повествования. Элементы образной системы национальной картины мира, обнаруженные в сравнениях калмыцкой богатырской сказки, следующие: быстрота ходьбы богатыря сравнивается со скоростью бега аранзала и сайгака, скорость его посадки в седло — со вспыхнувшей искрой; грозный и пронзительный взгляд героя-богатыря — со взглядом коршуна и беркута; с величиной чаши сравниваются глаза героя-богатыря и жир, отрезанный и воткнутый героем в рот противнику; чудесный меч героя выкован так, что подобен снегу, лезвие его наточено так, что подобно тончайшей бумаге; золотое платье-биизе героя оценивается в семьдесят пятилетних коней, а десять золотых монет, отданных героем за мальчика-помощника, в пятнадцать коней; встретившийся в пути герою старик уподобляет его заблудшему буйволу, вольной стреле, шулмусу, бирмену и послу; отдыхающий в пути богатырь описывается устойчивым формульным сравнением и сравнивается с растянувшимся ремнем и тамариском, а закуренная им трубка — с головой верблюда-самца, мундштук — с голенью верблюжонка, уголь — с головой буйвола; размером с буйвола падают камни с неба; длительность богатырского поединка сравнивается с тем, что ствол дуба плоским стал, вода в океане лужей стала, гора сравнялась с землей, а сами борющиеся богатыри сравниваются с самцами-верблюдами и с готовыми к поединку быками; немаловажное значение придается статусу — брат героя сравнивается с ханом — а красота суженой сравнивается с сиянием; с облаком сравнивается сиво-серая масть коня и чудесное лекарство-снадобье; туча сравнивается

с подпотником; стремительность бега коня героя сравнивается со скоростью ружейной пули, весеннего ветра, сайгака, тушканчика, пожара в осоке, бега волка, попавшего в жир, с блеском паутины и видением миража, гибкость коня сравнивается с гибкостью тушканчика, высота его прыжка — с горой, а комя земли, выбрасываемые из-под копыт коня, — с косяком из воробьев и лебедей, скопление их — с горой; места, где ступали копыта коня, — со старыми колодцами; силуэт, увиденный героем, сравнивается по размеру с бабочкой, ласточкой и мухой; неприглядность облика паршивого мальчугана выражается через гной, скопившийся у него в уголках глаз, что размером с воробышка и ласточку; величина собак в преисподней — с трехлетними коровами; веселье свадебного пиршества сравнивается с поднятой пылью, что была стоящему человеку по колено, сидящему — по бедро.

Образная система языка калмыцких богатырских сказок рассмотрена в работе через призму сравнений, имеющих устойчивую структуру и встроенных в формульные конструкции. Устойчивые сравнения репрезентируют специфические особенности жанра богатырской сказки и фразеологизированных структур компаративной семантики языка. Формальной организации сравнений свойственны общие признаки. Национально-специфические признаки в основном реализуются посредством определенного подбора средств гиперболизации, выражающих национально-культурные коннотации. В лексическом наполнении сравнительных конструкций используются названия национально-культурных реалий и различных кодов культуры — антропного, растительного, зооморфного, природного и др.

Источники

Хальмг туульс. Барт белдснь Саңҗин Б., Саңхан Л. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. I боть. 220 х.

Хальмг туульс. Манжин Санжас бичж авсн Бембэн Ш. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1968. II боть. 264 х.

Хальмг туульс. Нээрүлж кевлелд белдҗ диглснь: Н.Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1972. III боть. 250 х.

Sources

Kalmyk Fairy Tales. B. Sandzhiev, L. Sangaev (comp.). Vol. 1. Elista: Kalm. Book Publ., 1961. 220 p. (In Kalm.)

Kalmyk Fairy Tales. Recorded from Sandzhi Mandzhiev by Sh. Bembeev. Vol. II. Elista: Kalm. Book Publ., 1968. 264 p. (In Kalm.)

Kalmyk Fairy Tales. N. N. Musova, B. B. Okonov, E. D. Muchkinova (comp.). Vol. III. Elista: Kalm. Book Publ., 1972. 250 p. (In Kalm.)

Литература

Борковский В. И. Синтаксис сказок. Русско-белорусские параллели. М.: Наука, 1981. 235 с.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 647 с.

Голикова С. В. К вопросу о языке народной волшебной сказки // Вопросы истории и филологии. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1973. Вып. 2. С. 41–48.

Давыдова О. А. К вопросу о традиционных языковых приемах и средствах русской народной волшебной сказки // Проблемы современной и исторической лексикологии: Сб. науч. трудов Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М.: Изд-во МГПИ, 1979. С. 113–125.

Давыдова О. А. Традиционные языковые средства русской народной волшебной сказки (определяющие сочетания, поэтические формулы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981. 22 с.

Дмитриева Т. Г. Повествовательные и описательные стилистические приемы в русской народной волшебной сказке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.

Егорова О. А. Традиционные формулы, как явление народной культуры (на материале русской и английской фольклорной сказки): автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 2002. 23 с.

Зайцева И. К. Личные имена существительные в русских народных сказках Воронежской области // Специфика фольклорной лексики и фразеологии. Курск: Науч. тр. Курск. гос. пед. ин-та, 1978. Т. 186. С. 10–14.

Зайцева И. К. Наблюдения над лексикой русских народных сказок // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1977. С. 35–41.

Иванова И. П. Однокомпонентные обращения в русской волшебной сказке // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1979. С. 99–108.

Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2004. 460 с.

Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: Рус. словари; АСТ: Астрель, 2001. 800 с.

Омакаева Э. У., Бадмаева С. С. Сказка как текст: структура и семантика (на материале сказок монгольских народов) // Молодежь в науке. Межрегиональная научная конференция молодых ученых: сборник научных трудов. Элиста: КИГИ РАН, 2004б. С. 75–85.

Омакаева Э. У., Бадмаева С. С. Фольклор как художественно-эстетическая и этнопоэтическая система: время и пространство в зеркале языка (на материале калмыцких сказок) // Живопись как знак культуры (О творческом наследии народного художника России Гарри Рокчинского). Сер. «Калмыцкая интеллигенция». Элиста: КИГИ РАН, 2004а. С. 146–170.

Павлова Е. М. Безличные предложения в языке южновеликорусских сказок // Русская диалектная и народно-поэтическая речь. Воронеж: Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та, 1976. Т. 186. С. 64–80.

Павлова Е. М. Глагольное составное сказуемое в южнорусских сказках // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1967. Вып. 3. С. 52–66.

Петрикина Н. С. Предложные конструкции в северовеликорусских сказках (на материале сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: АН СССР, 1952. 24 с.

Черноусова И. П. Структура и художественные функции диалога в русской волшебной сказке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994. 22 с.

Шapiro Ф. С. Из наблюдений над личноуказательными местоимениями в языке сказок // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1979. С. 132–138.

Шapiro Ф. С. О формах второго лица единственного и множественного числа в языке современных русских сказок // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1977. С. 93–101.

References

Borkovskiy V. I. The Syntax of Fairy Tales. The Russian-Belarusian Parallels. Moscow: Nauka, 1981. 235 p. (In Russ.)

Chernousova I. P. Structure and Artistic Functions of the Dialogue in a Russian Magic Fairy Tale. Cand. Sc. thesis (philology) abstract. Voronezh, 1994. 22 p. (In Russ.)

Davydova O. A. Concerning the Traditional Language Methods and Means of the Russian Folk Magic Fairy Tale. In: Problems of Modern and Historical Lexicology. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute Publ., 1979. Pp. 113–125. (In Russ.)

Davydova O. A. Traditional Linguistic Means of the Russian Folk Magic Tale (Definitive Combinations, Poetic Formulas). Cand. Sc. thesis (philology) abstract. Moscow, 1981. 22 p. (In Russ.)

Dmitrieva T. G. Storytelling and Descriptive Stylistic Methods in a Russian Folk Magic Fairy Tale. Cand. Sc. thesis (philology) abstract. Moscow, 1988. 24 p. (In Russ.)

Egorova O. A. Traditional Formulas as a Phenomenon of Folk Culture (on the Material of the Russian and English Folklore Fairy Tale). Cand. Sc. thesis (culture studies) abstract. Moscow, 2002. 23 p. (In Russ.)

Golikova S. V. Concerning the Language of a Folk Magic Fairy Tale. *Problems of History and Philology*. Voronezh: Voronezh. State University, 1973. Is. 2. Pp. 41–48. (In Russ.)

Ivanova I. P. Single Component Addresses in a Russian Magic Tale. In: The Language of Russian Folklore Genres. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 1979. Pp. 99–108. (In Russ.)

Meletinskiy E. M. Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments. 2nd ed. Moscow: Vost. lit., 2004. 460 p. (In Russ.)

Ogol'tsev V. M. Dictionary of Stable Comparisons of the Russian Language. Moscow: Rus. slovari; AST: Astrel, 2001. 800 p. (In Russ.)

Omaakaeva E. U., Badmaeva S. S. Folklore as an Artistic-aesthetic and Ethno-poetic System: Time and Space in the Language Mirror (on the Material of Kalmyk Fairy Tales). In: Painting as a Sign of Culture (On the Creative Heritage of the People's Artist of Russia Garry Rokchinsky). Ser. Kalmyk intelligentsia. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2004a. Pp. 146–170. (In Russ.)

Omaakaeva E. U., Badmaeva S. S. The Fairy Tale as a Text: Structure and Semantics (on the Material of Tales of Mongolian Peoples). In: Youth in Science. Interregional scientific conference of young scientists. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2004b. Pp. 75–85. (In Russ.)

Pavlova E. M. Impersonal Sentences in the Language of South Russian Fairy Tales. In: Russian Dialect and Folk-poetic Speech. *Bulletin of Voronezh State Pedagogical Institute*. Voronezh, 1976. Vol. 186. Pp. 64–80. (In Russ.)

Pavlova E. M. The Verb Compound Predicate in Southern Russian Fairy Tales. In: Materials on Russian-Slavonic Linguistics. Voronezh: Voronezh University Publ., 1967. Is. 3. Pp. 52–66. (In Russ.)

Petrikina N. S. Prepositional Constructions in the North Great-Russian Fairy Tales (on the Material of the Collection of N. E. Onchukov "Northern Fairy Tales"). Cand. Sc. thesis (philology) abstract. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1952. 24 p. (In Russ.)

Shapiro F. S. Concerning the Forms of Second-Person Singular and Plural in the Language of Modern Russian Fairy Tales. In: Language of Russian Folklore Genres. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 1977. Pp. 93–101. (In Russ.)

Shapiro F. S. From Observations over Personal Pronouns in the Language of Fairy Tales. In: Language of Russian Folklore Genres. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 1979. Pp. 132–138. (In Russ.)

Veselovskiy A. N. Historical Poetics. Leningrad: Goslytizdat, 1940. 647 p. (In Russ.)

Zaitseva I. K. Observations over the Lexicon of Russian Folk Tales. In: Materials on Russian — Slavonic Linguistics. Voronezh, 1977. Pp. 35–41. (In Russ.)

Zaitseva I. K. Proper Noun-names in Russian Folk Tales of Voronezh Region. In: Specificity of Folklore Vocabulary and Phraseology. Kursk: Kursk State Pedagog. Institute, 1978. Vol. 186. Pp. 10–14. (In Russ.)

О создании базы данных аутентичных текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар»

On the Creation of a Database of Authentic Texts of the Kalmyk Heroic Epic “Dzhangar”

Б. Б. Манджиева (B. B. Mandzhieva)¹

¹ кандидат филологических наук, заведующий отделом фольклора, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: mbbairta@yandex.ru.
Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Head of Department of Folklore Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: mbbairta@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем калмыцкой фольклористики — созданию электронной базы аутентичных текстов, в которую будут включены образцы многожанрового калмыцкого фольклора, в частности тексты калмыцкого героического эпоса «Джангар». Материалом для базы данных аутентичных текстов будут являться письменные и устные первоисточники. Письменные первоисточники будут представлены рукописными текстами калмыцкого героического эпоса «Джангар» в записях XIX–XX вв. Устные первоисточники будут состоять из аудиозаписей эпических песен калмыцких сказителей, записанных в 1960–1980-е гг. учеными КНИИЯЛИ (ныне — КалмНЦ РАН). Реализация проекта по созданию базы аутентичных текстов будет иметь важное значение для сохранения фольклорного наследия калмыков и дальнейшего комплексного исследования такого уникального эпического памятника, как героический эпос «Джангар».

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, героический эпос «Джангар», текст, письменные источники, устные источники, модуль, метаразметка.

Abstract: The article is devoted to one of actual problems of the Kalmyk folklore — the creation of an electronic database of authentic texts, which will include samples of multi-genre of Kalmyk folklore, in particular, the texts of the Kalmyk heroic epic “Dzhangar”. The material for the creation of authentic texts of the database will be written and oral source material. Writing primary sources will be presented handwriting Kalmyk heroic epic “Dzhangar” in the records of XIX–XX centuries. Oral source material will consist of recordings of songs Kalmyk epic storytellers recorded in the 1960s–1980s by scientists of KNIYALI (now KSC RAS). Implementation of the project to create an electronic database of authentic texts will be important to preserve the folklore heritage of the Kalmyks and further comprehensive study of this unique monument as a heroic epic “Dzhangar”.

Keywords: Kalmyk folklore, heroic epic “Dzhangar”, text, written sources, oral sources, module, metarazmetka.

В условиях современной глобализации каждый народ стремится сохранить традиционную национальную культуру, не утратить своеобразие. С появлением новых компьютерных технологий появляются новые возможности для сохранения нематериального культурного наследия народов Российской Федерации.

В Калмыцком научном центре РАН на протяжении многих лет ведется большая работа по разработке фундаментального проекта — Свода калмыцкого фольклора, в котором представлено во всей полноте устно-поэтическое и музыкальное творчество калмыков. В рамках данного проекта сотрудниками отдела фольклора КалмНЦ РАН подготовлены к изданию тексты песен, калмыцкого героического эпоса «Джангар». Фольклористами собран богатейший материал, который необходим для формирования локальной электронной базы, а в дальнейшем и единой базы данных калмыцкого фольклора. В настоящее время одной из актуальных задач калмыцкой фольклористики является создание электронной базы, содержащей образцы многожанрового калмыцкого фольклора, в частности базы данных аутентичных текстов героического эпоса «Джангар».

До настоящего времени нет единства в трактовке терминов «аутентичность» и «аутентичный материал». «Аутентичный» происходит от латинского *authenticus*, что в переводе означает ‘подлинный, достоверный’. В нашей работе под *аутентичным фольклорным материалом* понимаются образцы фольклора, созданные носителями языка, т. е. сказителями. Аутентичность материала отражает живую речевую деятельность. Многожанровый калмыцкий фольклор во всем своем многообразии является ярким образцом метафоричности языка, содержащим богатый пласт архаики. Оригинальные тексты эпических песен «Джангара» в ранней записи XIX в. включают в себя архаические мотивы, поэтому в них сохранилась древняя лексика, которая, к сожалению, уже не употребляется в современной калмыцкой речи. Поэтому включение текстов эпических песен «Джангара» в базу данных аутентичных текстов является одной из важных задач современной фольклористики, которая будет направлена, прежде всего, на сохранение фольклорного наследия калмыков.

Как известно, фольклорные тексты подразделяются на два вида: письменные и устные. Источником для создания базы данных аутентичных текстов будут являться и письменные, и устные первоисточники.

Письменные первоисточники состоят из рукописных текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар»: записи XIX в., включающие тексты трех песен Малодербетовского цикла, две из которых были обнаружены А. Ш. Кичиковым в 1966 г. в архиве К. Ф. Голстунского, хранящиеся в рукописном фонде библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета под шифром 907 Джангар (список Мало-Дербетовского улуса). *Calm. C. 4, inventory No. 1834. Old call number Xyl. Q 544. Golstunsky Collection (1862), No. 3* [Джангар. Список Малодербетовского улуса], а также тексты трех песен Багацохуровского цикла, две из которых также находятся в рукописном фонде библиотеки Восточного факультета СПбГУ, одна песнь хранится в архиве РГО; записи XX в. — тексты десяти песен джангарчи Ээлян Овла, записанные Номто Очировым в 1908–1910 гг., тексты шести песен джангарчи Мукебюна Басангова, записанные Басангом Дорджиевым и Михаилом Тюлюмджиевым в 1940 гг., тексты четырех песен джангарчи Давы Шавалиева в записи Алексея Бурдукова в 1939 г., текст одной песни джангарчи Бадмы Обушинова, записанная И. И. Поповым в 1901 г. и одна песнь джангарчи Насанки Балдырова, записанная А. Ш. Кичиковым и Н. Б. Сангаджиевой в 1966 г. [Джангар 1978].

Устные первоисточники состоят из аудиозаписей эпических песен, записанных во второй половине XX в. (1960–1980-е гг.) учеными КНИИЯЛИ (ныне — КалмНЦ РАН) от сказителей: Биткеев Годжга (отрывок), Церенов Эрдни Балдырович (2 песни), Човаев Ара (отрывок), Боожуков Аважн (1 песнь), Гаряев Цюрюм Чонкушевич (1 песнь), Лиджиев Телтя (пролог, 12 песен), Пахитова Ульяна Дорджиевна (пролог), Амбекова Боовуш Пюрвеевна (пролог, 1 песнь), Манджиев Михаил Бадушевич (пролог, 8 песен), Дорджиев Мушка Биджагаевич (пролог, 13 песен), Эрендженев Баснг Бамбаевич (пролог, 3 песни), Сертенов Тапар Серпекович (1 песнь).

Данные аудиозаписи были оцифрованы Б. Х. Борлыковой в лингвофольклорной лаборатории КалмНЦ РАН, которая была созда-

на в целях сохранения записей устной традиции калмыцкого народа конца XX в. и фиксации современного фольклорного материала. В рамках программы Президиума РАН в 2008–2009 гг. решалась задача создания научного архива современного уровня с целью сохранения уникального фонда звуковых записей по фольклору калмыцкого народа. На основании полученных в цифровом формате файлов была создана коллекция презентационных фрагментов, которые будут являться первоисточником базы данных аутентичных текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Для создания базы данных аутентичных текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар» необходимо выполнить ряд задач. Первоначально необходимо создать два модуля: один модуль будет отвечать за письменный блок, второй — за устный. Для функционирования этих модулей требуется разработать программное обеспечение.

Структура письменного блока будет состоять из четырех частей:

1. Сканированные копии рукописей в формате pdf.
2. Текст в том виде, в каком он представлен в рукописи, что необходимо для осуществления поиска одинаковых элементов в различных фрагментах.
3. Переложение письменного первоисточника на современный калмыцкий язык.
4. Перевод на русский язык.

Переложение части материалов на «тодо бичиг» представляется одной из самых трудновыполнимых задач по ряду причин: в первую очередь отсутствует юникодовая кодировка всех графем, пишущихся в середине и в конце слова; отсутствует поддержка вертикального письма в текстовых редакторах; отсутствует распознающая программа, которая бы облегчила подготовку текстов на «тодо бичиг» [см. подробно: Бембеев 2012а; 2012б]. Тем не менее, на наш взгляд, возможно найти решение данной проблемы. Например, в русле данных исследований в КалмНЦ РАН ведется работа по созданию Национального корпуса калмыцкого языка, одним из направлений которого является разработка подкорпуса «ранних» текстов. «В рамках проекта проводится анализ рукопис-

ных и печатных источников XVII–XIX вв., выявляются их палеографические и лексические характеристики, среди которых можно перечислить особенности почерка переписчика или шрифта текста, формат рукописи, качество бумаги, чернил и т. п. Предпринятая работа в дальнейшем существенно облегчит работу по вводу и обработке калмыцких и ойратских текстов и изображений, систем оптического распознавания, систем информационного поиска и автоматического индексирования документов» [Куканова, Бембеев, Музраева 2013: 70–71]. С оцифрованными и транслитерированными текстами на старокалмыцком языке мы можем ознакомиться на сайте «Старокалмыцкий корпус» (<http://kalmcorpog.ru/todosearch>). Данный подкорпус текстов начала XVIII — начала XX в. дает возможность получить обширнейший материал для исследования лексики и грамматики старокалмыцкого языка. В нашем проекте представление рукописных текстов «Джангара» XIX в. на «тодо бичиг» откроет новые перспективы для всестороннего изучения калмыцкого героического эпоса, в особенности для лингвистов.

Структура базы аутентичных текстов будет иметь общую метаразметку (см. [Куканова 2011]), и в то же время более детализованную, в которой будут учтены сведения, необходимые для дальнейшей комплексной текстологии.

Метаразметка в базе данных аутентичных текстов будет иметь следующую структуру (см. [Куканова 2012: 196–197]):

- 1) идентификационный код текста;
- 2) название текста;
- 3) перевод названия на русский язык;
- 4) исполнитель/сказитель (если имеются сведения);
- 5) ФИО человека, зафиксировавшего текст (собиратель);
- 6) форма фиксации (цифровая/аналоговая запись или письменный текст);
- 7) время фиксации;
- 8) место фиксации;
- 9) место хранения оригинала или записи;
- 10) шифр;
- 11) количество листов;
- 12) наличие копии;

- 13) внешняя сохранность/качество записи;
- 14) датировочные данные;
- 15) сведения о почерке;
- 16) история публикации;
- 17) графическая система;
- 18) жанровая принадлежность;
- 19) комментарий.

Для того чтобы дать общую информацию необходимо создать метаописание текста, которое будет содержать краткие сведения об археографии и текстологии документа. Затем необходимо выполнить переложение с «тодо бичиг» на современный калмыцкий язык. Работа по переложению выполнялась авторским коллективом, так как тексты были подготовлены в процессе составления томов Свода калмыцкого фольклора. После загрузки текст необходимо проверить несколько раз. «Двойная проверка обоснована тем, что транслитерация и расшифровка текстов достаточно сложный процесс, который требует максимум внимания и сосредоточенности» [Куканова 2012: 197].

Алгоритм работы включает следующие действия:

- сканирование;
- загрузку;
- транслитерацию и одновременную сегментацию на строки и предложения;
- переложение на современный калмыцкий язык;
- перевод текста на русский язык.

Разработка данных модулей дает возможность осуществления поиска нужного фрагмента по текстам эпоса, в результате которого выдается список, где этот фрагмент использовался, его звучание (при наличии аудиозаписи), написание, и тогда исследователь, владея обширным материалом, может провести необходимый ему анализ текста (например, выявить исторические изменения или установить ретроспективу языкового явления и т. д.).

Устный модуль, который предлагается разработать по специализированной программе ELAN (программа для полевой работы), содержит стопроцентную аутентичность, т. е. текст без изменений. Применение данной программы в полевой фольклористике позво-

ляет передать особенности устной традиции, например интонации, эмоции. Фиксация фольклора на видеокамеры передает все особенности сказывания текста сказителем, полную картину, мимику, интонацию, жесты и т. д. Данный модуль позволяет создавать несколько уровней метаописания текста: например, можно сделать разметку тех фрагментов, когда используются руки, определенная жестикуляция и т. д.

Таким образом, реализация проекта по созданию электронной базы аутентичных текстов будет иметь важное значение для сохранения фольклорного наследия калмыков, а также откроет новые пути для комплексного текстологического изучения фольклора, всестороннего лингвистического анализа языка.

Литература

Бембеев Е. В. Коллекции рукописей на старокалмыцком (ойратском) языке XVII–XIX вв. в свете компьютерной обработки: постановка проблемы // Информационные технологии и письменное наследие. E1' Manuscript-2012: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.). Петрозаводск, Ижевск, 2012а. С. 31–34.

Бембеев Е. В. Опыт квантитативной обработки текста на старокалмыцком языке: количественные характеристики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012б. № 2. С. 163–168.

Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1978. Т. 1. 441 с. Т. 2. 417 с.

Джангар. Список Малодербетовского улуса. Рук. на старокалм. письм. Оригинал записи поэмы «Догшн Шар Гүргү» // Рукописный фонд науч. библиотеки Восточ. фак-та СПбГУ. Шифр: 325.

Куканова В. В. Архитектура метаописания в Национальном корпусе калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 139–145.

Куканова В. В. Фольклорный подкорпус: проблемы, структура и перспективы использования // Участие калмыков в укреплении российской государственности: Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории. Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 193–198.

Куканова В. В., Бембеев Е. В., Музраева Д. Н. К вопросу о кодировке UNICODE графической системы «тодо бичиг» и создания базы данных текстов на старокалмыцком языке // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 3 (19). С. 65–75.

References

Bembeyev E. V. Manuscript Collections in the Old Kalmyk (Oirat) Language of 18th–19th Centuries in the Light of Computer Processing: Problem Statement. In: Information Technologies and Written Heritage. Conf. proc. (Petrozavodsk, 3–8 September 2012). Petrozavodsk, Izhevsk, 2012a. Pp. 31–34. (In Russ.)

Bembeyev E. V. Experience of Quantification Text Processing in the Old Kalmyk Language: Quantitative Characteristics. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2012b. No. 2. Pp. 163–168. (In Russ.)

Dzhangar. Kalmyk Heroic Epic. A. Sh. Kichikov (comp.). G. I. Mikhailov (ed.). Moscow: Nauka, Vost. lit., 1978. Vol. 1. 441 p. Vol. 2. 417 p. (In Russ.)

Dzhangar. Copy of Maloderbet ulus. Original Record of the Poem “Dogshn Shar Gyrgy”. In: Manuscript Collection of the Scientific Library of Eastern Department of St. Petersburg State University. Cipher: 325. (In Russ.)

Kukanova V. V. Architecture of Meta-description in the National Corpus of the Kalmyk Language. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2011. No. 1. Pp. 139–145. (In Russ.)

Kukanova V. V. Folklore Sub-corpus: Problems, Structure and Prospects of Use. In: Participation of Kalmyks in the Strengthening of the Russian Statehood. Conf. proc., devoted to the 1150th anniversary of the Russian statehood and the Year of Russian history. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2012. Pp. 193–198. (In Russ.)

Kukanova V. V., Bembeyev E. V., Muzrayeva D. N. Concerning UNICODE Coding of the Graphic System “todo bichig” and Creation of Database of Texts in the Old Kalmyk Language. *Bulletin of Kalmyk University*. 2013. No. 3 (19). Pp. 65–75. (In Russ.)

**«...И друг степей калмык»:
из материалов к комментарию**

“... and the Kalmyk, Friend of the Steppes”:

Materials for the Comment

*Б. А. Кичикова (B. Kichikova)*¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Associate Professor, Senior Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Аннотация. В статье представлен историко-литературный комментарий к формуле «и друг степей калмык» из итогового стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (21 августа 1836 г.). Суггестивная пушкинская формула рассматривается в аспектах одической традиции XVIII в. и в связях с поэзией В. А. Жуковского — как составная часть поэтического приема «этнографический каталог». Вариант «сын степей калмык» в окончательной редакции звучит как «друг степей калмык», приобретая точность поэтическую и историческую.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Жуковский, пролог поэмы, горацянская ода, поэтическая традиция, калмык, поэтическая формула.

Abstract. The article provides a historical and literary comment on the formula “and the Kalmyk, friend of the steppes” from the final version of A. Pushkin’s poem “I Have Erected a Monument to Myself...” (August 21, 1836). Pushkin’s suggestive formula is considered in terms of the eighteenth-century odic tradition and its connections to V. Zhukovsky’s poetry – as a component of the poetic device “ethnographic catalogue”. In the final version, the formula “the Kalmyk, son of the steppes” transforms into “the Kalmyk, friend of the steppes” thus becoming more precise, both historically and poetically.

Keywords: Pushkin, Zhukovsky, prologue of the poem, Horatian ode, poetic tradition, Kalmyk, poetic formula.

Стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» завершает последний и оказавшийся итоговым лирический цикл А. С. Пушкина. По месту создания — дача на Каменном Острове под Петербургом, которую Пушкины снимали летом 1836 г., — цикл получил устойчивое название «каменноостровского». Итоговый лирический цикл в ряде аспектов был изучен в отечественной историко-литературной науке [Измайлов 1975: 243–259; Сурат, Бочаров 2002: 208–215; Фомичев 2003: 181–213]. Цикл 1836 г. является итоговым по проблематике включенных в него произведений:

(Из Пиндемонти).

«Отцы пустынноики и жены непорочны...»

(Подражание италиянскому).

Мирская власть.

«Когда за городом, задумчив, я брожу...»

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Последнее стихотворение, знакомое каждому читателю в России со школьных лет, давно обрело краткое название — по смыслу первой строки и по общей теме — «Памятник». Под ним выставлена авторская помета: *авг. 21. кам. остр.*

Литература о «Памятнике» практически не поддается обзору и красноречиво выражает трактовки творчества А. С. Пушкина в разные эпохи и времена — сообразно господствовавшим в них идеологическим и политическим догматам. Классическими трудами XX в. и на рубеже веков стали как специальное исследование «Памятника» академика М. П. Алексеева [1967], так и работа 1923 г. Л. В. Пумпянского [изд. 1977; переизд. 2000]; ценные и плодотворные положения содержатся в указанных работах И. З. Сурат и С. Г. Бочарова, С. А. Фомичева.

Жанр данного стихотворения определяется как жанр горацианской оды — согласно традиции, ведущей к прославленному римскому поэту, начало оды «К Мельпомене» (№ 30 из кн. IV) которого избрано эпитафией у Пушкина.

«Судьба души — центральная тема стихотворения „Я памятник себе воздвиг нерукотворный...“, занимающего особое и хронологи-

чески последнее место в ряду каменноостровских стихов». Исследователи отмечают ближайшие отечественные корни: «Стихотворение восходит <...> ближайшим образом к переложению Горация в „Памятнике“ Державина и учитывает всю лежащую между этими двумя текстами традицию, в которую Пушкин вносит свое персональное слово» [Сурат, Бочаров 2002: 213].

Рассматриваемая далее формула «...и друг степей калмык» завершает третью строфу — о народах, населяющих Россию и в будущем внемлющих слову поэта:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык (III, 434)¹.

Примечательно, что одно из сложившихся направлений изучения «Памятника» связано именно с данной строфой — в связи с проблемой отечественной жанровой традиции, с поисками претекста и с задачами интерпретации.

Общая русская одическая традиция, восходящая к оде Горация, ясно очерчивает линию: М. В. Ломоносов. «Я знак бессмертия себе воздвигнул» (перевод 1747 г.), Г. Р. Державин. «Памятник» (переложение 1795 г.), «Лебедь» (реплика 1804, содержащая мотив «перечня народов»). В военной оде И. И. Дмитриева «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794) появилась рифма «язык — калмык», подхваченная А. С. Пушкиным в черновиках послания к «Зеленой лампе» [Кичикова 2014: 167] и утвержденная в его итоговом стихотворении [Макогоненко 1967: 422].

Академик М. П. Алексеев пишет о традиции горацевой оды «К Мельпомене»: «„Общим местом“ поэзии французской, английской, немецкой со времени Возрождения сделался <...> географический и этнографический перечень народов и стран, о которых

---

¹ Цитаты из произведений и переписки А. С. Пушкина далее всюду приводятся в скобках с указанием тома и страницы по юбилейному репринтному воспроизведению Большого академического издания, дополненного томами «Рукою Пушкина», «Рисунки Пушкина» и расширенным справочным томом: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 19-ти томах. М.: Воскресенье, 1994–1997.

объявляет поэт, вдохновенно прорицающий о своей славе» [Алексеев 1967: 80]. Ученый излагает мнение польского исследователя В. Ледницкого (1954), по мнению которого «намерение Пушкина при выборе наименований народов для этого перечня заключалось прежде всего в том, чтобы очертить дальние пределы всех четырех климатов, или географических зон, современной ему России — Запад (гордый внук славян), Север (финн), Восток (тунгуз), Юг (калмык) <...>» [Алексеев 1976: 81].

Последующие поиски претекстов с перечислениями народов для третьей пушкинской строфы выявляют произведения уже XIX столетия, посвященные «грозе двенадцатого года» и памяти о всенародном — всех народов — подвиге в Отечественной войне.

Справедливо отметив, что «у всех без исключения предшественников Пушкина эти перечисления носили отвлеченный, символический характер», А. Н. Шустов называет в качестве такого предшественника В. А. Жуковского: «Многонациональность Российской империи особенно привлекала внимание Жуковского. Перечни народов являются его излюбленным художественным приемом: по сравнению с другими поэтами у Жуковского их во много раз больше» [Шустов 1973: 104]. Приводя отрывки из произведений «Могущество, слава и благоденствие России» (1799) и «Послание к А. Ф. Воейкову» (1814), А. Н. Шустов обращается к статье поэта о торжествах по случаю открытия Александровской колонны в Петербурге 30 августа 1834 г. (от присутствия на которых А. С. Пушкин уклонился). Между памятником Петру I на Сенатской площади и новой колонной на Александровской площади, писал В. А. Жуковский, «одним мановением царским сдвинута была стотысячная армия, а в этой стотысячной армии под одними орлами и русский и поляк, и литовец и финн, и татарин и калмык, и черкес и боец закавказский <...> Не вся ли это Россия? — восклицал далее Жуковский. — Россия, созданная веками, бедствиями, победою» [цит по: Шустов 1973: 105]. Далее исследователь отмечает: «В „Памятнике“ Пушкина встречаются „гордый внук славян“ (русский), финн, тунгус, калмык. В черновике, кроме того, были киргизец, грузинец и черкес. Четыре национальности — русский, финн, калмык и черкес (из черновика) — совпадают с перечнем

из статьи Жуковского» [Шустов 1973: 106]. Приведенный текст газетной статьи В. А. Жуковского дает исследователю основание сделать вывод: «Таким образом, при внимательном рассмотрении источников пушкинского „Памятника“ устанавливается тесная поэтическая связь его с творчеством Жуковского» [Шустов 1973: 106].

«Неожиданные переключки с героическими стихами» В. А. Жуковского периода Отечественной войны 1812 г. — знаменитым диптихом «Певец во стане русских воинов» и «Певец в Кремле» — у А. С. Пушкина выявил О. А. Проскурин, причем обнаружил пушкинское обращение к приему «этнографического каталога» вовсе не в итоговом произведении поэта, а в прологе к его неоконченной романтической поэме «Братья разбойники» (1822).

Согласно интересному и перспективному наблюдению исследователя, «этнографический каталог в начале поэмы (описание шайки) несомненно восходит к «Певцу в Кремле» В. А. Жуковского, составляющему вместе с «Певцом во стане русских воинов» своеобразный «военно-патриотический» диптих:

И в черных локонах еврей,
И дикие сыны степей,
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью праздной
Везде кочующий цыган!

Ср.: у В. А. Жуковского:

Калмык, башкир, черкес и финн
К знаменам побежали,
И все оградой из дружин
Кругом престола стали.

Как можно заметить, пушкинская поэма отчетливо соотнесена со своими претекстами не только «формально», но и «содержательно» — причем соотнесена «по принципу контраста» [Проскурин 1999: 132]. О. А. Проскурин делает вывод: «Соответственно семья народов, сплотившаяся вокруг священного престола, превращается в многонациональную разбойничью шайку. Некоторые персонажи этнографического перечня Жуковского, перешедшие в пушкинскую поэму, получают подчеркнуто снижающие характеристики (баш-

кирец безобразный, рыжий финн); при этом перечень пополняется аутентично «низкими» персонажами — цыганом и евреем» [Проскурин 1999: 133].

Отметим, что из представителей названных в прологе пушкинской поэмы пяти народов «снижающие» прямо или косвенно характеристики получили все, кроме калмыка. Как видим, прием, восходящий к высокой оде XVIII в., у Пушкина в порядке эксперимента апробирован в низком контексте, а затем возвращен в исконное жанровое русло в «Памятнике».

Таким образом, в отношениях пророческого предвосхищения и переосмысленного предсказания находятся между собой, диалогически перекликаясь, увертюрно прозвучавшая строка о «диких сынах степей» («Калмык, башкирец безобразный» — IV, 145) из пролога поэмы «Братья разбойники» (1822) — и поименование «языков» в составе «всей Руси великой» из итогового стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

И друг степей калмык — в начале движения этой темы у А. С. Пушкина, в прологе к поэме «Братья разбойники» калмыки названы «сынами степей» (IV, 145); «сын степей калмык», — повторит поэт в черновом варианте строки «Памятника» (III, 1035), а потом исправит: «друг степей»; исправленное выражение окажется более точным в свете истории названного народа: со времени работы над «Историей Пугачева» А. С. Пушкин знает, что калмыки **пришли** в приволжские степи, а не жили в них искони — то есть не были порождены ими, не являлись их «сынами». «Друг степей калмык» (III, 424) — это единственная формула «Памятника», которая не подчинена временным изменениям; здесь найдено и выделено качество постоянное, и идея постоянства, верности себе заложена в самом определении «друг степей», как в слове «степи» уже содержится представление о вольности и свободе.

Впрочем, связь между приемом «этнографического каталога» в русской оде XVIII в. и прологом к поэме «Братья разбойники» отмечена и у других исследователей — М. Д. Эльзона [2001: 189–190] и М. И. Шапира [2009: 212–213], которые отчего-то на наблюдение О. А. Проскурина не ссылались. Из указанных авторов последний усматривает едва ли не для всех этнографических

указаний Пушкина один пародируемый претекст — знаменитую оду Г. Р. Державина «Фелица» [Шапир 2009: 212–215]. Маленькая любопытная заметка М. Д. Эльзона предлагает еще один источник пушкинского перечня в качестве уточнения к исследованию академика М. П. Алексеева. Этот источник М. Д. Эльзон обнаруживает в титуловании российских самодержцев: «М. П. Алексеев, видимо, использовал эвфемизмы, не имея возможности назвать лежащий на поверхности источник — три варианта (полный, сокращенный, краткий) титулования российских самодержцев. Обращение к тексту показывает, что Пушкин взял за основу последний и дополнил его элементами (изменив последовательность) полного. Ср.:

<i>Император и Самодержец</i>	
<i>Всероссийский</i>	по всей Руси
<i>Царь польский</i>	гордый внук славян
<i>Великий князь Финляндский</i>	финн
<i>и прочая, и прочая, и прочая</i>	
<i>Царь Астраханский, Царь</i>	калмык, тунгус
<i>Сибирский</i>	

Это подтверждает аналогичный нерегламентированный перечень в зачине к «Братьям разбойникам» (1821–1822):

Меж ними зрится и беглец
 С берегов воинственного Дона,
 И в черных локонах еврей,
 И дикие сыны степей,
 Калмык, башкирец безобразный,
 И рыжий финн, и с ленью праздной
 Везде кочующий цыган¹» [Эльзон 2001: 189].

Особенности пушкинского обращения к оде Горация «К Мельпомене» требуют, разумеется, специального изучения. В рамках же данной статьи остается отметить, что пушкинская рецепция античной и средневековой западноевропейской поэзии определяется задачами не перевода, не переложения и даже не ответной реплики в диалоге с нею.

¹ Указанием на параллель автор обязан Н. Н. Скатову.

Как заметила И. З. Сурат о ряде подобных пушкинских произведений последних лет, «многие из них органично соединяют в себе качества перевода, более или менее точного, и свойства исповедальной лирики», «когда чужое слово становится средством лирического самовыражения» [Сурат 2000: 101, 102]. Так, принявшись за перевод оды Горация к Помпею Вару, поэт выразил в нем неистовое ожидание встречи с сосланным другом («Кто из богов мне возвратил...» — 1835). «Мотивы, взятые у Горация, наполнены непереводаемым лиризмом — стихи несводимы к переводу, они разомкнуты в бесконечную смысловую глубину и дышат тайной, как это часто бывает в лирике Пушкина» [Сурат 2000: 101].

В «Памятнике» названы те народы и народности, которые были поэту известны: «гордый внук славян», «и финн», «и друг степей калмык». Из перечня народов в третьей строфе лишь «и ныне дикой тунгус», название которого соседствует в строке с калмыком, никак не мог быть известен поэту. Однако, как заметил М. П. Алексеев, Ю. Н. Тынянов (в 1939) «уже давно указал на то, что это явилось следствием письма, полученного Пушкиным от В. К. Кюхельбекера из Баргузина (в Забайкалье) от 12 февраля 1836 г.» [Алексеев 1967: 81].

Ссылный В. К. Кюхельбекер, лицейский друг и «брат родной по музе», в указанном письме замечал: «Тунгусов я встречал мало: но в них что-то есть; звериное начало (*le principe animal*) в них сильно развито и, как человек-зверь, тунгус в моих глазах гораздо привлекательнее расчетливого, благоразумного бурята» (XVI, 85).

Разумеется, строгий одический канон и сама высочайшая проблематика «Памятника» не допускали включения в текст личных аллюзий. Но, возможно, упоминание «тунгуса» означает не только необозримый Север, населенный «и ныне дикими» народами, но и, в совершенно личном, подтексте стихотворения подразумевает мысль-напоминание, мысль-обращение к далекому ссылкой другу, друзьям, привет и ободрение им в «каторжные норы»? Ведь перевод другой горациевой оды поэт сделал «средством лирического самовыражения»: «На тайные листы записывал я жизнь». Горацианская ода «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» завершает и эту линию лирического творчества А. С. Пушкина.

Как отмечалось выше, формула «друг степей калмык» отлилась только в итоговом стихотворении поэта. Формула эта суггестивна как в поэтическом, так и в строгом историческом смысле. За ней встают точные знания об историческом и не столь давнем прошлом народа, вошедшего в состав России, полученные от Н. Я. Бичурина. Так, одно из обширных примечаний к «Истории Пугачева», где А. С. Пушкин касается самого трагического периода в истории калмыков — исхода 1771 г., накануне восстания — предварено введением: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побегах калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из неизданной еще его книги о калмыках» (IX, 95).

С учетом претекстов В. А. Жуковского (особенно гимна «Певец в Кремле») за формулой «друг степей калмык» встают представления о калмыках как о народе, вставшем на защиту Отечества в 1812 г.

Так оживают, уходя в прошлое и уводя в будущее «Руси великой», представления А. С. Пушкина о народе, к которому он с юности испытывал нескрываемую симпатию и глубокое сочувствие.

В оде «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» поистине разрешаются все узлы проблематики творчества А. С. Пушкина и завершаются его основные темы. Вместе с завершением проблематики гражданской лирики и безусловным завершением темы поэта и поэзии здесь находит существенное завершение и тема «наших дальних соотечественников». Здесь же подытожена тема «Калмыки в мире Пушкина».

Еще при жизни А. С. Пушкина Н. В. Гоголь написал: «вдруг стало видимо далеко во все концы света» [Гоголь 1959: 183].

О пушкинском же «Памятнике» можно сказать: вдруг стало видимо далеко во все концы времени.

Литература

Алексеев М. П. Стихотворение А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (проблемы его изучения). Л.: Наука, 1967. 272 с.

Гоголь Н.В. Страшная месть // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Худож. лит., 1959. 366 с.

Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20–30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 213–269.

Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, Калмык!» (вопросы текстологии, материалы к комментарию: Часть I) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 163–168.

Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) // Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подг. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л.: Сов. писатель, 1967. (Большая серия «Библиотеки поэта» Изд. 2). С. 5–68.

Сурат И. З. Пушкин: биография и лирика. Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. М.: Наследие, 2000. 233 с.

Сурат И. З., Боcharов С. Г. Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002. 220 с.

Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 462 с.

Пумпянский Л. Об оде А. Пушкина «Памятник» // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 135–151.

Пумпянский Л. В. Об оде А. Пушкина «Памятник» // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы / отв. ред. А. П. Чудаков; сост. Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 197–209. Примеч.: С. 679–688. (Язык. Семиотика. Культура).

Пушкин А. С. Т. III (1, 2) Стихотворения 1826–1836. Сказки. М.: Воскресенье, 1997. 1379 с.

Пушкин А. С. Т. IV. Поэмы 1817–1824. М.: Воскресенье, 1994. 481 с.

Пушкин А. С. Т. IX (1) История Пугачева. М.: Воскресенье, 1995. 485 с.

Пушкин А. С. Т. XVI. Переписка. 1835–1837. М.: Воскресенье, 1997. 503 с.

Фомичев С. А. Каменноостровский цикл // Пушкин А. С. Лирические циклы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома. Изд-во «Вита Нова», 2012. С. 181–213. (Новая Библиотека поэта. Малая серия).

Шапир М. И. О неровности равного: Послание Пушкина «Калмычке» на фоне макроэволюции русского поэтического языка // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 209–217.

Шустов А. Н. Жуковский и стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» // Временник пушкинской комиссии. 1973. Л.: Наука, 1975. С. 103–106.

Эльзон М. Д. «Всяк сущий в ней язык...» (об источнике пушкинского перечня) // Русская литература. СПб.: 2001. № 1. С. 189–190.

References

Alekseev M. P. The Poem by Alexander Pushkin “I’ve Built myself a Monument, a one not Man-made...” (Issues of its Study). Leningrad: Nauka, 1967. 272 p. (In Russ.)

Elzon M. D. “And any Tongue will Voice ...” (about the Source of Pushkin’s List). *Russian Literature*. St. Petersburg: 2001. No. 1. Pp. 189–190. (In Russ.)

Fomichev S. A. Kamennooostrovskiy Cycle. In: Pushkin A. S. Lyrical Cycles. St. Petersburg: Pushkin House Publ., Vita Nova, 2012. Pp. 181–213. New Library of the poet. Small series. (In Russ.)

Gogol N. V. The Terrible Revenge. In: Gogol N. V. Collection of Works. In 6 vol. Vol. 1. Evenings on a Farm near Dikanka. Moscow: Khud. lit., 1959. 366 p. (In Russ.)

Izmailov N. V. Lyrical Cycles in Pushkin’s Poetry of the Late 20-30s. In: Izmailov N. V. Essays on Pushkin’s Work. Leningrad: Nauka, 1975. Pp. 213–269. (In Russ.)

Kichikova B. A. “Wish me Health, Kalmyk!” (Issues of Textology, Materials to the Commentary: Part I). *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2014. No. 3. Pp. 163–168. (In Russ.)

Makogonenko G. P. “The Warrior Private on the Pinde” (Poetry of Ivan Dmitriev). In: Dmitriev I. I. Complete Collection of Poems. G. P. Makogonenko (prep.). Leningrad: Sov. pisatel, 1967. Large ser. Libraries of the Poet. 2nd ed. Pp. 5–68. (In Russ.)

Proskurin O. A. Pushkin’s Poetry, or Moving Palimpsest. Moscow: A New Literary Review, 1999. 462 p. (In Russ.)

Pumpyansky L. Concerning Pushkin’s Ode “Monument”. *Issues of Literature*. 1977. No. 8. Pp. 135–151. (In Russ.)

Pumpyanskiy L. V. Concerning Pushkin’s Ode “Monument”. In: Pumpyanskiy L. V. Classical Tradition. Collection of Works on the History of Russian Literature. A. P. Chudakov (ed.). E. M. Isserlin, N. I. Nikolaev (comp.). N. I. Nikolaev (prep., comment.). Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. Pp. 197–209. (In Russ.)

Pushkin A. S. Vol. III (1, 2). Poems 1826–1836. Fairy Tales (1, 2). Moscow: Voskresenie, 1997. 1379 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. Vol. IV. Poems 1817–1824. Moscow: Voskresenie, 1994. 481 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. Vol. IX (1). History of Pugachev. Moscow: Voskresenie, 1995. 485 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. Vol. XVI. Correspondence. 1835–1837. Moscow: Voskresenie, 1997. 503 p. (In Russ.)

Shapir M. I. On the Unevenness of the Equal: Pushkin’s Message “To the Kalmyk Lady” against the Background of Macro-evolution of the Russian Poetic Language. In: Shapir M. I. Articles about Pushkin. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2009. Pp. 209–217. (In Russ.)

Shustov A. N. Zhukovsky and Pushkin’s Poem “I’ve Built myself a Monument, a one not Man-made...”. In: Chronicles of Pushkin Commission. 1973. Leningrad: Nauka, 1975. Pp. 103–106. (In Russ.)

Surat I. Z. Pushkin: Biography and L Problems. Reviews. Notes. Feedback. Moscow: Nasledie, 2000. 233 p. (In Russ.)

Surat I. Z., Bocharov S. G. Pushkin. Brief Essay on Life and Work. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2002. 220 p. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Выпуск 9

Компьютерная верстка
и подготовка оригинал-макета — Татнинов Д. В.

Подписано в печать 09.12.2016 г. Формат 60x90/16.
Усл.печ.л. 13,6. Тираж 300 экз. Заказ 16-16.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр РАН»
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8